

Е. И. ДЕРЕВЯНКО
ДРЕВНИЕ ЖИЛИЩА
ПРИАМУРЬЯ

902.6(57)1602267
D-360 Девяко Е.
Древний человек
Тирамисов.
1991.

2.90.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Е. И. ДЕРЕВЯНКО

ДРЕВНИЕ ЖИЛИЩА ПРИАМУРЬЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук Ю. С. Худяков

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 63.3(0)
Д36

902.6(57)
Д-360

Рецензенты

член-корреспондент АН СССР В. И. Молодин
кандидат исторических наук В. И. Соболев

Утверждено к печати
Объединенным институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Деревянко Е. И.
Д36 Древние жилища Приамурья.— Новосибирск: Наука.
Сиб. отд-ние, 1991.— 158 с.
ISBN 5—02—029634—1.

В монографии, обобщающей 25-летний опыт раскопок древних поселений на Дальнем Востоке, на широком археологическом материале показано развитие древнего жилища от палеолитической эпохи до этнографического времени. Привлекая археологический материал с сопредельных территорий Китая, Японии, Кореи, Приморья, Забайкалья, Якутии, автор прослеживает своеобразие жилых комплексов и преемственность традиций, взаимопроникновение новых технических достижений на обширной территории Азии.

Большое количество реконструкций древних жилищ делает книгу наглядной и интересной.

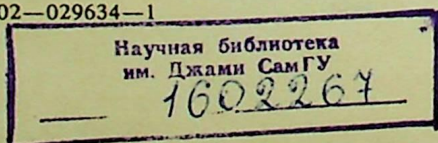
Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов.

Д 0504000000—192 93—91 I полугодие
042(42)—91

ББК 63.3(0)

ISBN 5—02—029634—1

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Говорят, что одежда, пища и жилище — три необходимых элемента жизни. Строительство дома — одна из черт, отличающих человека от животных. Со времен возникновения человечества проблема жилища являлась той проблемой, которую необходимо было решать, чтобы выжить. Предок человека на стадии питекантропа, только-только отделившись от животного мира, по-прежнему жил в густых лесах жаркого пояса; он обитал на деревьях — иначе ему было трудно выжить в густой чаще в окружении диких зверей.

Жилище — это область культуры, которая формировалась в течение длительного времени. На развитие жилища оказали влияние многообразные факторы.

«Не зная, в каких домах жили люди в определенную историческую эпоху, нельзя составить достаточно яркого и конкретного представления о самой этой эпохе»¹. Хозяйственно-жилищные комплексы — один из основных источников изучения производительных сил и социальной структуры древних обществ. Знание жилища помогает решению многих проблем истории этногенеза, хозяйства, семейного и общественного быта, верований, искусства.

Одной из наиболее древних форм жилища является щит, или заслон, которым первобытный человек, останавливаясь в поисках пищи в каком-то месте на короткое время, защищал свой костер от ветра и дождя. Сверху всегда оставалось отверстие для выхода дыма. Позднее в условиях умеренно жаркого и теплого пояса человек стал выбирать для жилья природные пещеры в скалах, подходящие для жизни. В древних письменных источниках эпохи Цинь на основании более ранней устной традиции описаны формы первобытных построек. В «Ханьфэйцзы», например, сказано: «Строили из дерева гнезда, чтобы избежать нападений». В «Моцзы»: «Пещеры превращаются в дома». Из этого можно заключить, что существовали два древнейших вида жилищ: гнезда и пещеры².

От первобытных гнездовых жилищ не осталось никаких следов. Однако письменные источники дают возможность представить, как создавались гнездовые жилища — главная форма жилищ в условиях влажного жаркого пояса.

При помощи каменных топоров наши предки делали на дереве развилину — опору для гнезда — и устилали ее листьями и травой. Сверху устраивали густой полог из веток и листьев, защищавший от дождя и ветра. Сначала устраивали навес на одном большом дереве, затем стали объединять несколько небольших соседних

Рис. 1. Эволюция гнездового жилища.

деревьев и между ними делали гнездовое жилище. Постепенно люди научились срубать деревья и на подходящем для жилья месте строить гнездовые жилища из обработанных человеком стволов. Такие гнезда часто сооружались по берегам сырых топких болот, при этом использовался метод забивки свай, между столбами устраивалась жилая комната. Такой тип гнездового жилища называется решетчатой постройкой (рис. 1)³.

В возвышенных лёссовых районах первобытные люди при помощи палок, костей, рогов и каменных орудий выкапывали в лёссовых обрывах пригодные для жилья пещеры. Горизонтальные первобытные пещеры не сохранились, следов их не найдено. Обнаружены только пещеры, относящиеся к позднему неолиту, однако они не утратили следов первобытных форм. В лёссовых районах такие пещеры легко было сделать, их и позже продолжали использовать. Сейчас во многих лёссовых районах местные жители пользуются слегка усовершенствованными горизонтальными пещерами⁴.

Нет ни одного археолога, который при раскопках поселений не стремился бы выявить конструктивные особенности жилищ: без этого нельзя составить представление о жизни и быте древних людей. Остановимся на одном примере. Чтобы согреться в сырых пещерах, люди использовали огонь и шкуры животных. Ученые не сомневались в том, что древние люди спали в пещерах на шкурах, но прямых доказательств этого не было. И только недавно археологам помогли химики с их современными методами анализа. «В культурном слое, оставленном 30 тысяч лет назад охотниками на мамонта, в одной небольшой пещере в Южной Германии химики установили высокий процент содержания жиров — почти 0,2. Состав жировых кислот исключал возможность происхождения их из богатых охотничьих трапез. Главной составной их частью была цероновая кислота, которая встречается в животном воске. В то время в этих краях не было ни пчел, ни других производителей воска. Поэтому было высказано предположение, что эта кислота про-

исходит из жиров шерсти млекопитающих, где она действует как консервирующее вещество»⁵.

Однако вернемся к типам жилищ. Кроме названных двух видов жилья в палеолите существовали также жилища на открытой местности — большие круглые, овальные дома, каркас которых составляли кости крупных животных. Сверху каркас покрывали шкурами зверей. Очагов в жилище было много. Самые ранние — дома с одним очагом, затем с двумя, тремя и т. д. Увеличение числа очагов в больших домах отражало деление большой семьи на малые семьи. Хотя утверждать это наверное невозможно. Л. Г. Морганом описаны большие дома алеутов — длиной 150 футов, в каждом 24 очага, по одному на две семьи. В одном доме могло жить до 500 чел. Число очагов означало количество групп, строивших свою домашнюю жизнь на коммунистических началах⁶.

Первичная общественная ячейка — община — состояла из нескольких семей, которые часто жили в больших жилищах (15 x 10 м). Центром большой семьи была женщина-мать (продолжательница рода, традиций, хранительница огня, кровного родства), пользовавшаяся уважением всего сообщества.

В это время существовали переносные жилища-хижины для охотников, вынужденных следовать за передвигавшимися животными. Остатки этих жилищ — круглые земляные насыпи или каменные валы диаметром 3—4 м. На такую насыпь ставили колья, которые покрывали шкурами животных. Элементы этого дома могла легко переносить небольшая группа людей даже без использования саней или животных.

В эпоху палеолита господствовали собирательство и охотничье хозяйство. Древний человек собирал дикорастущие плоды, ягоды, семена, цветы, ящериц, мышей, моллюсков, яйца птиц — все, что можно было съесть. В субтропиках и умеренном климате этим можно было обеспечить более 50 % своего меню, в более холодных — 1/3, в арктических областях собирательство не давало соевой доли необходимого пропитания.

В мезолите, примерно 10 тыс. лет назад, заканчивается последняя ледниковая эпоха, изменяется климат, он становится теплее. Мамонты вымирают, другие крупные животные, на которых охотился человек позднего палеолита, уходят на север. Люди вынуждены приспосабливаться к изменившимся условиям. Они живут меньшими группами, по несколько десятков человек, охотятся, ловят рыбу, собирают лесные плоды, затем переходят к выращиванию злаков и разведению скота.

В неолитический период древние люди стали создавать поля, расчищая местность от леса при помощи рубки и выжигания. С помощью мотыг и палок-копалок они обрабатывали такой участок, который их кормил. Через 10—15 лет земля истощалась, люди переходили на новый участок, выпиливали лес, создавали новое поселение, а через 30—40 лет возвращались на прежние места. Население росло, так как земледелие позволяло его прокормить, а оседлый образ жизни способствовал увеличению числа детей. В каждом новом поколении население увеличивалось примерно вдвое.

Рядом с полем вырастали поселения с постоянными жилищами — 10—15 больших домов, ограда для скота. Жилища неолитических культур практически всей лесной, лесостепной и большей части степной зоны Евразии, где господствовали присваивающие формы добычи пищи, резко отличались от жилищ южных культур, где преобладали скотоводство и земледелие. Для последних характерны в основном полуземлянки и землянки со стенками, сооруженными из дерева без глиняной обмазки.

Итак, постоянное жилище появилось тогда, когда люди смогли обеспечить себя определенным пропитанием. Огонь позволял древнему человеку переселяться в холодные районы.

Во время раскопок археологи находят в большинстве случаев только следы тех частей построек, которые были углублены в землю (ямы от столбов, желобы от фундаментов, границы углубленного пространства, а также куски обмазки из глины, остатки балок и столбов). Остатки наземные очень редки. Древних глиняных моделей домов найдено совсем немного, и к тому же они очень упрощены.

Ведя раскопки и осмысливая полученный материал, в частности остатки деревянного жилища, археолог решает многие вопросы, опираясь на опыт прежних раскопок. Но что-то остается неясным. На помощь приходит эксперимент.

Польские экспериментаторы сжигали деревянные шалаши. Сравнивая различные объекты, они установили, что по остаткам деревянных построек часто можно определить их форму и величину, но восстановить архитектурные детали удастся только в исключительных случаях (рис. 2).

«В Дании, в Аллерслеве, с 1958 года существует “неолитическая” деревенька из нескольких домов. Опорные деревянные столбы их высотой более двух метров, стены сплетены из прутьев и обмазаны глиной. Экспериментаторы спокойно готовили на открытом огне ужин. И вдруг — пожар! На крыше одного из домов появились языки пламени. Кто-то вел себя неосторожно и развел слишком большой огонь. Пожар потушить не удалось, в результате дом превратился в кучу золы и обгоревших бревен. Изучая следы пожара, археологи обнаружили, что глина обмазки спеклась, оказалась обожженной на глубину 5 мм и полностью соответствовала спекшейся древней обмазке. Кровельные брусья превратились в тонкие палки. После этого пожара уже никто не подвергал сомнению целесообразность искусственного уничтожения моделей древних объектов»⁷. Еще раньше М. П. Грязнов отмечал, что для получения слоя золы в 1 см толщиной надо сжечь слой древесины толщиной около 1 м⁸.

В Овертон-Дауне (Великобритания) провели следующий эксперимент. Выкопали ров с крутыми стенками и ровным дном. Вал построили длиной 21 м, высотой 2 м, шириной в основании 7 м. От рва он отстоял более чем на 1 м. Ширина рва наверху составляла 3 м, внизу — 2,4, глубина — 1,5 м. Дерн из рва уложили в нижнюю часть вала, глину второго слоя также вынули из рва. В заполнении вала и вокруг него положили различные вещи: обожженные и сырые кости, предметы из дерева, кожи, камня, керамики. Раскопки запланировали провести через 128 лет. Часть рва археологи

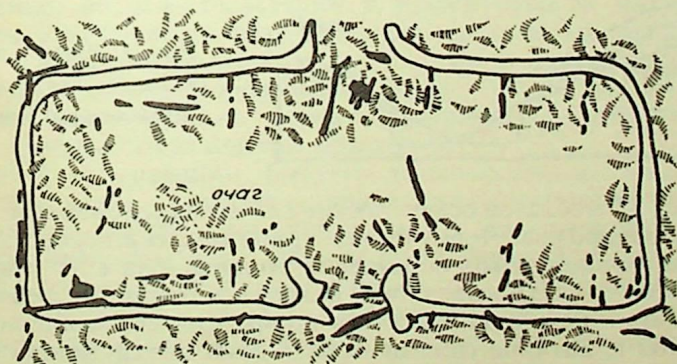
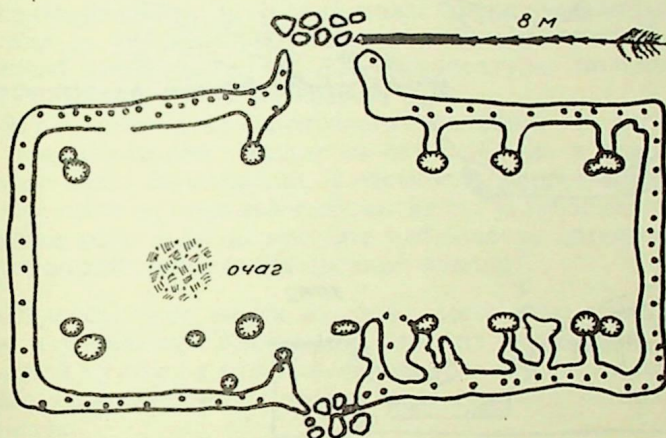
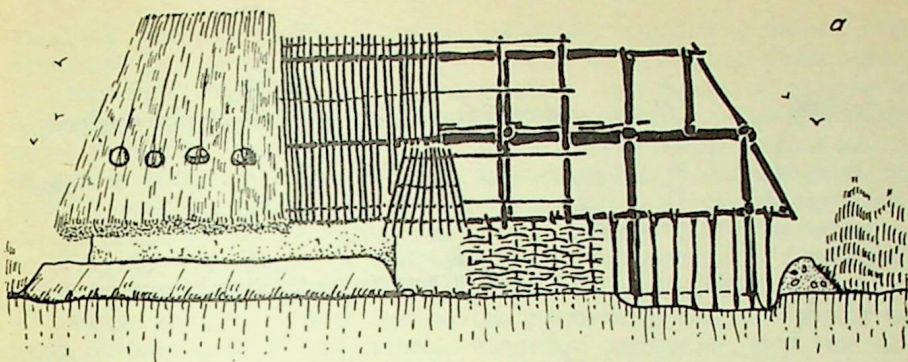

Рис. 2. Дом эпохи железа (по Р. Малиновой и Я. Малина).

а — модель; б — план, по которому он был построен;

в — план остатков дома после пожара.

исследовали уже спустя 7,5 мес. Было обнаружено, что осыпь высотой 30 см покрыла углы и боковые стены рва. Середина его оставалась чистой. Спустя 20,5 мес. слой осыпи со стен достиг уже метровой толщины, через 25,5 мес. первые куски дерна упали на середину

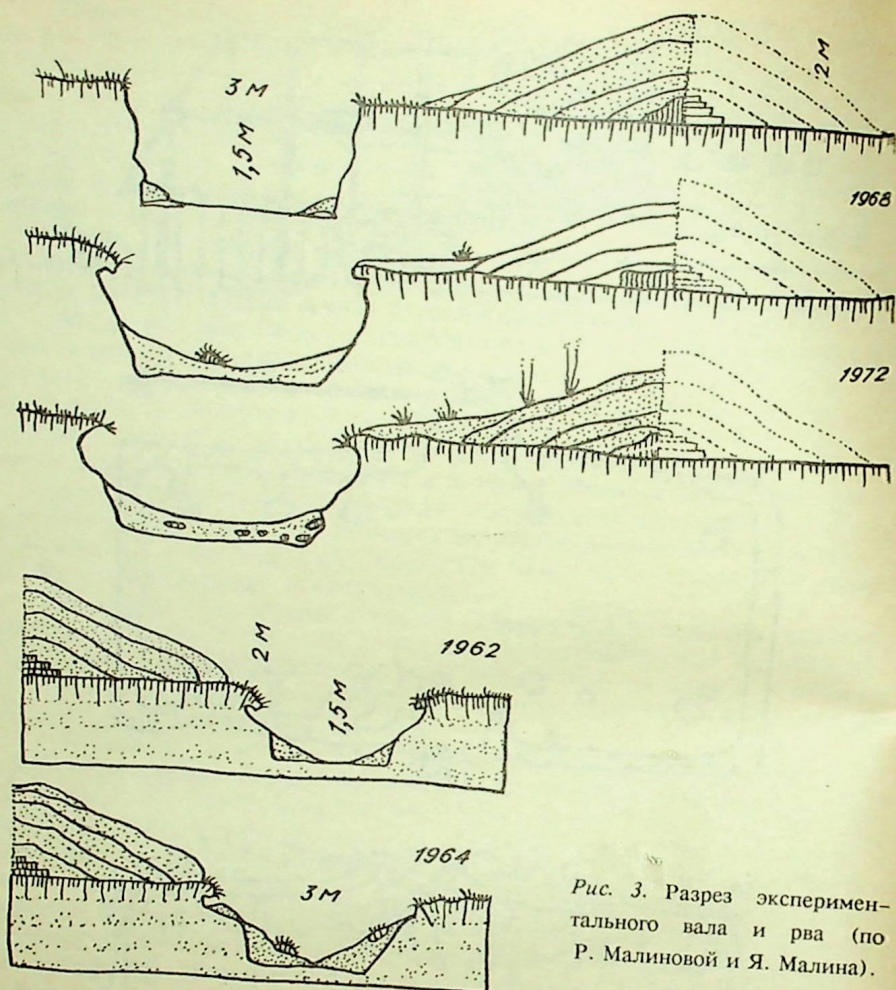

Рис. 3. Разрез экспериментального вала и рва (по Р. Малиновой и Я. Малина).

дна, через 32 мес. слой осыпи достиг 125 см и подточенный дерновый слой упал на дно рва. Через 48 мес. крупные куски дерна начали крошиться, а меловая осыпь образовала угол наклона в 32° (рис. 3). Отсюда можно сделать вывод, что находки в осыпи в середине рва не обязательно и не всегда относятся ко времени его возникновения.

В 1962 г. датчане сожгли модель дома эпохи железа размером 14×6 м с жилой частью и отделением для скота. Каркас состоял из вертикально вкопанных деревянных столбов, стены — из прутьев, обмазанных глиной. Деревянные детали пронумеровали металлическими бирками, установили термоэлектрические элементы. Внутри дома разместили предметы быта: орудия, посуду. Спустя 30 мин после возникновения пожара от постройки остались одни колья, торчавшие из кучи золы и обугленного дерева. Температура на уровне пола составляла 900°C , у стен 700°C . Часть обмазки стен

спеклась. Археологи исследовали пожарище через 6 месяцев. Эксперимент дал много нового, на что раньше не обращали внимания.

Черепки от глиняных сосудов были красными и черными. В месте, куда с крыши упал травянистый или вересковый дерн, археологи нашли черные осколки. Там, где упали части крыши из сена или соломы, фрагменты были красного цвета. Следовательно, по цвету глиняных фрагментов можно определить, из какого материала сделана крыша. Зола оказалась тоже разного цвета: от верескового дерна — белая, а от травянистого — красноватая. Глиняный пол покраснел, на нем остались черные очертания сгоревшего дерева. Опоры из дуба и ясеня оставили различные следы. Столбы из дуба сохранились и над полом, ясеньевые выгорели даже на несколько сантиметров ниже уровня пола. Спекшаяся твердая обмазка с оттисками прутьев образовалась вокруг толстых столбов, где дольше всего сохранялась высокая температура. Большие брусья упали на сгоревшее покрытие крыши.

В 1973 г. английские археологи построили в Батсер-Хилле круглый дом, в котором поселились сами. Жизнь в нем позволила сделать множество наблюдений. В частности, через несколько месяцев они заметили у внешней стороны входа углубление от стекающей с крыши воды и следы ног. Это наблюдение археологи использовали при определении входа древних жилищ⁹.

Переселяясь, люди несли на новые места свою культуру, материальную и духовную. Жилище — один из важнейших элементов материальной культуры каждого народа. Оказавшись в новых условиях, люди старались использовать свои прежние знания и опыт в строительстве.

Жилище чрезвычайно устойчиво по форме, и полуземляночные жилища не свидетельствуют о примитивности материальной культуры. Устойчивость некоторых конструктивных приемов (например, углубление нижней части жилища в землю) объясняется их практической целесообразностью, связанной не только с географическими условиями, но также с исторической традицией, длительным строительным опытом населения.

Некоторые традиции бытуют тысячелетиями. Так, дольше всего сохраняется практика установления открытого очага. Открытый очаг в центре дома существовал у насельников Приамурья в неолите, железном веке, раннем средневековье. Поскольку очаг выполнял несколько функций: служил для приготовления пищи, обогрева постройки, имел культовое назначение, сооружался он, видимо, из разных материалов — камня, битой посуды, костей животных. Существовали определенные традиции в размещении его в определенном месте жилища, от чего зависела и внутренняя планировка последнего. В небольших домах открытый очаг всегда находился в центре, это обеспечивало равномерный обогрев и освещение всего жилища, быстрый выход дыма через отверстие в крыше.

Изменение планировки жилища, вида очага часто объясняют этнической сменой населения. Считают, что изменения форм жилья и печей — самостоятельные процессы, не сопровождавшиеся никакими изменениями материальной культуры. А между тем из-

менения в планировке жилищ соответствовали развитию техники домостроительства, общему прогрессу в развитии жилищ. Определяющими оказывались рост и эволюция производительных сил, общий технический прогресс. Прав С. В. Томсинский, когда говорит, что «развитие производительных сил существенно меняет требования к жилищу. В процессе становления земледелия и скотоводства в жилище на зиму начинают помещать молодняк домашних животных, а для этого необходимо выделить часть жилой комнаты. С развитием ремесла появляется необходимость выделить часть площади жилища под мастерскую. Не последнюю роль могли сыграть изменения в структуре семьи. Усложнение жилища сдвинуло очаг в один из углов или к стене, что повело к изменению его формы»¹⁰.

Какие факторы — социально-экономические, этнические или конструктивно-технические — определяли те или иные изменения жилища и связь между отдельными группами жилищ?

Жилище способствовало укреплению производственных и семейных связей. «Лингвистические материалы свидетельствуют, что у ряда народов существуют однокорневые слова для обозначения дома, семьи, родственников, например: дю (дом) и дюган (домашнее, житель чума) в эвенкийском языке; bet (дом) и bete seb (семья, член семьи) в амхарском языке»¹¹.

Однако на различных территориях жилища развивались разными путями. Сказывались исторические причины. «Очень вероятно, что в ряде случаев бурные социальные потрясения, связанные со становлением государства, оказывали прямое воздействие на развитие жилищ. Но, видимо, в большинстве случаев влияние социальных изменений отражалось на прогрессе домостроительства не непосредственно, а через развитие строительных конструкций, ремесла, инструментов, появление новых возможностей транспортировки строительных материалов и другие стороны строительнотехнической деятельности»¹².

На разных этапах развития общества жилище выполняло разнообразные функции. Первоначально оно служило для изоляции людей от неблагоприятных природно-климатических условий. На протяжении длительного времени жилище сохраняет ряд традиционных функций, выступая как место ведения домашнего хозяйства, приготовления и потребления пищи, удовлетворения различных бытовых нужд.

Последователи «географического детерминизма» определяли взаимоотношения между географической средой и обществом в историческом процессе как однолинейный процесс приспособления человеческой культуры к различным экологическим средам. Марксисты считают, что взаимосвязи складываются как из биологических процессов, так и из социальных: культурного и технического взаимодействия людей со средой в общественном производстве и потреблении. К. Маркс говорил: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока су-

ществуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹³.

Географический фактор, несомненно, оказывает влияние на формы хозяйственной деятельности, на жилище, одежду и даже на психологию людей. «Однако было бы ошибкой считать, что форма хозяйственной деятельности, жилище, одежда, а тем более национально-психологические особенности людей непосредственно определяются и формируются природной средой, в окружении которой живут эти люди. Природная среда, как известно, изменяется очень медленно, а культура — очень быстро»¹⁴.

Приамурский регион характеризуется довольно однородными ландшафтными особенностями и принадлежит к одному климатическому поясу. Это плодородные безлесные пространства и леса, которые покрывают переходную зону, простирающуюся от Сибири до Маньчжурии и далее в Корею. Распределение продуктов питания, которые могли использовать древние народы, неравномерно. Сюда входят рыба, дичь, съедобные растения, орехи и ягоды, мясо одомашненных животных, продукты сельского хозяйства. В этом регионе очень рано была привязана к домашнему хозяйству свинья. Это связано с тем, что в Приамурье не было такого количества буков и дубов, как в Северной Европе, где свиньи питались желудями и плодами бука. В Приамурье, как и в Маньчжурии и Китае, свиней не пасли, а держали в загонах¹⁵.

«Первой формой скотоводческого хозяйства можно считать скотоводство оседлых племен, при котором скот содержится в загонах, непосредственно примыкающих к жилищам»¹⁶.

Сравнивая данные по всему миру, можно предположить, что главенствующую роль в обществе играли женщины. Они занимались земледелием, сохраняли продукты питания, ухаживали за свиньями, т. е. их работа, в отличие от мужской, имела постоянный (не зависящий от времени года) характер. Мужчина охотился в лесах, ловил рыбу в реках, его деятельность носила сезонный характер. Переход к родству по отцовской линии произошел вслед за тем, как под влиянием условий окружающей среды потребовался больший упор на занятия сельским хозяйством, тяжелый труд в поле мужчин — отсюда земля стала идентифицироваться с мужчиной, а не с женщиной. В северных таежных районах Приамурья климат был намного суровее, снежный покров глубже, леса гуще, это делало расчистку земли под пашню более трудной, а следовательно, сельское хозяйство уходило на второй план. В этом районе мужчина мог заниматься другими видами хозяйственной деятельности более продолжительное время. Течение Амура в средней его части достаточно медленное, что позволяло использовать лодки-оморочки. Рыба здесь водилась в изобилии, техника рыболовства была хорошо развита. И в зимнее, и в летнее время ловили с берега, с лодки, с помощью удочек, гарпунов и сетей.

В целом регион представляет собой переходную зону от южных земледельческих районов к северным, в которых жили кочевники. Здесь альтернативы сельскому хозяйству гораздо сильнее и многочисленнее, чем в Китае и Корее. Вдоль Амура, который опоя-

сывает верхнюю оконечность Маньчжурии и вбирает в себя воды Сунгари и Уссури и множества мелких и быстрых речушек, текущих с севера и юга, происходят миграции населения. Использование в хозяйстве оленей приводит к тенденции удаления оленеводов от рек и его ориентации только на лесные ресурсы. Употребление пищи оленьего молока, использование оленя как вьючного животного делают кочевой образ жизни более активным по сравнению с пастушеским степным кочевьем.

Тунгусы, расселенные на землях, соседних с маньчжурскими монгольскими и тюркскими территориями Центральной Азии, переходят к разведению лошадей. Происходит проникновение племен с севера на юг, смешение хозяйственных зон: коневодческих и оленеводческих. Именно этим объясняется взаимопроникновение в Восточной Маньчжурии и Северной Корее тунгусских и корейских элементов в физическом облике людей, на южной оконечности лесной зоны — тунгусо-маньчжурских и китайских, в Центральной и Северо-Западной Маньчжурии — тунгусских и монгольских.

Каких-либо различий в устройстве жилых построек, которые можно было бы объяснить географическими условиями, здесь не обнаруживается. Различия связаны с миграциями населения или инфильтрациями одной племенной группы на территорию другой.

Природа влияла на общество непосредственно (возникновение утепленных жилищ, одежды и орудий, необходимых для их создания) и опосредованно — через производство. Но наряду с природными показателями надо учитывать еще один фактор — народонаселение. Перенаселенность и изменение (естественное и искусственное) окружающей среды заставляли человечество делать новые шаги по пути прогресса¹⁷.

Среди природных факторов, влиявших на жизнь первобытных племен, существенную роль играл климат. Именно климатические колебания определяли зонально-провинциальную структуру ландшафтов, изменения в растительном и животном мире, почвах, гидрологическом режиме, что, в свою очередь, определяло направление развития хозяйства древних племен.

Приамурье «входит в климатическую зону дальневосточного муссона средних широт, основная особенность которого — сезонная смена воздушных потоков. В период зимнего муссона преобладают черты континентального климата: низкие температуры воздуха, северо-западные ветры, малое количество осадков. Действие летнего муссона характеризуется выносом морских, влажных воздушных масс, преобладанием восточных ветров и значительными осадками»¹⁸. Для материкового климата максимальная температура отмечается в июле, а минимальная — в январе¹⁹.

Самая большая равнина — Среднеамурская — простирается здесь вдоль Амура низменной полосой 100—150 км. Равнина сложена древними, а также молодыми речными и озерными остатками. На Амуре и на Зее в пределах Зейско-Буреинской равнины два уровня поймы и три уровня надпойменных террас. Низкий уровень поймы представляет собой узкую полосу, простирающуюся вдоль рек, ежегодно заливаемую даже при небольших паводках. Крупные

реки (Амур, Зея и Буря) в пределах района носят равнинный характер: имеют разработанные долины, широкие поймы, дробятся на рукава и образуют старицы; повторяемость наводнений на них составляет менее двух лет. На их же малых притоках наводнения бывают раз в 3—4 года.

Приамурье неоднородно в отношении рельефа, климата и почв, имеет разнообразный и оригинальный растительный покров. Ботаники выделяют три зоны: 1) от низовий Шилки и Аргуни по Амуру до Албазина — лиственничная тайга с белой березой; 2) от Албазина до устья Зеи — то же с добавлением дуба, клена, амурской липы; 3) от устья Зеи до Буреинского хребта в составе лесов встречаются душистый тополь, амурский бархат, амурский виноград²⁰.

С экологическими условиями связано использование многих деталей в конструкции жилого дома и хозяйственных построек. Так, суровые климатические условия Дальнего Востока вызвали преобладание однокамерного жилища с очагом в центре и выходом через дымовое отверстие.

Суровые климатические условия способствовали развитию домов с ориентацией окон преимущественно на солнечную сторону, а иногда и вообще без окон.

Разные типы жилищ могут быть обусловлены экологическими причинами. Обилие осадков и наличие дерева привели к созданию жилища с деревянными конструкциями и двускатной или пирамидальной кровлей. В жарком сухом климате строят дома из глины с плоской крышей.

Снеговой покров в Амурской области незначителен, что сказывалось и на строительстве дома. Здесь с древнейших времен вместо выхода из одной из стен сооружали выход через дымовое отверстие в крыше.

Приамурье исследовано неравномерно, что значительно затрудняет изучение процессов развития жилища. Ведь «поселение, жилище — это совокупность археологического материала с заданными границами и способом накопления»²¹. В них отражаются проблемы возникновения и развития оседлости, домашнего хозяйства, первобытной семьи и древнейших форм общественной жизни.

Специальных исследований жилых комплексов в Приамурье не проводилось. Это произошло, очевидно, по следующим причинам: во-первых, не велись и не ведутся широкие плановые стационарные раскопки поселений всех эпох, а те частичные раскопки, что предпринимались, начаты сравнительно недавно; во-вторых, конструктивные особенности, которые можно выявить в процессе раскопок при современном уровне нашей археологической науки, чрезвычайно бедны; в-третьих, силы археологов малы, а территория огромна. Однако темпы исследований в последние 20 лет возросли. Многочисленные археологические экспедиции с каждым годом увеличивают количество накопленного материала по жилищам Приамурья. Все это позволило собрать весь материал, который имеется в наличии, привести его в порядок, сделать обобщения.

Исследованы сотни строений по всем эпохам Приамурья, и тем не менее общая картина развития жилища не освещена. Некоторые

дома дошли до нас в таком состоянии, что часто самый опытный археолог не может определить даже контуры древней постройки. Это касается и тех случаев, когда нижние части помещения сохранились относительно хорошо, а от верхних частей — стен и крыши — можно найти лишь рухнувшие вниз остатки. Естественно, реконструкции построек всегда проблематичны и часто условны. Мы не можем представить достаточно ясно ни внешний облик домов, ни внутреннее их убранство. Можно судить лишь в самых общих чертах о типе конструкции, реже о плане и совсем редко о верхних частях постройки.

Археологические материалы по истории амурского жилища бедны и фрагментарны. Плохая сохранность остатков деревянных деталей, а часто и неудовлетворительная фиксация их в процессе раскопок создают трудности в восстановлении важных конструктивных особенностей строительной техники, в изучении ее развития и прогресса. Особенно скудны эти сведения по древнейшим эпохам (палеолиту и неолиту).

Для составления точного плана жилища большое значение имеет строгая фиксация топографии найденных в нем бытовых вещей. В целом можно отметить, что обломки глиняной посуды и различные предметы, составлявшие хозяйственный инвентарь обитателей жилища, располагались преимущественно в его центре, близ очага, и вдоль стен землянки, где находились, видимо, деревянные полки или стеллажи для посуды и хозяйственного инвентаря.

Жилища амурских племен на территории их расселения специально еще не изучались, но некоторые их характеристики имеются в работах, посвященных археологическим культурам²². Основное внимание исследователи уделяли этнической принадлежности различных типов жилищ. Проблемы эволюции жилища как сложного культурно-бытового комплекса, связанного с различными сторонами деятельности человека, фактически остались вне поля зрения ученых.

На протяжении тысячелетий в Приамурье много раз менялось население, и каждый новый народ приносил сюда бытовые черты своей далекой родины. В условиях чересполосного расселения различных этнических групп, между которыми не было непреодолимых границ, даже на этнографическом материале, тем более археологическом, очень сложно выделить этнические черты в домостроительстве. Чтобы проследить истоки жилища той или иной формы, мы должны обратиться к материалам соседних территорий.

Вся трудовая деятельность архантропов и палеоантропов была связана с охотой и собирательством, требовала большой подвижности. Поэтому постоянных жилищ не было. И даже широкое использование первобытным человеком пещер и гротов имело, по-видимому, преимущественно сезонный характер. Поэтому до начала позднего палеолита и пещерные жилища людей нельзя рассматривать как постоянные.

Л. Лики полагал, что открытый им человек умелый (*Homo habilis*), живший 2 млн лет тому назад, строил наземные сооружения из камней²³. Основным критерием для распознавания постоян-

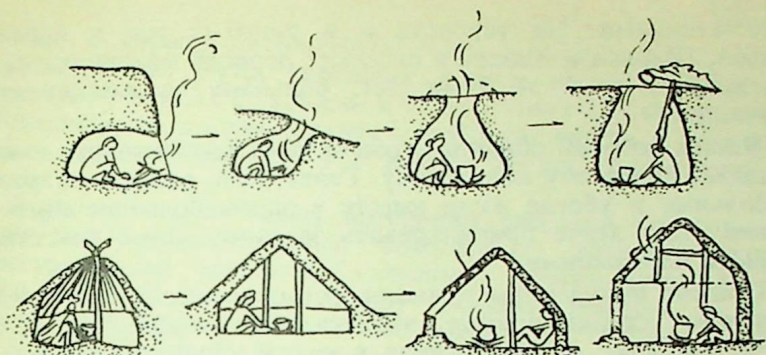

Рис. 4. Эволюция подземного жилища.

ных зимних жилищ и временных летних должны быть расположение и характер очагов. Существует мнение, что самая древняя форма наземного жилища — чум²⁴.

Интересны наблюдения китайских ученых о развитии жилища²⁵. Условия богатых лёссовых районов по течению Хуанхэ способствовали развитию землянки как основной формы жилища (рис. 4). Первоначально в обрывах выкапывались горизонтальные пещерные жилища. С увеличением населения проблема усложнилась. В поселках, где совместно проживал целый род, невозможно было расселиться только за счет пещер в обрывах, и тогда люди стали выкапывать землянки на склонах соседних холмов. Здесь необходимо было копать сначала вниз, а затем горизонтально вбок, лишь так можно было предотвратить обвал лёсса. Освоив этот опыт, человек постепенно научился выкапывать землянки на ровном месте: сначала также копали вниз, а затем расширяли подземную часть во все стороны. Это и была так называемая «вертикальная пещера». У вертикальной пещеры отверстие для входа маленькое, а объем большой, она похожа на мешок, поэтому другое ее название — «пещера-мешок». Вертикальная землянка в форме мешка защищала от жары и стужи. В случае сильного ветра, дождя, снега вход в землянку закрывали. Сначала делали временные крышки из веток с листьями и травы; затем стали плести передвижные крышки, похожие на большую коническую шляпу от дождя. Дальнейшее развитие привело к тому, что над отверстием землянки стали надстраивать стационарную крышу, оставляя лаз для входа. Так образовалась форма вертикальной землянки с навесом.

Позднее люди научились плести навесы из веток и стволов. Обкладывая их сверху стеблями растений, листьями и травой, а поверх обмазывая глиной, делали крышу, способную защитить от дождя и солнца. Это и была самая ранняя первобытная «комната». Имея такую комнату, уже не нужно было слишком углублять нижнюю часть землянки.

Следующая форма жилища — комната над неглубокой вертикальной землянкой, или так называемая полуземлянка. Сейчас в лёссовых районах повсеместно найдены стоянки с

полуземлянками. На террасах и в ущельях рек в провинциях Шэньси, Шаньси и Хэнань в поселках периода матриархата, имеющих возраст от 5 до 7 тыс. лет, большинство жилищ — полуземлянки.

Члены родовой общины строили дома коллективно, и жилища принадлежали всему коллективу. Глава рода, а также старики, дети, больные и убогие жили вместе в одном большом доме — таковой общине было легче присматривать за ними. Дома для семейных пар были небольшими.

Обычно полуземлянки имели форму квадрата с закругленными углами, стенки прямые, вертикальные, глубина около 80 см. Вход в землянку — обращенная к югу наклонная дорожка. Внутри комнаты симметрично устанавливали два или четыре деревянных столба, в центре находился круглый очаг. На опорные столбы и края землянки укладывали наклоненные к центру круглые балки-стволы или ветки, выше столбов сплетали заостренную крышу. Сверху крышу устилали ветками с листьями и соломой, а поверхность обмазывали смесью глины и соломы. Постепенное усовершенствование полуземлянки вело к тому, что глубина ее становилась все меньше. Потом вообще перестали выкапывать углубление в земле, только делали земляной валик для защиты от сырости. Таким образом, люди создали новую форму жилища — хижину со сводчатым верхом, построенную на ровном месте.

В уезде Хусянь около г. Сиань была найдена керамическая модель сводчатой, куполообразной хижины, по времени приблизительно совпадающей со стоянкой Баньпо около г. Сиань. Эта модель дала возможность восстановить облик стоянки. Куполообразную хижину можно назвать переходной формой от полуземлянки к наземным строениям. Конструкция сводчатой хижины делилась на две части — вертикальные стенки и сводчатый верх. Опорная вертикальная часть деревянной конструкции и верх хижины выполнялись одним способом: щели между столбами и палками заполнялись стеблями и листьями растений, а затем внешняя и внутренняя поверхности обмазывались глиной. Таким образом были построены самые первые стены — глиняные стены с деревянным каркасом. Эти жилища с вертикальными стенами высотой примерно в человеческий рост и надстроенной над ними крышей с выступающим карнизом во времена династий Шан и Чжоу назывались гуи — «дворец». На стоянке Баньпо их обнаружено несколько. Один вид построек — дома круглой формы, другой — прямоугольной. Главный несущий элемент в этих жилищах — толстые столбы. Расположение комнат следующее: три в ширину и две в глубину.

Материалы со стоянки Баньпо дают нам сведения о том, что первобытные постройки в районе среднего течения Хуанхэ, ведущие свое начало от землянок, примерно 6 тыс. лет назад превратились в конструкцию из земли и дерева, имевшую деревянный каркас и обмазанную глиной. Это совершенно новая форма жилища со стенами и крышей, похожая на современные дома.

Уже в период матриархата наши предки украшали себя и предметы своего быта, украшали и свои жилища. В провинции Шэньси на стоянках Цзянчжан в уезде Линьтун, Бэйшоулин в уезде Баоцзи и на других стоянках культуры яншао в жилищах на дверях, оконных проемах и в других местах обнаружены следы лепных украшений.

В работе использованы материалы раскопок древних жилищ Приамурья, осуществленных археологами разных поколений. Иллюстративный материал выполнен художниками М. И. Авдеевой, Э. В. Паршиной. Автору оказали помощь сотрудники сектора бронзового и железного веков Института археологии СО АН СССР Е. П. Новичкова, О. Б. Мешанина, Н. М. Шахматова, Т. Н. Ковернева, Е. Б. Мальцева. Всем им большое спасибо.

полуземлянками. На террасах и в ущельях рек в провинциях Шэньси, Шаньси и Хэнань в поселках периода матриархата, имеющих возраст от 5 до 7 тыс. лет, большинство жилищ — полуземлянки.

Члены родовой общины строили дома коллективно, и жилища принадлежали всему коллективу. Глава рода, а также старики, дети, больные и убогие жили вместе в одном большом доме — таковой общине было легче присматривать за ними. Дома для семейных пар были небольшими.

Обычно полуземлянки имели форму квадрата с закругленными углами, стенки прямые, вертикальные, глубина около 80 см, вход в землянку — обращенная к югу наклонная дорожка. Внутри комнаты симметрично устанавливали два или четыре деревянных столба, в центре находился круглый очаг. На опорные столбы и края землянки укладывали наклоненные к центру круглые балки-стволы или ветки, выше столбов сплетали заостренную крышу. Сверху крышу устилали ветками с листьями и соломой, а поверхность обмазывали смесью глины и соломы. Постепенное усовершенствование полуземлянки вело к тому, что глубина ее становилась все меньше. Потом вообще перестали выкапывать углубление в земле, только делали земляной валик для защиты от сырости. Таким образом, люди создали новую форму жилища — хижину со сводчатым верхом, построенную на ровном месте.

В уезде Хусянь около г. Сиань была найдена керамическая модель сводчатой, куполообразной хижины, по времени приблизительно совпадающей со стоянкой Баньпо около г. Сиань. Эта модель дала возможность восстановить облик стоянки. Куполообразную хижину можно назвать переходной формой от полуземлянки к наземным строениям. Конструкция сводчатой хижины делилась на две части — вертикальные стенки и сводчатый верх. Опорная вертикальная часть деревянной конструкции и верх хижины выполнялись одним способом: щели между столбами и палками заполнялись стеблями и листьями растений, а затем внешняя и внутренняя поверхности обмазывались глиной. Таким образом были построены самые первые стены — глиняные стены с деревянным каркасом. Эти жилища с вертикальными стенами высотой примерно в человеческий рост и надстроенной над ними крышей с выступающим карнизом во времена династий Шан и Чжоу назывались гун — «дворец». На стоянке Баньпо их обнаружено несколько. Один вид построек — дома круглой формы, другой — прямоугольной. Главный несущий элемент в этих жилищах — толстые столбы. Расположение комнат следующее: три в ширину и две в глубину.

Материалы со стоянки Баньпо дают нам сведения о том, что первобытные постройки в районе среднего течения Хуанхэ, ведущие свое начало от землянок, примерно 6 тыс. лет назад превратились в конструкцию из земли и дерева, имевшую деревянный каркас и обмазанную глиной. Это совершенно новая форма жилища со стенами и крышей, похожая на современные дома.

Уже в период матриархата наши предки украшали себя и предметы своего быта, украшали и свои жилища. В провинции Шэньси на стоянках Цзянчжан в уезде Линьтун, Бэйшоулин в уезде Баоцзи и на других стоянках культуры яншао в жилищах на дверях, оконных проемах и в других местах обнаружены следы лепных украшений.

В работе использованы материалы раскопок древних жилищ Приамурья, осуществленных археологами разных поколений. Иллюстративный материал выполнен художниками М. И. Авдеевой, Э. В. Паршиной. Автору оказали помощь сотрудники сектора бронзового и железного веков Института археологии СО АН СССР Е. П. Новичкова, О. Б. Мешанина, Н. М. Шахматова, Т. Н. Ковернева, Е. Б. Мальцева. Всем им большое спасибо.

ЖИЛИЩА КАМЕННОГО ВЕКА

Долгое время палеолитические жилища не были известны на территории СССР. Археологи представляли палеолитического человека как бродячего охотника и рыболова, который устраивал только временные лагеря на открытом воздухе или в пещерах. Однако было установлено, что уже в позднем палеолите появились оседлые племена, жившие в постоянных зимних жилищах. Первые палеолитические жилища на территории СССР были открыты в 20-х гг. нашего столетия. Целых палеолитических поселений раскопано с тех пор еще мало, а на Дальнем Востоке детальное их изучение — дело будущего.

При сооружении жилищ древний человек использовал кости крупных животных (мамонта, северного оленя), обитавших в местах поселения, дерево, шкуры зверей, дерн, землю. Котлованы жилищ углублял мотыгами из камня и кости, землю выбрасывал руками, досками, деревянными корытцами. Для ранней поры верхнего палеолита характерны грубоовальные в плане жилища, углубленные в землю на 50—70 см.

П. И. Борисковский, исследовавший палеолитические жилища Сибири, писал: «Свидетельством существования постоянного жилища на палеолитической стоянке являются чаще всего скопления крупных костей мамонтов и других животных, обнаруживаемых при раскопках. Такое скопление имеет четкие границы и нередко залегает в углублении, на дне которого располагается очаг в виде ямки, заполненной золой и углем (иногда встречается несколько очагов). Углубление представляет собой основание жилища. Дно его обычно покрыто осколками кремня и кости, кремневыми и костяными изделиями, костями мелких животных, угольками, охрой. Залегаящее над этим слоем отбросов скопление крупных костей представляет собой обычно развалины стен и кровли жилища, поэтому при расчистке скопления костей, в отличие от подстилающего слоя, обычно обнаруживают очень мало культурных остатков (кремневых и костяных изделий, охры и угольков). Естественно, что далеко не каждое скопление костей, обнаруживаемое при раскопках, образовалось на месте жилища»¹.

Такая же картина наблюдалась при раскопках палеолитического поселения в Бурети². А. П. Окладников описал общий характер и устройство этих жилищ: «Первоначально это были, очевидно, прочные надземные сооружения, огражденные у основания стенками из каменных плит, поставленных на ребро, а также больших

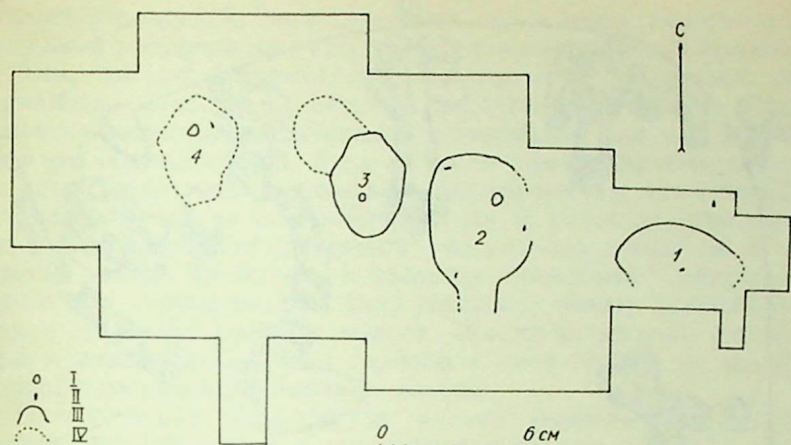

Рис. 5. План раскопанной части поселения Буреть (по А. П. Окладникову).

I — очаги; II — статуэтка; III — граница комплекса; IV — предполагаемая граница комплекса. 1—4 — остатки жилищ.

костей, в том числе, как мы видели, черепов носорога. В основании жилища чаще приближались по своей форме, очевидно, к овалу. Размер их был относительно невелик. Судя по скоплению № 3, сохранившемуся лучше остальных, площадь их не превышала 25 кв. м. В состав крыши входили кости животных, в особенности оленьи рога. Исследование комплекса № 2 дало еще более интересные результаты (рис. 5, 6).

Первое, что обратило на себя внимание сразу же после снятия покровных пластов земли и суглинка, были симметрично расположенные вдоль края скопления по одной прямой линии головки бедренных костей мамонта. Они были расположены слегка наклонно вниз по склону, строго параллельно и с равными интервалами. Концы костей, обращенные вниз по склону, были разбиты, верхние эпифизы их оказались совершенно целыми. Кроме такого правильного и симметричного расположения самой замечательной особенностью этих трубчатых костей оказалось то, что они сопровождалась каменными плитами. Плиты ограждали с боков и как бы зажимали уцелевшие верхние эпифизы костей, мешая им тем самым сдвинуться в сторону. Это были специальные устроенные крепления, имевшие целью удержать трубчатые кости в определенном положении»³.

В остальных жилищах на поселении в Бурети наблюдались те же строительные традиции. Обнаружены бедренные кости мамонта, которые могли служить столбами. Все жилища углублены в землю. Ряды столбов ограждали эти углубления, на полу находились различные предметы домашнего обихода, остатки очагов.

«Выбор именно рогов северного оленя для сооружения кровли жилищ столь же понятен, как и употребление бедренных костей мамонта для устройства столбов или черепов носорога для той же цели, равно как и для укрепления стен вместе с плитами известняка. Рога северного оленя обладали необходимой длиной, а вместе с

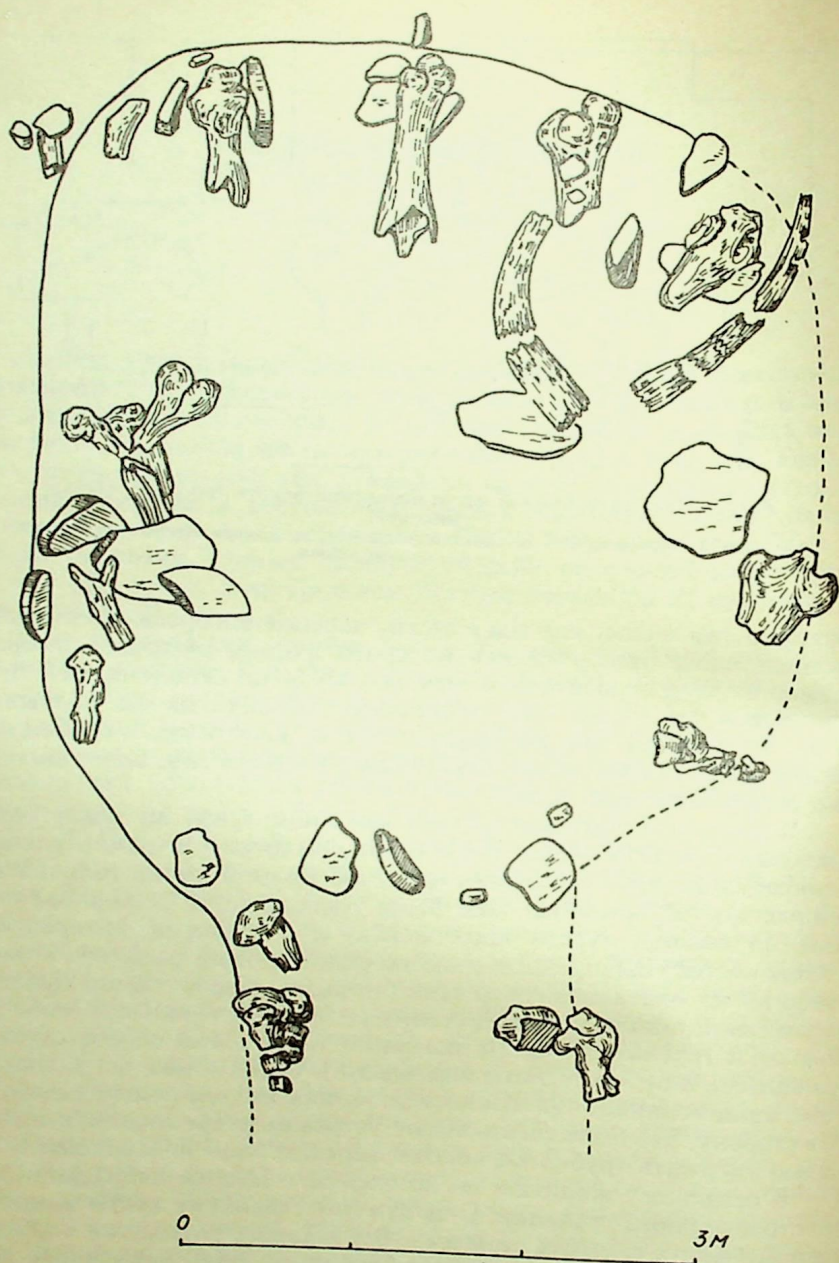

Рис. 6. План жилища 2 в поселении Буреть (по А. П. Окладникову).

тем они имели и длинные боковые отростки, которые позволяли прочно соединять один роговой стрежень с другим. По сравнению со всеми другими костями, имевшимися в распоряжении палеоли-

тических строителей, рога северного оленя представляли поэтому наилучший материал для устройства прочной и легкой крыши»⁴.

Там, где отсутствовал строевой лес или он имелся, но его трудно было заготовить, человеку приходилось прибегать к использованию в качестве строительных материалов камня и кости, тем более что обилие костей, будь то кости убитых животных или сухие рога, сброшенные тысячами стадами оленей, само по себе наталкивало на мысль о применении их в качестве строительного сырья. Использование продуктов охотничьего промысла в строительстве жилья приводило к сходству поселений Сибири. А возможность заготовки мяса на зиму создавала основу первичной оседлости в наиболее удобных местах. Жестокие холода, когда даже звери и птицы зарываются глубоко в снег, чтобы не погибнуть, привели к сооружению прочных жилищ.

Оригинальная архитектура жилищ первобытных охотников Сибири прослеживается в найденных в Бурети остатках построек раннемадленского времени. Подобные жилища располагались на стоянке Мальта, на левом берегу р. Белой⁵. Это были большие общинные жилища.

Остатки постоянных жилищ, особенно больших общинных, свидетельствуют о господстве в палеолите первобытно-общинного строя, с характерным для него общинным домашним хозяйством, общей собственностью на средства и продукты производства, в частности на запасы пищи.

А теперь обратимся к тому, что происходило в те далекие времена на Амуре.

Климат бассейна р. Амур в плейстоцене был весьма благоприятным. В растительном мире преобладали в основном вечнозеленые растения теплого и влажного климата. В то время как на соседних территориях происходили резкие климатические изменения, на юге современного Дальнего Востока, несмотря на оледенение, флора и фауна продолжали развиваться автохтонно. Об этом свидетельствует большое число реликтовых растений, сохранившихся до наших дней: бархатное дерево, маньчжурский орех, женьшень, аралия и др. В то время как в соседних водоемах происходили резкие колебания температуры, Амур был убежищем для многих теплолюбивых видов рыб. Из всех рек Голарктики по богатству и разнообразию ихтиофауны Амур уступает только Миссисипи⁶.

Долина Амура была заселена человеком уже в нижнепалеолитическое время. В 1961 г. у с. Филимошки на р. Зее А. П. Окладников собрал грубо обработанные гальки⁷. Описание разреза местоположения у с. Филимошки дал геолог С. М. Цейтлин⁸. По мнению исследователей, здесь обнаружены остатки деятельности человека нижнечетвертичного периода, в то время как остатки деятельности древнейшего в Восточной Азии человека, синантропа, на 200—300 тыс. лет моложе начала раннего плейстоцена. В 1969 г. на Зее был открыт еще один памятник с такими же архаическими изделиями, как и в Филимошках. Этот пункт — Падь Калашникова вблизи устья рч. Усть-Ту. Еще одно местонахождение с примитивными галечными орудиями было у с. Кумары в бассейне Аму-

ра⁹. Все эти местонахождения относятся к раннему периоду, «когда древнейший человек делал свои первые шаги на пути к преодолению зависимости от природы и к отрыву от мира животных»¹⁰.

До открытия этих памятников самыми древними считались остатки человека в пещере Чжоукоудянь в Северном Китае¹¹. Пещера была большая, длина рыхлой толщи, заполнявшей ее, — 173 м, ширина — 50, глубина около 50 м. Древний человек обитал в ней длительное время. Определено 30 слоев с золой, очагами, каменными орудиями, фауной и остатками самого человека. Каменный инвентарь насчитывает 100 тыс. наименований¹².

В Северном Китае, несмотря на климатические изменения в антропогене, люди жили непрерывно на протяжении раннего, среднего и верхнего плейстоцена. Это еще раз подтверждает предположение, что в Приамурье человек мог продвинуться с юга. Сравнение палинологических спектров Чжоукоудяня и Зейско-Бурейской депрессии выявляет в растительности этих двух регионов много общих видов. Из древесных пород там произрастали ель, сосна, береза, липа, из трав — осока, триостренник, лебедовые, злаковые. При этом сходство наблюдается не только в видовом составе, но и в процентном соотношении каждого вида. Видимо, хоть и медленно, но человек продвигается на север, преодолевая тысячи километров пути, постепенно адаптируясь к меняющимся условиям обитания. Синантроп был охотником и собирателем, свою пищу он готовил на костре. Охота на диких животных определяла жизнь человека, поэтому он передвигался за мигрирующими животными на большие расстояния, в том числе и на север.

Говорить о том, что человек нижнепалеолитического времени жил постоянно в Приамурье, преждевременно. Нужны дополнительные раскопки и исследования. Вполне вероятно, что во время максимального алданского оледенения под влиянием холодов древние люди вынуждены были отступать в южные широты.

Местонахождения следующего этапа — верхнего палеолита — обнаружены у с. Кумары¹³, у г. Благовещенска, Бородинского озера, у сел Громатуха, Тамбовка, Сохатино, Путятино, в устье р. Селемджи¹⁴.

Одно из местонахождений расположено в 1 км от с. Кумары вниз по Амуру, в гроте. Грот куполообразной формы находится в скалах, сложенных из сланцев. Высота его 6—7 м, ширина 15, длина в средней части 7 м. Пол в гроте ровный с небольшим понижением к центру. Над ним плотный слой мелкого щебня толщиной 20—30 см, отслоившегося от скальной основы. Под ним толстый (40—50 см) слой золы, в которой обнаружены остатки очага, отщепы, кости животных и птиц. Ниже на глубину более 1 м чередуются плотные и рыхлые отложения. В них найдены орудия неолитического облика. На глубине 2—2,3 м обнаружены орудия более древние. Это пластинчатые отщепы, лавролистный двусторонне ретушированный клинок. Материал — темный кремнистый сланец. Стратиграфия грота позволяет предположить, что неолитический слой образовался в холодное ледниковое время. Значит, нижний культурный горизонт с двусторонне обработанными

ми орудиями относится к доголоценовому времени. Возраст Кумары-гота — от 20 до 15 тыс. лет. Для датировок памятников верхнего палеолита Амура большое значение имеет открытие в Приморье в 1963 г. пещеры Географического общества. Она расположена на высоте 25 м над поймой р. Сучан¹⁵.

Стратиграфия пещеры Географического общества следующая.

I слой — 0,8—0,4 м. Сильно гумусированный, почти черного цвета. В нем много костей землероек, полевок, крысовидного хомяка, серой крысы, ежа, пищухи, летучей мыши, реже встречаются кости барсука, выдры, рыб, птиц. Единичны неолитические орудия.

II слой — 0,4—0,6 м. Бурый суглинок. По составу фаунистических остатков близок к слою I.

III слой — 0,6—1,3 м. Светло-серый суглинок с примесью породы рыжевато- и желтоватого цвета. В слое — небольшое количество костей мелких млекопитающих и земноводных. Кости птиц и рыб почти отсутствуют. В нижней части слоя встречены обломки костей крупных животных: изюбра, косули, лошади.

IV слой — 1,3—1,9 м. Глина буровато-песочного цвета, комковатая, сравнительно рыхлая. Найдены фаунистические остатки мамонта, бизона, носорога, лошади, изюбра, косули, кабарги, бурого медведя, пещерной гиены, серого волка, тигра или пещерного льва. Здесь же — орудия верхнепалеолитического времени.

V слой — 1,9—2,4 м. Глина охристо-бурого цвета. Остатки фауны бедны, встречены в основном в верхней части слоя и сходны с фауной из слоя IV.

VI слой — 2,4—3,3 м. Обломки известняков и темно-коричневая глина. Следов фауны и человеческой культуры нет.

Остатки костей крупных и мелких животных, найденные в пещере, свидетельствуют об активном охотничьем промысле у людей верхнего палеолита. Находки пещеры Географического общества относятся ко времени 25—20 тыс. лет назад. Люди останавливались в пещере на непродолжительный срок во время охоты или укрывались от непогоды при перекочевках. Об этом свидетельствует немногочисленный каменный инвентарь в пещере. В ней велась первичная обработка камня, здесь делали заготовки орудий.

На Камчатке углубленные жилища появились уже в эпоху позднего палеолита¹⁶. Жилища слоя ушковской стоянки VII — наземные. Причиной появления углубленных жилищ явились суровые климатические условия. Площадь жилищ — более 100 м². На полу следы красной охры и очага. Население ушковской стоянки вело оседлый образ жизни, основу хозяйства составляло рыболовство. Богатое рыбой Ушковское озеро могло обеспечить питанием целый большой коллектив.

Поздняя ушковская культура представлена жилищами в виде неглубоких полуземлянок и наземного типа — в виде шалаша. В полуземлянки вели коридорные входы. Очаги располагались в центре жилища; это либо простые кострища, либо кострища с каменными кладками.

В неолитическую эпоху жилища стали более разнообразными по форме. Форма, устройство и размеры жилищ обуславливались в основном тремя факторами: наличием строительных материалов, климатом, производственной деятельностью его обитателей. В меньшей степени влияла этническая традиция.

Наиболее древний вид жилища примитивных охотников-собирателей — кратковременные укрытия. Номады-скотоводы пользовались переносным жилищем, как, впрочем, и охотники. Сезонные жилища служили охотникам и рыболовам, скотоводам с отгонным выпасом скота.

Постоянные постройки для долговременного обитания устраивались коллективами, связанными своим хозяйством с ограниченной территорией (земледельцами-ремесленниками, морскими зверобоями, рыболовами). Для коллективов со слабо специфицированными типами хозяйства возможно сочетание переносных и сезонных жилищ.

Люди, жившие в неолитическую эпоху, довольствовались тем, что им давали охота, рыбная ловля и сбор плодов дикорастущих растений, т. е. они как бы застыли на экономическом этапе «сбора».

В условиях малой плотности населения неолитический человек умело использовал почти абсолютное «право выбора» местообитания. Он селился в пунктах, наиболее благоприятных для охоты, рыбной ловли, собирательства и получения хорошей (проточной) воды. Выбор часто был столь удачен, что человек жил в этих районах в течение многих столетий. Хороший обзор местности, водная преграда, защищавшая от хищников, меньшее количество гнуса на открытых местах — все это имело важное значение. Особое внимание привлекали места впадения рек в озера и их истоки — пункты наибольшей концентрации рыбы, где можно было бы организовать успешное по тому времени рыболовство.

Самый значительный шаг, сделанный человеком в неолите, — создание каменного топора, изменившего способы обработки дерева и методы строительства жилья. Появились постоянные дома в полном смысле этого слова, как определенная конструкция, образованная стенами и крышей. Неолитические племена Амура в отличие от охотников Сибири умели строить большие полуподземные дома, жили оседло большими коллективами.

Наиболее полно исследованы жилые комплексы новопетровской культуры¹⁷. У д. Новопетровка Амурской области обнаружены три поселения. Они располагались на древней, сильно размытой террасе, круто спускающейся к долине речки Дунайки. Терраса сложена из светло-желтых супесей. Под ними — светло-коричневые суглинки, подстилают их мощные напластования коричневых глин. Основание террасы сложено из аллювия и речного песка. Терраса разделена впадинами глубиной примерно 5—7 м. Неолитические племена располагались на двух мысовидных возвышенностях. Одна из них — Новопетровка I, или Крутой мыс, — возвышается над уровнем реки на 10—15 м. В 400 м от поселения Новопетровка I обозначено местонахождение Новопетровка III (рис. 7).

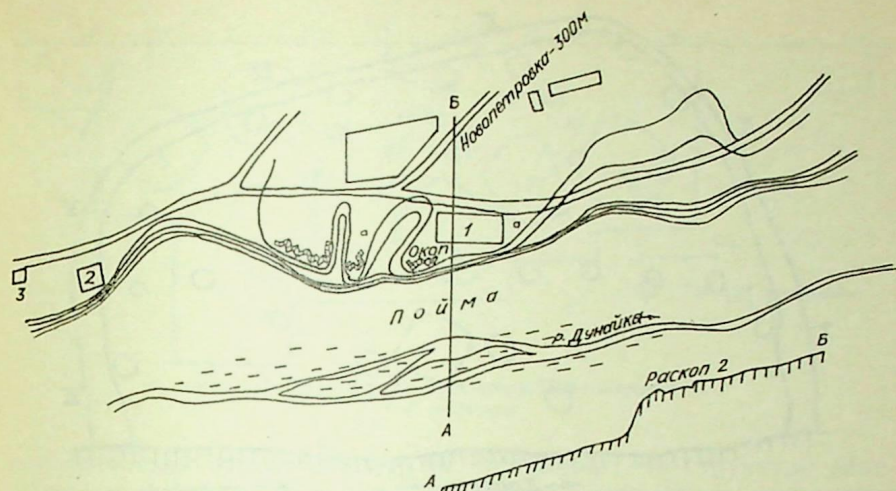

Рис. 7. План местности с неолитическими поселениями (по А. П. Деревянко).
1 — Новопетровка I; 2 — Новопетровка II; 3 — Новопетровка III. АБ — линия разреза террасы.

Культурный слой тянется вдоль реки на 2,5—3 км. Древние люди не случайно выбрали эти два мыса для жилья. Им не грозили паводки; дожди и снега быстро уходили в песчаную почву или стекали к реке. Рыхлый грунт был удобен для сооружения каменными и костяными мотыгами котлованов для жилья.

На поселении Новопетровка I раскопано одно жилище, частично разрушенное. Стратиграфия его следующая (рис. 8): сверху дерн толщиной 5—10 см, под ним слой серовато-желтого, слегка гумусированного песка толщиной 14—50 см, ниже слой более темного гумусированного песка с темными и светлыми пятнами мощностью до 36 см. Третий слой — коричневый песок с серовато-темными прослойками, относящийся ко времени разрушения жилища. Толщина его у юго-восточного плечика 40 см, у северо-западного — 34 см. Оба плечика четкие, врезанные в ярко-желтый, слегка гумусированный песок. Нижняя часть котлована состояла из плотного речного песка. Высота юго-восточного плечика 42 см, высота северо-западного — 54 см.

Каменный инвентарь обнаружен в основном на полу, большая часть — в северо-западной части жилища. Плечики в нем крутые, почти отвесные, высота их 33—38 см (рис. 9). В западной половине на желтом песчаном фоне стенки котлована прослежены в виде

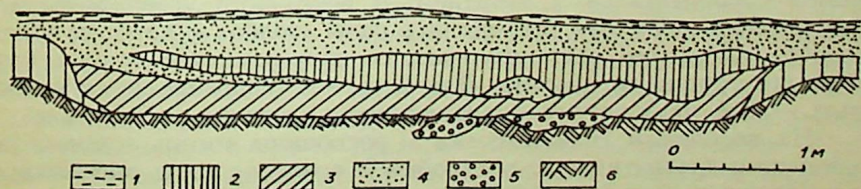

Рис. 8. Стратиграфия жилища I поселения Новопетровка I.

1 — дерн; 2 — темная гумусированная супесь; 3 — заполнение жилища; 4 — гумусированный песок; 5 — глина; 6 — материк.

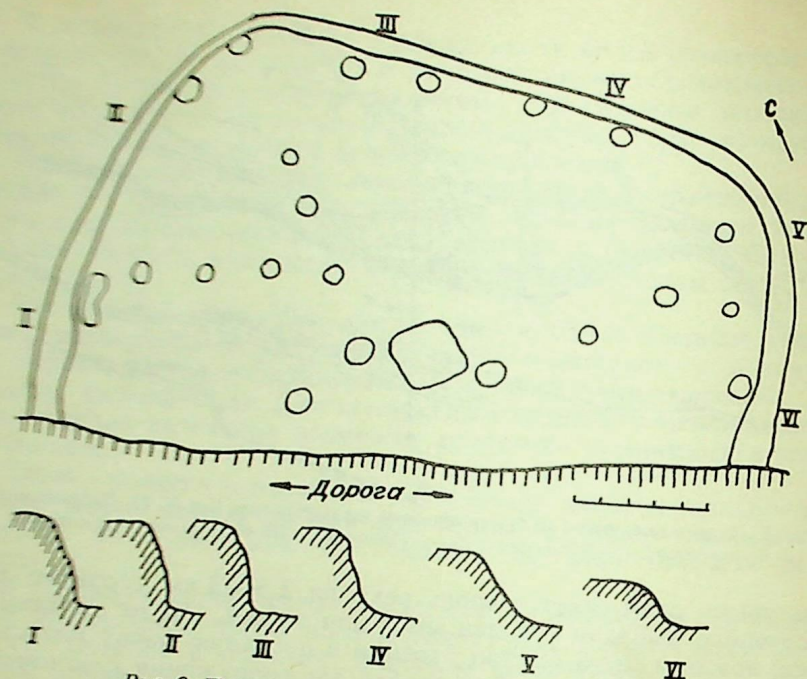

Рис. 9. План жилища I и разрез плечиков (I—VI).

коричневых полос (следы истлевших деревянных жердочек небольшого диаметра). Жерди стояли вертикально, параллельно друг другу, расстояние между ними 11 см. Высота остатков деревянного столба — 30 см. Дно жилища плотное, песчанистое. Очаг прямоугольный в плане, его размеры 37—39×40—42 см, расположен в центре дома, непосредственно на полу, без вырытого углубления. Углы очага ориентированы по странам света. Юго-восточная часть представляла собой черную углистую массу, противоположная часть — обожженный красный песок. У западной границы очага остались следы от деревянной плахи (вероятно, остатки деревянной обкладки) шириной 15 см, толщиной 3 см. После зачистки дна жилища на нем обозначились столбовые ямы, мелкие, чашевидные, заполненные коричневым гумусированным песком. Система следующая: ряд столбов шел вдоль стен вплотную к ним, два основных столба располагались у западного и восточного углов очага. От этих столбов радиусом расходились ряды столбов к четырем углам жилища. Строение прямоугольное, со скругленными углами. Размеры его трудно определить. Длина стенки, сохранившейся полностью, — 4 м, двух других, сохранившихся частично, — 3,2 и 2 м.

На поселении Новопетровка II раскопаны восемь жилищ, две небольшие хозяйственные постройки и основная часть межжилищного пространства (рис. 10). Стратиграфия всех жилищ одинакова: светлый суглинок, дерн, светло-коричневая супесь, светлый материковый песок. Заполнение жилищ перекрывают дерн и свет-

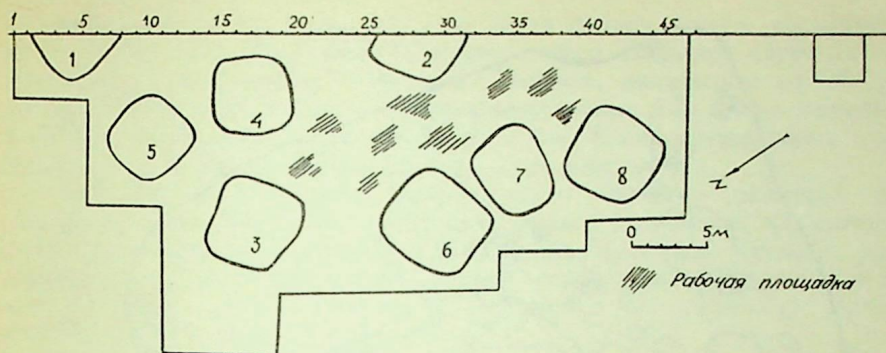

Рис. 10. Общий план поселения Новопетровка II.
1—8 — жилища.

ло-коричневая супесь (30—40 см толщиной), по структуре однородная и плотная. Этот слой образовался уже после разрушения построек — на всем поселении нет ни одного случая, где бы заполнение жилища прорезало его. Заполнение котлованов — темная хорошо гумусированная рыхлая супесь с включениями мелких угольков в центре, к плечикам осветленная. Мощность супеси в центре 50 см, у плечиков — 30 см. В нижней части слоя — темный плотный слой, образующий пол жилища, где обнаружена основная часть находок. Пол подстилался светлым мелкозернистым песком.

Жилище 1 сохранилось не полностью. Размеры вскрытой части по полу с севера на юг 6,18 м, с востока на запад — 3,58 м. Высота стенок в восточной половине 52 см, они крутые, в западной — 27 см, они покатые. Форма жилища неправильная, углы округлены. Жилище такой формы — единственное на поселении. Площадь вскрытой части 27 м². На полу после зачистки проявилось 30 темных гумусированных пятен, из них 29 — ямки от столбов. Очага в раскопанной части не было. Ямки от столбов располагались двумя концентрическими кругами. Внешний ряд проходил почти у стенок, внутренний — в 1,5 м от границы жилья в самой широкой его части. Столбы у плечиков служили, вероятно, опорой внешнего каркаса — обвязки, столбики в центре — опорами для внутренней обвязки. Входа не обнаружено. По-видимому, входом и выходом служило дымовое отверстие в крыше.

Жилище 3 раскопано полностью. Котлован его вырыт в светло-коричневой супеси, плечики крутые, почти вертикальные, высотой до 0,5 м. Ориентировано длинной осью с севера на юг, в плане прямоугольное, размеры его 7,2 x 6,15 м. В центре округлая площадка диаметром 2,2 м, на которой располагается очаг, вытянутый с запада на восток в виде овала размером 95 x 47 см. В восточной части заполнения очага — красноватый прокаленный песок. В западной — темно-коричневая супесь с мелкими углистыми вкраплениями. Углубление с очагом ступенчатое, опущено в южной части на 20 см, на северной — на 10 см. Пол неровный. После его зачистки прослежено несколько десятков темных пятен (рис. 11). Хозяй-

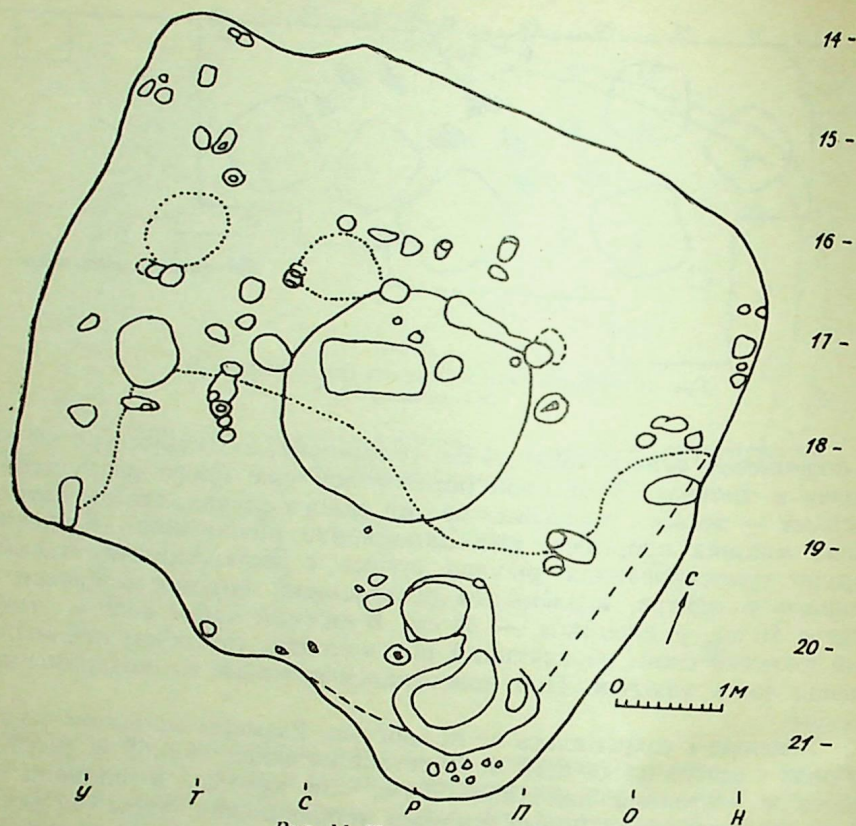

Рис. 11. План пола жилища 3.

стенных ям — пять, остальные — от столбов. Ямы обмазаны глиной, в них обнаружен каменный инвентарь, в том числе и клад рыбака (в яме 56 диаметром 17 см, глубиной 12 см лежало 21 грузило из речных галек). Две ямы служили хранилищами гончарной глины. Ямы от столбов располагались полукругом в центре дома и у стенок. Столбы, расположенные в середине землянки, оконтуривали ровную площадку с очагом и служили основными опорами для поддержания кровли. Внешний ряд столбов крепил стенки котлована и служил опорой для внешней обвязки, на которую нижними концами упирались конструкции перекрытия.

Жилище 4 интересно тем, что в южной его части заполнение переходило в культурный слой. Границу между ними удалось провести с трудом. В верхней части заполнения находок немного, основная их часть обнаружена над полом и на полу. Пол сравнительно ровный, с небольшим понижением к западу. Плечики жилища крутые, почти вертикальные с северной, западной, восточной сторон, с южной — более пологие. В плане дом почти квадратный (6×5,8 м), с округлыми углами. В центре — очаг округлой формы диаметром 40 см, заполненный пережженной супесью с мелкими

вкраплениями золы. В разрезе очаг имел форму линзы толщиной до 10 см. На полу зачищено 50 темных пятен. Большая часть их — это ямки от вкопанных в материк столбов, диаметром от 10 до 30 см, глубиной до 40 см, с чашевидным дном. Яма 14 — круглая в плане, диаметр ее 35 см, глубина 10 см. В ней обнаружены три нуклеуса, лежавшие компактно. Это яма-хранилище.

Яма 20 — в плане неправильной формы, размеры ее 73×30 см. Дно неровное. В ней помещалось скопление каменного инвентаря: отщепы, ножевидные пластины, проколка, нуклеус, наконечник стрелы. Подобное скопление инвентаря обнаружено и в яме 22. Конструктивные ямы расположены по периметру walls стен и в центре вокруг очага.

Котлован жилища 5 (рис. 12) заполнен темной гумусированной супесью мощностью в центре до 70 см, у стен — около 50 см. Слой этот рыхлый, с вкраплениями мелких угольков. На границе жилища и междужилищного пространства, у подъема плечиков, он осветляется за счет наплывов светлого материкового песка. Скопления каменного инвентаря встречены в основном на полу. В центре дома на хорошо утрамбованной площадке расположен очаг, прямоугольный в плане, размеры 34—30 см. В заполнении очага обнаружены мелкие рыбьи косточки и зола. Толщина прокаленного песка — 16 см. Вокруг очага — площадка из темной плотной глины с вкраплениями угольков, тоже прямоугольных очертаний, размерами 50×40 см. С внешней стороны глиняное пятно оконтурено истлевшей деревянной обкладкой. У очага обнаружены две ямки от столбиков небольшого диаметра (9 и 10 см). На эти столбики была положена перекладина, служившая для подвешивания сосудов с пищей. Жилище в плане почти квадратной формы (5×5,3 м), с округленными углами, почти крутыми, не очень высокими (до 40 см) плечиками. После зачистки пола проявились темные гумусированные пятна округлой формы диаметром от 15 до 30 см. У западной стенки — пятно неправильной формы. При разборке заполнения в яме был обнаружен клад каменных орудий: 2 заготовки нуклеуса, 11 отщепов, 14 ножевидных пластин, нуклеус, отбойник. Большинство ямок — конструктивные: по одной в углах жилища, более десяти — у плечиков, остальные — в центре, вокруг очага.

В жилище 6 (рис. 13) большая часть находок зафиксирована в нижней части заполнения. Особенно много их на полу. В отличие от предыдущих жилищ здесь не было больших скоплений каменного инвентаря. Пол неровный, общее понижение — к центру, где расположен очаг овальной формы, размером 70×50 см. Заполнение — прокаленная красноватая супесь с мелкими вкраплениями угольков, жженных костей, золы. Толщина очажного слоя 18 см. Вокруг очага разбросаны сильно обожженные растрескавшиеся кварцитовые гальки. Кроме того, в центральной части жилища вдоль южной стенки зачищены еще три пятна красной пережженной супеси и одно в северном углу жилища. Все они расположены на уступе шириной около 1,5 м, тянущемся почти по всему периметру жилища. Очажные заполнения в них меньше толщиной, чем в основном очаге, и бледнее. Видимо, это временные очаги для до-

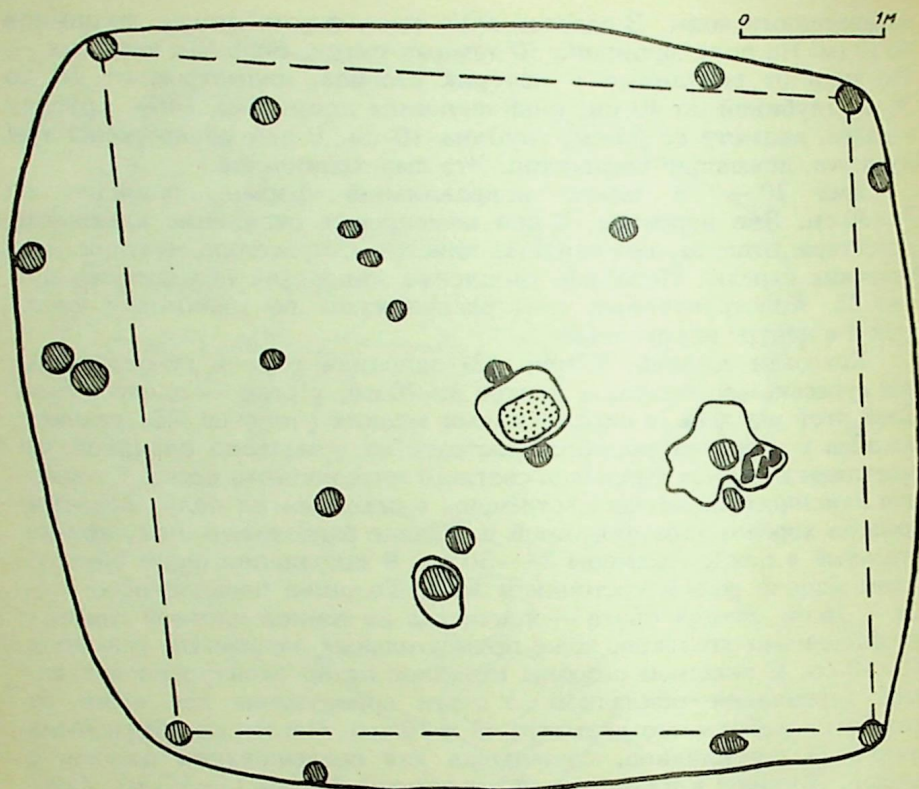

Рис. 12. План пола жилища 5.

полнительного обогрева жилища зимой. Вокруг них не было ни растрескавшихся галек, которые употреблялись для приготовления пищи (раскаленные камни бросали в горшок с водой), ни жженных косточек. Плечики жилища вертикальные, невысокие (до 30 см). Общая глубина котлована в центре — 70 см. В кв. 34-Р стенка нависала над полом жилища, ее поддерживали две тонкие обуглившиеся жерди диаметром около 6 см, направленные вверх. Жилище в плане неправильных очертаний со сторонами 6,65×7 м, 5,55×5,7 м. Углы дома округлены. Ямы от столбов зачищены у стенок и вокруг очага. Кроме них разобраны две хозяйственные ямы. Одна из них расположена в 1 м к югу от очага. По очертаниям это прямоугольник со сторонами 60 и 30 см, глубина ямы 29 см, дно ровное, плоское, заполнение — темно-серая супесь. Здесь обнаружены шесть ножевидных пластин и две проколки. Другая хозяйственная яма находилась за плечиками жилища, вплотную примыкая снаружи к стенке. Она округлая (диаметром 35 см), с плоским, ровным дном, глубиной 30 см. Заполнение — темная, хорошо гумусированная супесь. Здесь найдены 53 ножевидные пластины, 140 отщепов, проколка, нуклеус, наконечник стрелы, поперечный скол с нуклеуса. В заполнении других хозяйственных ям тоже обна-

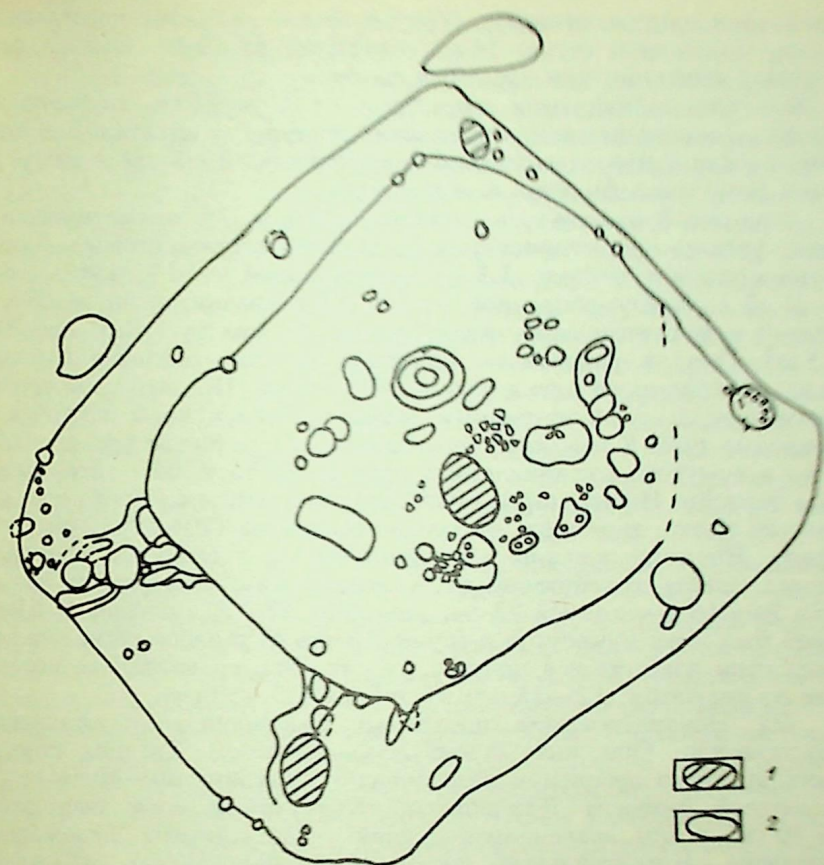

Рис. 13. План жилища 6.
1 — очаг; 2 — яма.

ружен каменный инвентарь. Конструктивные ямы расположены в основном в центре жилища, у стен их меньше, чем в других домах, это может быть, связано с тем, что пол сильно испорчен кроговицами.

Жилище 7 имело в плане прямоугольную форму со скругленными углами. Длина стенок 7 и 5,2 м. Плечики крутые, высота их — до 40 см. Пол по всей площади жилища ровный, с незначительным понижением к центру, к очагу. Диаметр верхнего очажного пятна 140—150 см, толщина его 4—6 см. Это слой красноватой супеси с вкраплениями угольков. Под ним зачищено еще одно пятно диаметром 35—45 см, заполненное обожженной красной супесью с примесью золы. Толщина слоя 10—15 см. Под ним — слой обожженной докрасна материковой супеси и голубовато-серой глины. В жилище обнаружены 44 ямы от столбов и 3 хозяйственные. Одна из хозяйственных ям — в плане трапециевидных очертаний, расположена у плечиков жилища. В ней обнаружены ядра, ножевидные пластины. Другая — неправильной формы, размеры ее 144×97×14×36 см. Дно овальное. В ней найдено несколько ноже-

видных пластин и отщепов. Третья яма — в плане подовальной формы, диаметром около 74 см, глубиной до 40 см. Все три ямы служили, вероятно, для хранения пищи.

Конструктивные ямы диаметром от 8 до 25 см, глубиной от 6 до 20 см располагались в котловане жилища, у его стен. В центре строения ямки прослеживаются вокруг очага. В южной и западной частях дома ямок больше, чем в северной.

Жилище 8 находилось на краю поселка. Это прямоугольная в плане, углами ориентированная по странам света постройка. Длина северо-западной стенки 5,3 м, юго-западной — 4,9, юго-восточной — 6,2, северо-восточной — 5 м. Пол сравнительно ровный, с общим незначительным понижением к центру. Его площадь 28,5 м². Очаг в разрезе двухслойный. Сверху овальная в плане линза прокаленного песка толщиной 5—8 см. Под ней слой темно-серого гумуса с включениями мелких пережженных косточек и плавников рыб. В нем хорошо выделяются две линзы прокаленного песка с гумусом, отличающиеся друг от друга только интенсивностью окраски. Ниже второе очажное пятно пережженного песка розоватого цвета, значительно большего размера (70×55×12 см), чем первое. На полу жилища зачищены 40 ям, в основном конструктивные, шесть хозяйственных. Хозяйственные ямы разных размеров. Яма 10 — длиной 72 см, шириной 57—70, глубиной 63 см. В ней был клад нуклеусов и грузил. Ямки от столбов располагались вдоль стен жилища и в центре, у очага. Они сравнительно небольшие по диаметру (12—25 см) и глубине (15—30 см).

На Новопетровском поселении раскопано междужилищное пространство. Оно интенсивно использовалось. Дневная поверхность древнего поселения находилась на глубине 30—40 см от современной дневной поверхности. Культурный слой был равен 5—10 см, в нем встречались орудия труда, отщепы, ножевидные пластины. В центральной части поселения, между жилищами 6, 7, 8 и жилищами 3, 4, открыты семь рабочих площадок и скопленных находок. Кроме того, в поселке было два строения овальной в плане формы. Их площадь намного меньше площади домов, это не были жилые помещения. На месте первого строения зачищено темное пятно овальной формы с отчетливо проявившимися границами. Толщина гумусированного слоя 20—30 см. Это котлован небольшой постройки. Общая стратиграфия на месте раскопа такая же, как и на всем поселении: сверху залегал древний слой толщиной 8—10 см, под ним — светло-коричневая супесь мощностью 28—32 см. В верхней части слоя — затеки темного дерна, в нижней — вкрапления темной гумусированной супеси, слоя, непосредственно заполнявшего собственно котлован ямы. Мощность его около 30 см. После зачистки гумусированного слоя с находками было зачищено дно ямы. Оно плоское, плечики котлована пологие, высотой 20—25 см. С западной стороны зачищены 5 столбовых ям, с восточной — очаг, заполненный прокаленным песком коричневого цвета с желтыми пятнами. Прокаленный песок окружен кольцом черного гумуса. Диаметр очага 1,5 м, толщина очажного заполнения 5—10 см. Под прокаленным песком залегала коричневая гли-

на. В черном гумусе возле прокаленного песка найдены семь галек, сильно растрескавшихся и обожженных.

Второе подобное строение раскопано рядом с жилищем 2. Оно наполовину уничтожено проходящей здесь дорогой. Яма имела овальную форму, диаметр оставшейся части—2,2 м, длина ее по дорожному обрезу—3,6 м. Глубина ямы от древней дневной поверхности 20—30 см. Дно ее на всей площади покрыто прокаленным песком с примесью золы, пережженных рыбьих косточек. В первой постройке проходок не обнаружено, во второй найдены 4 концевых скребка, 2 проколки, 2 ножа и более 20 отщепов и ножевидных пластин. Во втором котловане зачищены шесть ямок от столбиков. Видимо, это были хозяйственные помещения, принадлежавшие всему поселку. Летом в них могли вялить рыбу, в зимнее время хранить пищевые запасы.

В полутора километрах от поселения Новопетровка II открыто поселение Новопетровка III. На нем раскопано одно жилище. Поверхность на месте раскопа ровная, без западин, с незначительным понижением к западу в сторону долины р. Дунайки. Стратиграфия аналогична стратиграфии поселения Новопетровка II. Сверху залегал дерновый слой (толщиной 10—15 см), под ним — серовато-коричневая супесь (20—30 см). Еще глубже находилось собственно заполнение жилища — темно-коричневая супесь (40—85 см). Форма жилища прямоугольная со сторонами 6,4 и 6,8 м. Площадь 54,8 м². Темная гумусированная прослойка на глубине 130—140 см от современной дневной поверхности, толщиной 6—15 см, представляла собой пол древнего жилища. На нем обнаружено 10 скоплений каменного инвентаря. Пол жилища в основном ровный, с небольшим понижением к центру, где располагалась самая большая хозяйственная яма (рис. 14). Небольшое повышение зафиксировано у северо-восточного и юго-восточного углов. Почти в центре жилища на глубине 135 см от современной дневной поверхности находился очаг, имевший в плане округлую форму, диаметром более 2 м. Заполнение очага — красная пережженная супесь с мелкими включениями золы. В разрезе очаг линзовидный, толщина в центре до 20 см. В очаге и вокруг него обнаружено много растрескавшихся и обожженных галек. В юго-западном углу, у самых плечиков, зачищен второй очаг на глубине 84 см от дневной поверхности. Форма его подпрямоугольная, размеры 64х70 см, заполнение — красная обожженная супесь. Очаг расположен в яме, стенки которой обмазаны глиной. Видимо, он служил для дополнительного обогрева. Плечики жилища почти на всем протяжении крутые, вертикальные. Высота их 50—65 см. При зачистке пола проявилось 36 ям. Три из них хозяйственные. Первая располагалась в самом центре дома, имела правильную округлую форму, диаметр ее 2,1 м, глубина 0,6 м. Стенки ямы пологие, заполнение — гумусированная супесь и песок. Находок не обнаружено. Вторая яма овальная в плане, длина ее 115 см, ширина — 60, глубина — 40 см. Находок тоже не обнаружено. Третья яма, овальная в плане, находилась рядом с очагом, ее размеры 48х40 см, глубина 23 см. На дне лежали несколько отщепов, проколка. Ямки от столбиков располагались в котловане помещения в форме четырехугольника, на расстоянии 50—100 см от стенок.

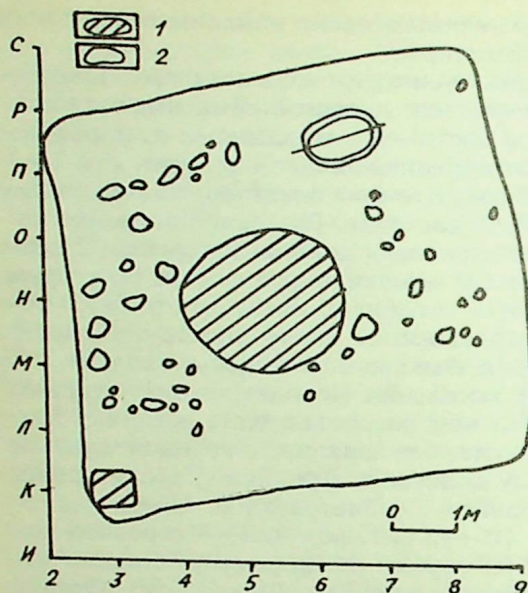

Рис. 14. План жилища I поселения Новопетровка III.
1 — очаг; 2 — яма.

Раскопанные поселения новопетровской культуры свидетельствуют об оседлости ее носителей. Поселки состояли из 15—20 домов, размещались на самом краю речной террасы, тесно прижавшись друг к другу. Определенного порядка в расположении жилищ не было. Это характерно для многих неолитических поселений Дальнего Востока (рис. 15)¹⁸.

Новопетровское поселение оставлено рыбаками и охотниками каменного века, которые селились непосредственно у мест рыбной ловли и охоты. Все жилища были вырыты в

рыхлой супеси. Котлованы их неглубокие (0,4—0,7 м), глубина дома в центре от пола до дневной поверхности 90 см. Чтобы выкопать котлован, нужно было вынуть более 50 м³ земли — работа трудоемкая, ведь она велась каменными мотыгами. Но древние люди предпочитали полуземлянки наземным жилищам, так как зимы в Приамурье были холодными. Котлован, даже мелкий, играл зимой немаловажную роль в защите от метелей и холодных ветров. Утеплению жилища способствовало покрытие его дерном и снегом. Сквозняки по полу не гуляли. Конструктивные ямы располагались двумя концентрическими кругами. Внешний круг столбов поддерживал земляные стенки котлована и одновременно служил опорой для внешней рамы. Когда котлован был очень мелким (около 20 см глубиной), крыша дома опиралась не на земляные его края, а на стены, и тогда вся нагрузка падала на деревянные стены. В Новопетровском поселении котлованы жилищ достаточно глубокие, и нагрузка от кровли распространялась и на столбы, и на края земляного котлована. Ямки у стен располагались на различном расстоянии друг от друга (40—80 см). Каркас стен жилища оплетали ивовыми прутьями и обмазывали затем с двух сторон глиной. На внешние концы столбов клали горизонтально бревна, которые служили внешней обвязкой каркаса жилища. Внутренний ряд столбов являлся опорой для бревен внутренней обвязки. На эти две обвязки укладывались жерди и тонкие бревна каркаса крыши. Крыша была или двухскатной, или четырехскатной, могла покрываться берестой, травой. Видимо, она имела вид усеченной пирамиды, в центре которой находилось отверстие для выхода дыма. Оно же служило и входом в жилище. Ночью, во время метели, дождя отверстие

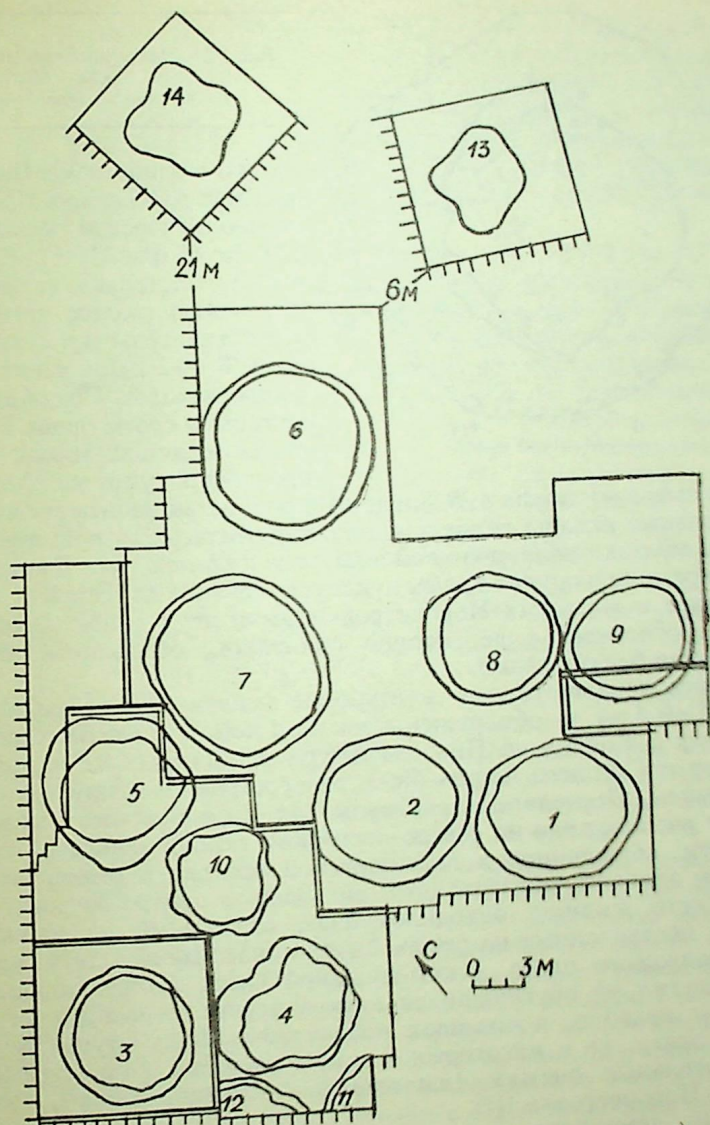

Рис. 15. План поселения у с. Кондон (по А. П. Окладникову).
1 — 14 — жилища.

прикрывалось крышкой из плетня или шкур животных. Площадь жилища из Новопетровки составляла в среднем 30—40 м². Возможно, у стен были сооружены нары — земляные или деревянные, что подтверждается наличием ямок от столбов в 1,5 м от стенок котлована.

В жилище 6 вдоль трех стен прослежены широкое (до 2 м) земляное возвышение и ямки от столбиков по внутреннему его краю. В Новопетровском поселении такое возвышение обнаружено

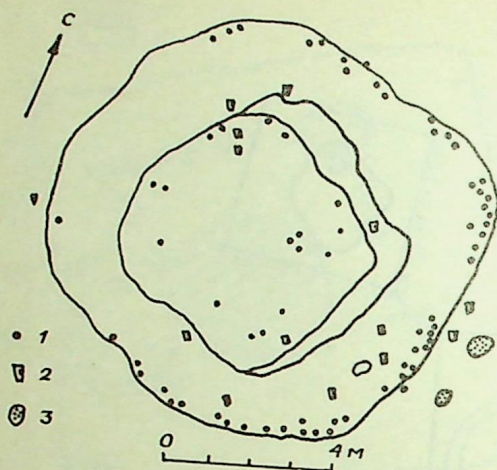

Рис. 16. План жилища на р. Тетюхе.

1 — яма; 2 — керамика; 3 — очаг.

только в одном доме. Подобное жилище раскопано в Приморье на неолитическом поселении у с. Тетюхе (рис. 16)¹⁹. Жилища у с. Новопетровка, видимо, существовали долгое время. Об этом свидетельствуют толщина пола (8—12 см), а также количество находок. Пол обмазывали тонким слоем глины. В некоторых жилищах хорошо видна прослойка суглинки. Хозяйственные ямы в жилищах 4, 5, 8 и других полностью забиты глиной. Это своеобразные склады ее, ведь глина требовалась для приготовления посуды, обмазки пола, очажной ямы, стен и крыши дома. В ямках под полом хранили и орудия труда: нуклеусы, грузила для сетей.

Очаги в жилищах Новопетровки были двух типов: 1) сравнительно небольшие с деревянной обкладкой, обмазанной глиной; 2) большие без обкладки.

Очаги первого типа — неглубокие ямки в виде прямоугольников (1,5×0,5 м) — обнаружены также в домах неолитического поселения у с. Кондон на Нижнем Амуре. В жилищах же на границе Нижнего и Среднего Амура были распространены очаги, обложенные камнем. Последние характерны для Малышевского поселения, которое расположено на северо-восточном склоне невысокой возвышенности, обращенной к Малышевской протоке и омываемой неолитического жилища находился очаг, сложенный из массивных камней, поставленных на ребро. Внутри очаг был заполнен супесью ярко-оранжевого цвета. В юго-западной части жилища прослеживался настил из обуглившихся кусков дерева — видимо, остатки напольного покрытия. Как правило, в жилищах новопетровской культуры было по одному очагу, но в некоторых в одном из углов дома встречались дополнительные очажки (жилище 6 — Новопетровка II, жилище 1 — Новопетровка III).

Итак, дома новопетровской культуры были полуподземными. Они имели два concentric ряда опорных столбов (для внешней и внутренней рам-обвязок); четырехскатную крышу, крепившуюся нижними концами на внешнюю раму-обвязку, а верхними — на внутреннюю; вход в жилище через дымовое отверстие в крыше по бревну с зарубками.

Новопетровскую культуру сменяла осиноозерская²⁰. Конструктивно жилища Осинского поселения близки к жилищам новопетровской культуры. Они в плане округлые, размеры их примерно 8×8 м. Плечи котлованов крутые, четкие. При возведении домов

выкапывался котлован глубиной 30—40 см, т. е. жилища были полуподземные. Столбики, как и в Новопетровке, расположены двумя рядами: внешний ряд — у самых стенок котлована, внутренний — в центре вокруг очага. Деревянная обкладка очагов обмазывалась глиной. В жилищах осиноозерской культуры также не было хозяйственных ям, не было и наземного выхода. Выходом служило дымовое отверстие в крыше. Площадь жилищ Осиновского поселения равнялась в среднем 60 м².

В таежной зоне Среднего Приамурья в IV — начале III тыс. до н. э. расселялись носители гromатухинской культуры, памятники которой были раскопаны А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко²¹. Свое название культура получила по хорошо исследованному древнему поселению на р. Громатухе. Поселение располагалось на правом берегу речки при впадении ее в р. Зею, на сравнительно ровной второй надпойменной террасе. Слева — пирамидальный мыс, круто обрывающийся к Зее, справа — скалистые обнажения. Место было богато рыбой и дичью. Мыс весь день залит солнцем, а подъем воды в двух реках не грозил наводнением для древнего поселка. Стратиграфия поселения следующая: дерн (10—15 см), под ним буро-желтая супесь (15—20 см), глубже темная гумусированная супесь (40—60 см), затем серая супесь (30—50 см). В глубине террасы под этими слоями проявлялся суглинок желто-коричневого цвета. Деревянных деталей жилищ не обнаружено, в культурном слое найдены каменный инвентарь, очаги и ямы. Очаги представляли собой пятна хорошо прокаленной красноватой супеси с примесью золы и мелкими вкраплениями сгоревших косточек. Почти все они в плане овальной формы, с размерами от 40×30 до 90×1,30 см. Днища очагов плоские, иногда с глиняной обмазкой, толщина очажного заполнения 5—15 см. Хозяйственные ямы большие, диаметром 100 см и более, глубиной 25—30 см.

У племен гromатухинской культуры охота была главным источником добывания пищи. Охотились в основном на крупных животных — об этом свидетельствуют большое количество двусторонне обработанных крупных ножей и наконечников копий, отсутствие рыболовных грузил. По образу жизни гromатухинцы принципиально отличались от новопетровцев. Если у последних обнаружены большие полуподземные дома, то у гromатухинцев таких домов не найдено. Жили они, видимо, в легких переносных жилищах типа чума. Остатки очагов в слое — свидетельство этого. Гromатухинская культура имеет много общего с неолитическими культурами соседних территорий — Прибайкалья, Якутии, Забайкалья²².

Одно из неолитических жилищ раскопано в Северо-Восточном Приморье (рис. 17)²³. В плане почти прямоугольное, с закругленными углами, площадь его 45 м². Высота материковых стенок 0,1—0,75 м. Пол наклонен к востоку, покрыт тонким (1 см) слоем светло-серой глины, которую подстилал слой буро-коричневатой глины, очень плотный, насыщенный мелким известняковым щебнем. В центре дома — прямоугольный очаг, обложенный тонкими плахами. У западной стенки очага и в его северо-восточном углу — две ямки диаметром соответственно 8 и 14 см, глубиной 3 и 10 см.

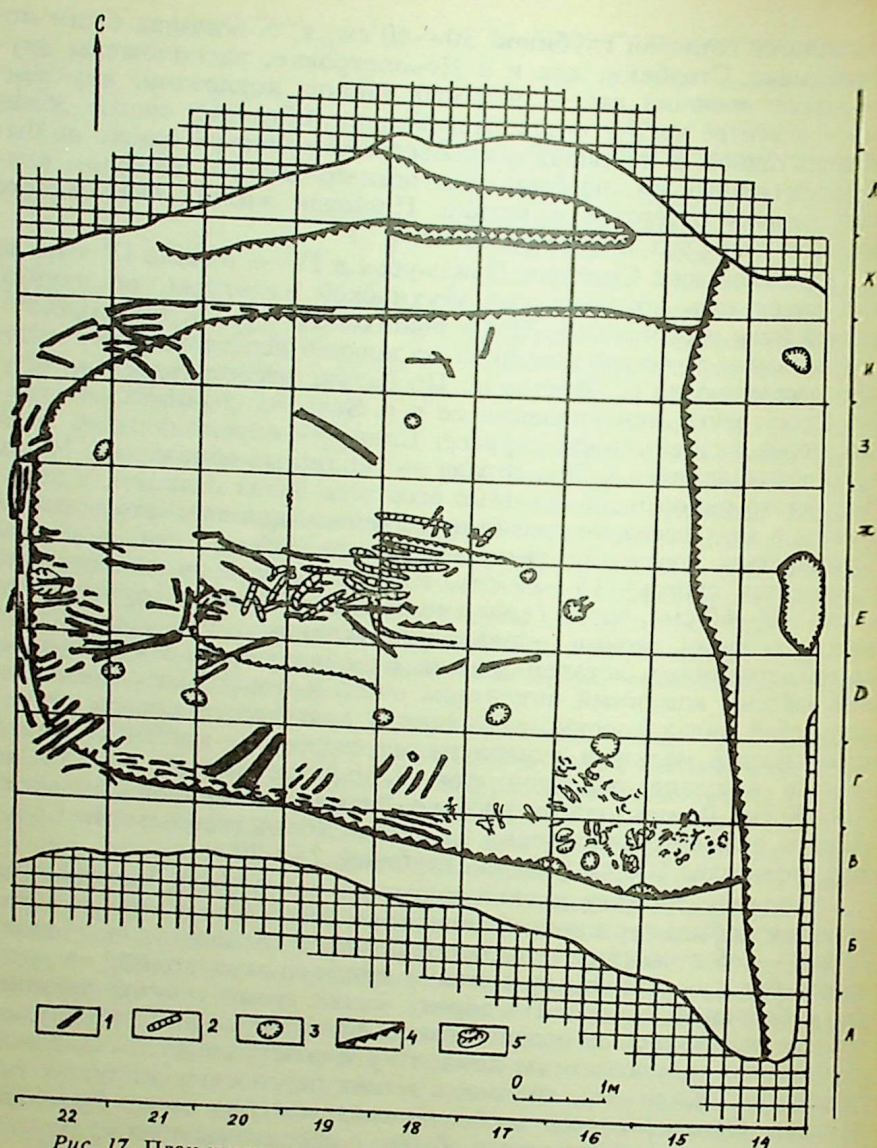

Рис. 17. План жилища в пещере Чертовы Ворота (по В. А. Татарникову).
 1 — сгоревшее дерево; 2 — истлевшее дерево; 3 — ямка;
 4 — углубление, уступ; 5 — камень.

Жилище погибло от пожара. Остатки стен прослежены вдоль всего края котлована, за исключением его восточной части, где, вероятно, был вход. Это обугленные плахи диаметром 5—16 см, длиной до 1 м, лежавшие параллельно стенкам. Перпендикулярно им размещались бревна толщиной до 29 см и длиной до 1 м. Столбовые ямы отстояли от стенок на 0,2—1,5 м и повторяли формы котлована. В одной из ямок рядом стояли два обуглившихся столбика

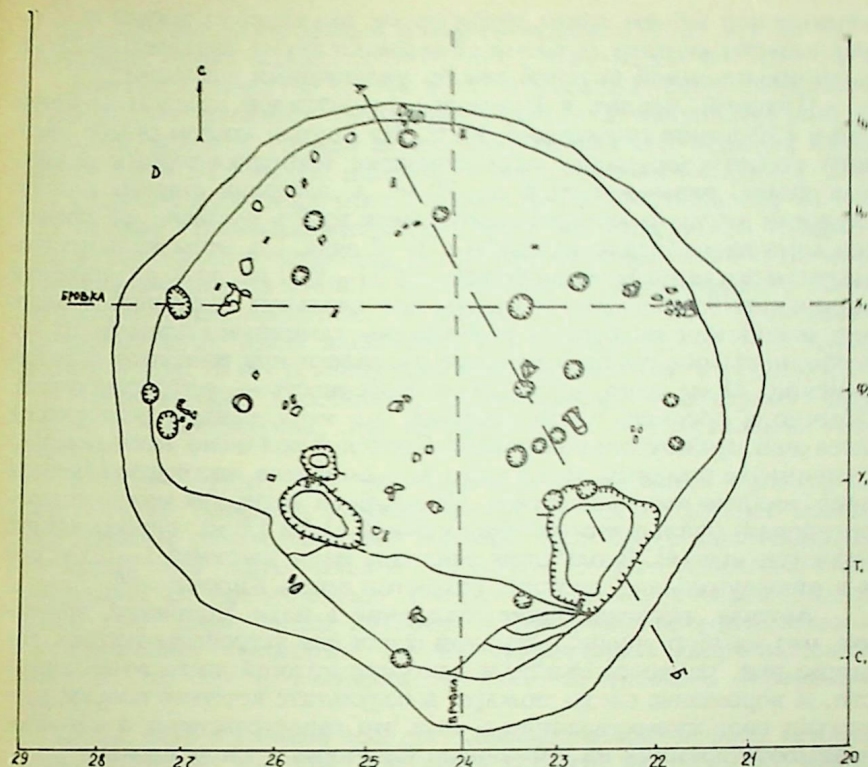

Рис. 18 План жилища 18а на памятнике Олений I (по Д. Л. Бродянскому).

диаметром 3—5 см, высотой 30 см. Диаметр столбовых ям — 27 см, глубина их 3—25 см.

На памятнике Олений I жилища в основном прямоугольные, иногда почти квадратные, с округленными углами (рис. 18). Некоторые землянки в плане овально-вытянутые. Площадь домов колеблется от 18 до 50—60 м². В жилищах 13 и 24 прослежены входы с невысокими земляными порогами, обращенными к реке. На полу зачищены округлые ямы от столбов, диаметры их от 12 до 38 см, глубина — до 42 см. Расположение столбов показывает, что существовали по крайней мере два варианта крыши. В жилище 24 прослежены три ряда столбов: два в центре и один под северной низкой стенкой котлована. У противоположной, южной стены, высокой и крутой, столбов не было. В других постройках обнаружены четыре параллельных ряда столбов — два в центре и по одному вдоль двух противоположных стен. Очаги неолитических поселений Приморья весьма разнообразны. Чаще всего это простые чашевидные углубления. В строении 7 очаг представляет собой Г-образное сооружение, размеры его 68×45 см; в землянке 9 — почти квадратный очаг, 70×60 см, разделенный внутри каменной плитой на две камеры; в жилище 10 — вытянутый каменный ящик, 1,06×0,4 м; таков же один из трех очагов в землянке 2. В жилище 4 очаг был составлен из трех колен, располо-

женных под тупым углом друг к другу, два колена сложены из обожженных каменных плит, а третье образовано двумя параллельными градами обожженной красной земли, уходящими под нары²⁴.

Поздний неолит в Приморье представлен поселением Синий Гай в 150 домов (раскопано 30)²⁵. На крутом южном склоне высокого холма сооружены искусственные площадки-террасы различных форм, размером от 6 до 70 м². С нагорной стороны стенами служили выступы материкового камня до 2 м высотой, по длинной оси дома располагались столбы в 1—2 ряда. На этом же памятнике вскрыты жилища бронзового века (XIII—VIII вв. до н. э.), подобные харинским²⁶, подпрямоугольных или овальных очертаний. Очаги в них имели вид ям и были облицованы каменными плитами. На эту особенность обратили внимание археологи при раскопках пади Харинской. «Еще одна интересная особенность — устройство очагов. Обычно в средней части жилища, но не в центре, располагался один очаг прямоугольной формы. Стенки и пол очага выкладывались каменными плитами. В жилище № 1 выявлена настоящая каменная печь, видимо имевшая и свод. По крайней мере, так можно интерпретировать овальное скопление камней (1,7×0,8 м), перекрывавшее очажную яму»²⁷. Вдоль стен тянулись нары шириной 1—1,5 м, как и в прямоугольном жилище, открытом в пос. Кировском²⁸.

Авторы, исследовавшие поселение в пади Харинской, отмечают, что «выбор труднодоступной сопки для устройства поселка, наличие рва, расположенного в наиболее пологой части возвышенности, и вероятные следы пожара, в результате которого поселок прекратил свое существование, — все это свидетельствует о сложных взаимоотношениях на юго-западе Приморья в эпоху бронзы»²⁹.

В поселениях бронзового века в Приморье жилища располагались на небольшом расстоянии друг от друга, что объясняется нехваткой оборонительных сооружений. Вообще вся территория поселка использовалась очень рационально.

То же наблюдается и на Сахалине. На поселении Имчин XII раскопано восемь жилищ. Исследователи замечают: «Своеобразна топография поселения: оно занимает поверхность и частично склоны небольшого холмика (высотой до 5 м, размер подножия 55×35 м), неправильно-овальной формы, возвышающегося посреди заболоченной мари и покрытого кедровым стлаником, лиственницей и карликовой березой. Рядом протекают речки Тымь и Имчин, богатые рыбой, и небольшой пресноводный ручей»³⁰. Котлованы жилищ округлой формы, от 6,5 до 10 м в диаметре, глубиной 0,5—1,2 м. Почти соприкасаются плечиками друг с другом. Культурный слой — толщиной от 0,1—0,3 м в межжилищном пространстве до 0,5—0,8 м в центре западин и до 1,3—1,7 м под крутыми склонами плечиков. Сечение котлованов корытообразное, плечики западают крутым уступом под углом 45—80°. На полу жилищ ямки от опорных столбов, расположенные по периметру котлованов. В земляных плечиках выявлены многочисленные ямки от наклонных жердей перекрытия. В центре каждого жилища обнаружены очажные пятна подовальной формы, линзовидные в сечении, сложенные спрессованной обожженной супесью красновато-бурого

цвета с вкраплениями земли и угольков, мощностью от 0,1 до 0,3 м. Размеры их самые разные: 0,7—0,8 м × 1 м × 2 м; 3,4 м × 1,8 м × 0,3 м.

Большое количество (от 40 до 113) ямок на юго-восточной и конфигурация (двойные, тройные) — результат неоднократной перестройки, ремонта. Крыши домов конусообразные, верхние концы жердей лежат на обвязке, нижние — на земляных столбиках. «Редкое западение прослойки (накаты над крышей) свидетельствует об очага и сильная утрата обшивки пола над землей западением говорит и пользу того, что эта площадка выдута столбов с зарубками, по которым поднимались из жилища и спускались в него. Наличие наемного входа можно проследить у жилища 1, 2 и 3. Это ступеньки и коридорообразная ниша шириной 2 м и длиной 2,5 м»³¹. Площадь жилищ от 9 до 72 м². В некоторых помещениях очаг отсутствует.

Неолитические насельники, проживавшие в северной части Корейского полуострова, имели круглые и прямоугольные землянки.

В 1954—1955 гг. остатки неолита и позднейших культур обнаружены на Олонской стороне. Здесь на месте древних поселений найдены разнообразные жилища (рис. 19) с разнообразными предметами материальной культуры³². Полуземлянки прямоугольной формы (6 × 8 м), концы округлые, с одним очагом. Очаги трех форм, среди которых доминируют четырехугольные. На территории некоторых жилищ обнаружены многочисленные ямки от столбов и длинные обвязки со следами деревянных прутьев.

Итак, если в раннем неолите Корейского полуострова встречаются квадратные жилища, в позднем неолите им на смену приходят круглые с конусообразной крышей. Об этом свидетельствуют наклонные ямки от столбов, расположенные по периметру круглых стен. И даже в прямоугольных жилищах угловые ямы тоже не вертикальные, а наклонные. Следовательно, дома имели форму шалаша со скатной крышей. Наряду с ними встречались постройки, в четырех углах которых располагались перпендикулярные столбы, что наводит на мысль о существовании плоской крыши. Круглая форма строений связывается некоторыми учеными с приходом на эту территорию алтайских племен или палеоазиатов³³.

В Древнем Китае главное развитие получили деревянные постройки. Поскольку территория Китая обширна, в каждом районе сложились свои особые климатические, материальные и географические условия, которые оказали влияние на развитие деревенного строительства. В северных районах, к которым относятся районы среднего и нижнего течения Хуанхэ, много мест занимают лесовые плоскогорья, климат холодный и суровый, поэтому здесь широкое распространение получили такие жилища, как «выкопанные в земле пещеры». Развитие строений шло от природной горной пещеры к землянке, полуземлянке и далее к протейшей наземной пещерной деревянной постройке, которая постепенно превращалась в деревянную постройку на поднятых столбах. В южных районах, к которым относятся районы среднего и нижнего течения Янцзы, из-за высокого уровня подземных вод климат влажный. Здесь

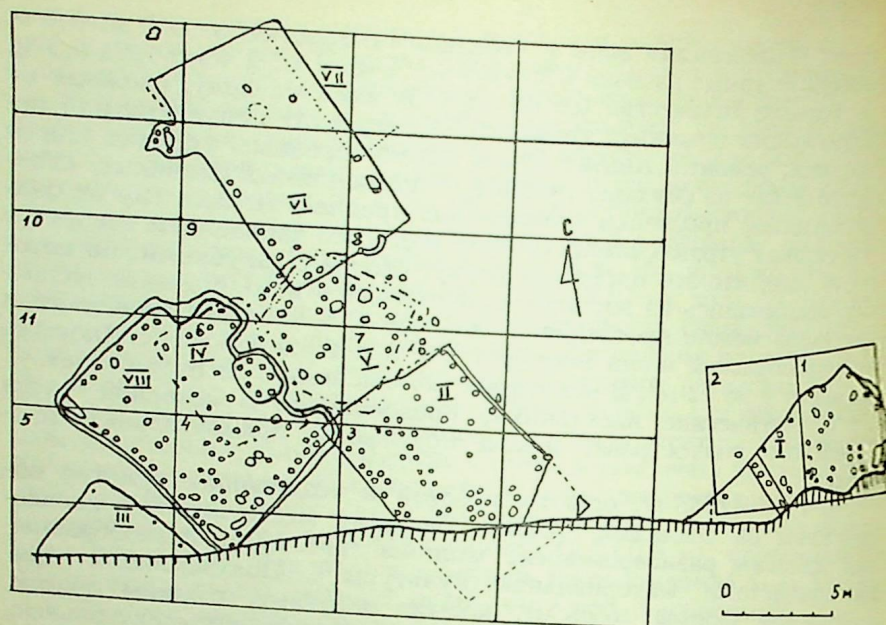

Рис. 19. План раскопа на стоянке Одон.
I—VIII — жилища.

развивались главным образом постройки типа «деревянное гнездо», которые постепенно опускались на землю. Благодаря прогрессу, изменениям в области техники строительства, расширению связей у разных народностей Китая сформировались многообразные формы построек.

Сохранилось крайне мало остатков наземных деревянных построек раннего исторического периода. Поэтому при изучении особенностей строительства в отдельные эпохи можно опираться лишь на древние письменные памятники и немногие сохранившиеся косвенные материалы. К последним относятся уцелевшие кирпичные и каменные башни, каменные вышки у ворот, кумирни, мосты, а также резьба по камню и настенная роспись в каменных пещерах. Во время археологических раскопок найдены остатки построек, настенной росписи, обломки кирпичей и камней с изображениями, керамических домиков, керамических дворцов, бронзовой утвари и др.

Около д. Баньпо в районе г. Сиань пров. Шэньси обнаружено множество остатков деревянных наземных построек, напоминающих неглубокие землянки³⁴. Здесь находился неолитический поселок. Внутренняя жилая поверхность этих построек ниже земной поверхности примерно на 100—200 см. Над землей возвышались деревянные столбы-опоры, крыша обмазана смесью глины и соломы. Эти постройки постепенно становились все мельче. Отличительные черты неолитических жилищ следующие.

Полуземлянки раннего периода обычно имели либо круглую, либо квадратную форму. В позднем неолите появилось строение в

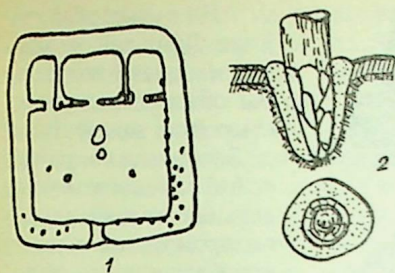

Рис. 20. План жилища (1) и способ укрепления столбов (2) на стоянке Дахэцунь (по Ци Интао).

10—20 м², самые большие жилища достигали 100 м².

С увеличением наземных строений начал формироваться новый структурный элемент — комната. Позднее появились внутренние стены, разделявшие помещения, как, например, это видно на фундаменте жилища на стоянке Дахэцунь около г. Чжэнчжоу (рис. 20).

Выделились крыши следующих форм: круглая остроконечная, двухскатная и четырехскатная. Крыши покрывались ветками деревьев и соломой, некоторые обмазывались глиной. Обнаружены куски саманной смеси двух видов — толстые и тонкие, изготовленные различными способами (рис. 21).

В полужемлянках деревянный каркас строился следующим образом. Центральный столб и боковые наклонные жерди связывались при помощи лиан. В квадратной или прямоугольной постройке по четырем сторонам устанавливались толстые столбы, между столбами — более тонкие жерди, на их основе строились саманные стены, толщина которых составляла около 20 см. Позднее появились насыпные глинобитные стены.

Диаметр опорных деревянных столбов достигал 15—30 см, самый большой — 45 см. Столбы вкапывали в специальные углубления, глубина ямок равнялась 40—80 см. Нижняя часть углубления для столба в ранний период специально не подрабатывалась, в дальнейшем ее стали засыпать землей, перемешанной с известняком. Землю подсыпали в нижнюю часть ямы и утрамбовывали деревянной колотушкой. На дно углубления подкладывали также плоские обломки камней или черепки керамики. В фундаменте дома со стоянки Мяодигоу в ямах для столбов обнаружены плоские ровные гальки. Должно быть, это самые ранние каменные основания для столбов. В остатках постройки на стоянке Ванвань около Лояна в основании стен с деревянным каркасом обнаружен ровный галечный фундамент, под ним — красная обожженная земля.

На стоянке Баньпо около г. Сиань на жилой поверхности полужемлянок найдены следы прокаленной земли³⁵. Здесь пол и стены обмазывали глиной, а затем обжигали огнем, чтобы эти поверхности стали твердыми и износостойчивыми и лучше защищали от сырости. В Баньпо зафиксирован еще один способ защиты от сырости: под саманную поверхность пола подстилался слой досок, вытесанных топором.

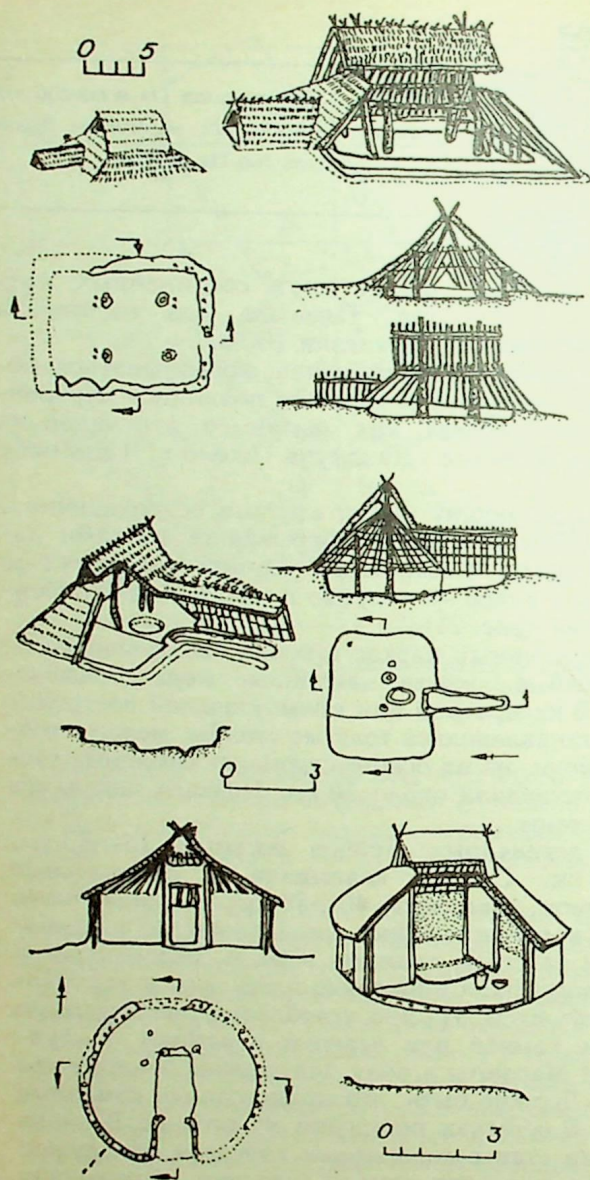

Рис. 21. Крыши разных видов (по Ци Интао).

Длинные решетчатые постройки располагались здесь «спиной» к горам и «лицом» к воде. Основным занятием было лемешно-пахотное земледелие, важнейшей культурой — заливной рис.

На культурной стоянке Луншань во многих жилищах полистены обмазывались известью (или золой). Возле д. Баоцзятан в районе г. Аньян пров. Хэнань есть остатки жилища, в котором поверхность пола для защиты от сырости была устлана слоем черного древесного угля.

Остатки одной из решетчатых построек в Хэмуду имеют длину более 25 м, ширину 7 м, на обращенной к воде стороне пристроена галерея шириной 1,3 м, по-видимому, для подхода к каждому жилому помещению. Галерея имеет прямые перила. Стены сделаны из деревянных досок, бамбуковых стволов или камышовых циновок. Внутри комнаты доски пола подвижные, их можно было раздвигать и бросать вниз бытовой мусор. Крыша комнаты сделана из древесной коры. Такая решетчатая постройка похожа на двухэтажный дом, в котором наверху жили люди, внизу содержался домашний скот, на верхний этаж вела деревянная лестница. До сих пор на юго-западе Китая многие крестьяне живут в таких домах.

Проведя анализ материалов раскопок, китайские археологи выделили три этапа развития жилых построек на стоянке Хэмуду³⁶.

1-й этап (возраст, определенный радиоуглеродным методом, 6960 ± 100 лет) — высокие плетеные постройки, где доски пола уложены на сваи. Деревянные сваи вбиты в слой сырой земли, поверх них уложены деревянные килевые балки, горизонтальные бревна, вертикальные столбы, вертикальные доски, горизонтальные доски и другие составные части конструкции.

Другой вид — низкие плетеные постройки. Здесь обнаружены вертикальные сваи, горизонтальные доски, балки, шпунтовые доски. Диаметр угловых свай больше, чем боковых. Есть также круговые изгороди, построенные из небольших свай; возможно, за такой изгородью семья содержала свой скот.

2-й этап — наземные постройки с вкопанными столбами и вбитыми сваями. Столбы имеют квадратную, полукруглую и плоскую прямоугольную форму. При установке столбов сначала выкапывали яму, в нее в качестве фундамента подкладывали деревянную доску, а затем устанавливали столб.

3-й этап — наземные постройки с вкопанными столбами. Способ строительства: сначала выкапывали углубление для столба, в него закладывали куски обожженной земли, глину, керамические черепки и другие материалы, слой за слоем утрамбовывали, чтобы сделать прочный фундамент для столба, поверх него устанавливали столб.

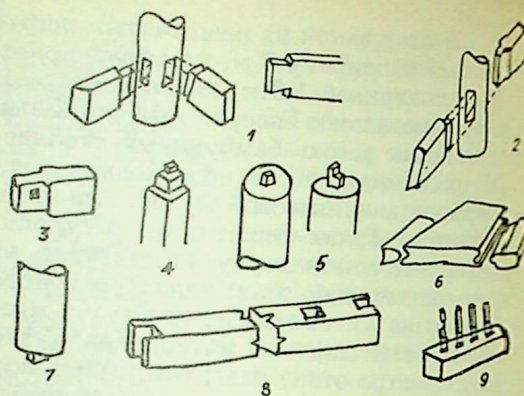
На стоянке Хэмуду среди остатков построек обнаружено замечательное приспособление — штыри на деревянных деталях конструкции. Имея в распоряжении только каменные и костяные орудия, древние строители смогли создать по меньшей мере 9 видов штырей. Шире всего применялись штыри следующих видов.

Штырь в форме хвоста ласточки. Вырезан на одном конце бруса с поперечным сечением 26,5×11 см, сохранившаяся длина бруса — 66, длина штыря — 16,5, ширина у основания — 20, на конце — 25 см (рис. 22, 1).

Штырь на конце балки. 1-й подвид — поперечное сечение балки 32×10 см, на конце вырезан штырь толщиной 6, длиной 13 см, в центре его выдолблено прямоугольное отверстие 3×34 см. Штырь вставлялся прямо в столб (рис. 22, 2). 2-й подвид — на конце балки вырезан более тонкий штырь, который вставлялся прямо в столб.

Рис. 22. Штыри разных видов.

1 — в форме хвоста ласточки;
2 — на конце балки; 3, 4 — с двойным выступом; 5 — квадратный и в форме ножа; 6 — шпунтовый; 7 — «узкая ножка»; 8, 9 — парный вилочный.

Штырь с двойным выступом. На конце балки или бруса сделан квадратный штырь, который делится на два яруса — маленький, верхний, и большой, нижний (рис. 22, 3, 4).

Штырь на конце столба. 1-й подвид — штырь обычной квадратной формы, основание чуть шире конца; 2-й подвид — штырь в форме ножа (рис. 22, 5).

Шпунтовый штырь. Две толстые доски соединены в плоскости, на ребре одной доски — выемка, на ребре другой — выступ. Конструкция та же, что и у современных шпунтовых штырей (рис. 22, 6).

Штырь в основании столба, так называемая «узкая ножка» квадратной формы (рис. 22, 7).

Парный вилочный штырь. На двух концах бруса с узкой стороны вырезаны штыри в форме вилки, каждый штырь имеет длину 3,5 см, ширину 2—3 см. Около одного конца бруса выдолблено прямоугольное сквозное отверстие, размер его 13 x 4,5 см (рис. 22, 8, 9).

Поверхность всех этих деревянных деталей имеет явные следы обтесывания, хотя внутренняя поверхность отверстий без следов шлифовки.

Сохранившиеся образцы штырей свидетельствуют о том, что уже в древние времена человек обладал достаточным умением для изготовления штырей для соединения балок со столбами, для крестообразных горизонтальных соединений, соединений вертикальных деталей с горизонтальными, горизонтальных досок и др. Все это говорит о том, что конструкции построек достигли в то время определенного уровня развития.

В VI тыс. до н. э. строили полуподземные квадратные жилища. Площадь такого жилища не превышала 20 м². В центре находился круглый очаг. Уровень пола был ниже поверхности земли на 0,4—0,8 м. Ширина дверного проема составляла 0,3—0,6 м, высота — 1,5—2 м. К двери подходил невысокий порог в несколько ступенек. Опорные столбы в количестве от одного до четырех вкапывались в центре дома или вокруг очага.

В более позднее время появлялись жилищные наземные дома. Пол и стены их состояли из досок шириной 15 см. Опорных столбов насчитывалось до 10 штук. Располагались они таким образом: четыре угловых, на южной и северной стороне по два столба, на восточной и западной — по одному. Диаметр больших столбов 15—20 см, высота их — 1,3 м. Между ними ставились маленькие столбики³⁷.

Неолитические памятники Китая открывают нам и круглые в плане жилища, покрытые ветвями и травой, полуземляночного типа, каркасно-столбовой конструкции. Стены их сооружались из вертикально поставленных жердей, обмазанных глиной. С южной стороны находился наклонный вход в жилище. Земляной пол покрывался глиной в несколько слоев, которая для прочности обжигалась³⁸. Такое жилище раскопано в уезде Чанхай к юго-востоку от г. Люйшунь (Порт-Артур), на стоянке Сяочжуншань³⁹. Стоянка расположена в средней части о-ва Гуанлудao, на восточном склоне горы Сяочжуншань. Высота над уровнем моря 20 м. Вершина горы довольно плоская: на юг тянется холмистое плоскогорье.

Стратиграфия следующая:

1-й слой: пахотная земля — перегной желто-серого цвета, содержащий раковины и обломки камней, толщина 30—38 см;

2-й слой: лёсс с раковинами, толщина 10—30 см. Раковин очень много;

3-й слой: серая земля с раковинами, толщина 14—30 см;

4-й слой: черная земля, толщина 20—45 см. В ней обнаружены ямки от столбов, жилищная поверхность и другие остатки построек;

5-й слой: делится на две прослойки — желтая земля, или лёсс, и лёсс с раковинами, толщина 20—85 см.

Жилище I F-I находится в нижней части 4-го слоя и частично проникает в 5-й. Это постройка типа полуземлянки в форме квадрата с закругленными углами. Западный угол находится на глубине 1,65 м от поверхности, южный — на глубине 1,05—1,50 м. Лёссовые стены сохранились довольно хорошо. Поверхность земли повсеместно искусственно покрыта слоем лёсса толщиной 5—10 см, служащим в качестве «подстилки», жилищная поверхность — слой красной глинистой земли толщиной 5 см и твердая поверхность серого цвета. В северозападном углу — пятно из красной глинистой земли. Его длина с севера на юг 1,30 м, ширина с запада на восток 1,10 м, толщина около 0,10 м. Возможно, здесь находится твердая коренная горная порода, в восточной части — слой раковин. По периметру жилища на поверхности земли сохранились 14 углублений для столбов. Диаметр их 10—18 см, глубина 1—2 см (рис. 23).

В средней части о-ва Гуанлудao исследованная стоянка Цзяцунь. Она расположена на южном склоне южной и разделена на две части идущей с севера на юг неглубокой канавкой и про-

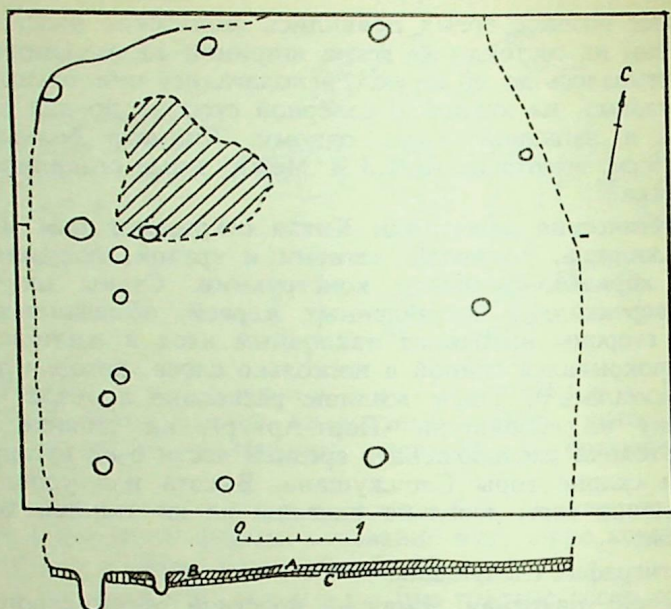

Рис. 23. План пола жилища I F-I на стоянке Сяочжуншань.
 А — черный гумус; В — прокаленный слой красного цвета; С — прокаленный слой желтого цвета.

лочной дорогой. Стратиграфия подобна описанной выше. Раскопанное жилище II F-I полуземляночного типа, квадратной формы, с закругленными углами. Жилая поверхность находится на глубине 80 см от поверхности земли. Длина его 4,97 м, ширина 4,76 м. Выход в северо-западном углу, обращен на запад и выступает за жилище. Длина его 0,8 м, ширина 1,6 м. Внутри помещения обнаружены 22 ямки для столбов, диаметр их 12—20 см, глубина 10—36 см. Расположены они двумя рядами, внешний примыкает к стенам, обычно это толстые столбы. В некоторых случаях к ним поставлены одна толстая и одна тонкая подпорки (рис. 24).

Поскольку жилище обвалилось во время пожара, оно было заполнено лёссовыми отложениями, в которых найдены обуглившиеся балки-бревна. Балки, идущие с севера на юг, более толстые, их диаметр 13—15 см. Сверху толстых балок лежат более тонкие, направленные с запада на восток, их диаметр 5—10 см. Толстые балки сделаны либо из круглых стволов, либо из распиленных надвое. Те опоры, которые не сгорели, сгнили и упали, после них в земле остались ямы с рыхлым заполнением. Вокруг сгоревших балок лёсс приобрел красный цвет. Крыша дома, по-видимому, была обмазана желтой глиной. Поверхность пола очень твердая, на нем слой пепла от соломы. Вероятно, пол внутри дома был выстлан соломой. Судя по заполнению жилища, стены помещения были сплетены из веток деревьев, затем оплетены травой и соломой и обмазаны глиной.

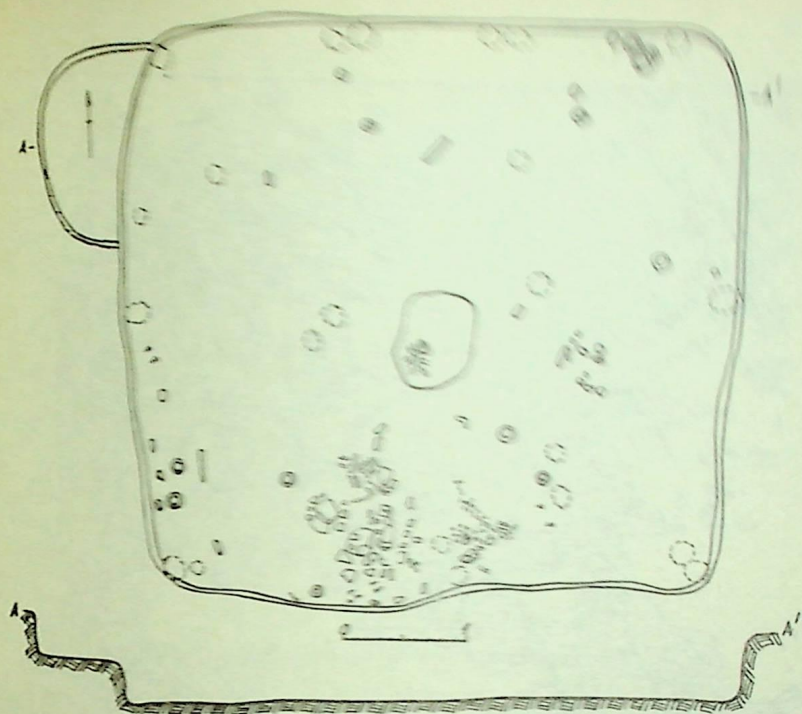

Рис. 24. План жилища II F-1.

В шанскую эпоху существовали прямоугольные в плане дома⁴⁰. На стоянке Шизрия раскопаны такие жилища. В одном из них хорошо сохранились остатки деревянных конструкций (рис. 25). В северной части строения деревянные детали и другие строительные материалы располагались в определенном порядке. В заполнении прослежено несколько слоев камышовой соломы. Под ней находились небольшие круглые жерди диаметров 5—6 см, связанные (сплетенные) с камышовой соломой. В некоторых местах поверх камышовой соломы были уложены пластины бамбука шириной 2 см, длиной около 61 см. Поперечные и продольные бамбуковые пластинки сплетены, промежутки между ними составляли 14—20 см. В некоторых местах поверх камышовой соломы лежали еще ветки небольших деревьев.

На этом участке с юга на север прослеживаются восемь рядов свай, в каждом ряду 12—13 деревянных столбов, расстояние между рядами 45—75 см. Между сваями рядами лежали круглые бревна — 10 четких рядов. Длина круглых бревен 200—340 см, диаметр 14—18 см. Над ними уложен слой бревен, идущих с юга на север, здесь тоже можно различить 10 рядов. Длина сохранившейся части бревен 60—280 см, диаметр 8—11 см. Таким образом, два слоя бревен образуют решетчатую площадку. Расстояние между южным и северным краем площадки около 7 м, боковые линии

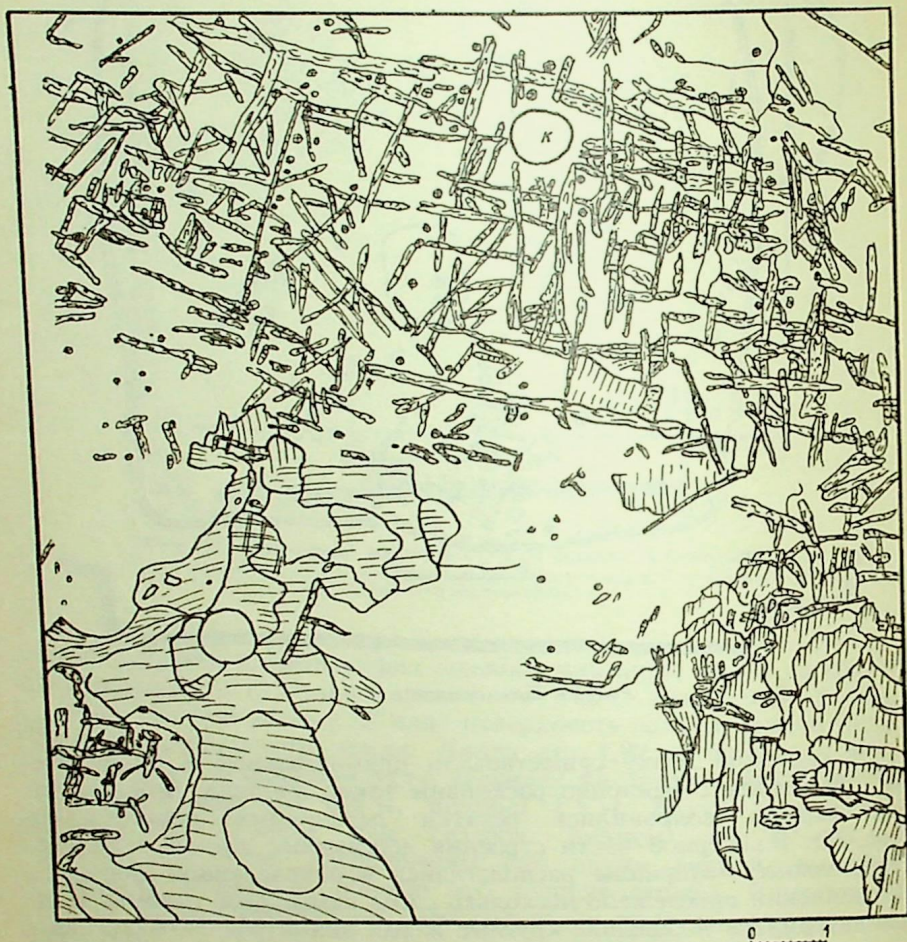

Рис. 25. План деревянных конструкций на стоянке Шиэрцяо.
К — ханьский колодец.

видны четко. Поскольку работы еще не закончены, не ясны западная и восточная границы решетчатой деревянной постройки.

Поверх деревянной решетчатой конструкции из бревен обнаружены остатки досок толщиной 1,2—2,5 см. Поверх досок лежали круглые деревянные жерди диаметром 6—11 см, они тоже составляли решетчатую конструкцию с квадратными клетками-ячейками. Китайские археологи опубликовали реконструкцию этого жилища (рис. 26)⁴¹.

При сооружении крыш малых построек детали конструкции соединялись при помощи пазов, а также связывались бамбуковым тиком. Сначала из круглых стропил и балок строилась решетчатая

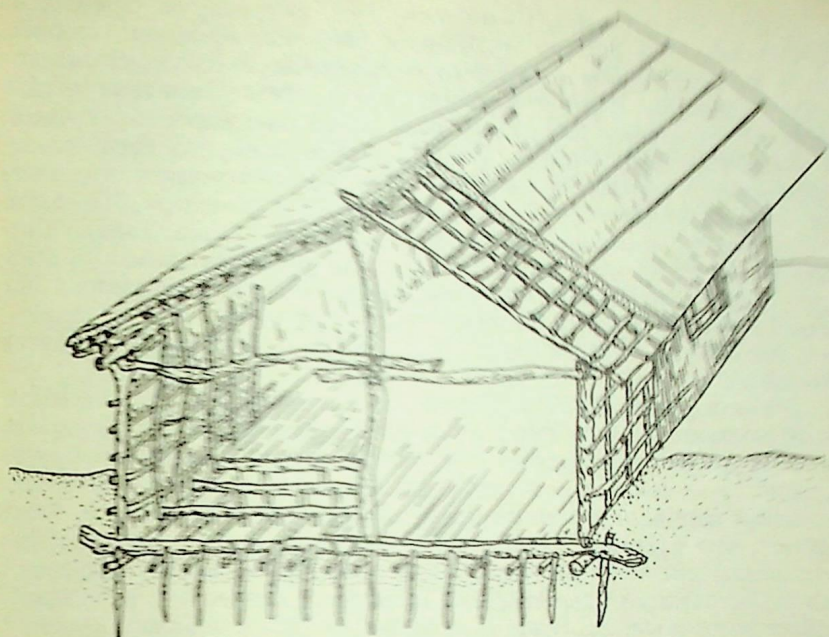

Рис. 26. Реконструкция решетчатого дома (Вэнь, 1987, № 12).

крыша, затем она сверху выстилалась камышовой соломой, которая дополнительно закреплялась бамбуковым лыком. Крыша была двухскатной. Обнаружена коньковая балка, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Длина ее около 350 см, диаметр 18 см. На расстоянии 145 см от коньковой параллельно ей лежала другая балка, диаметром 16 см. Поверх этих двух балок находились круглые балки, а выше слой камышовой соломой, которая использовалась как кровельный материал.

В бронзовом веке вошли в широкое употребление топоры, пилы, долота, ножи и другие орудия из бронзы. Стала использоваться необожженный кирпич и черепица. В общей структуре построек образовалась форма, похожая на глухой двор. В некоторых местах, например в Лунсяфэн уезда Си пров. Шанси и в уезде Дэнфэн пров. Хэнань, во время раскопок были обнаружены остатки городищ, где сохранились стены из утрамбованной земли, что свидетельствует о широком применении техники утрамбовки земли.

На стоянке Эрлитун⁶² округа Чжэньчжун пров. Хэнань, в поселении Паньлунчжун⁶³ уезда Хуайини пров. Хэбэй, в поселении Хуайини⁶⁴ около г. Аньян пров. Хэнань археологи обнаружили остатки крупных построек, представляющих к северу ранней, а к югу — поздней шан. Судя по размерам, материалам и технике строительства, эти постройки представляют собой дворцы. Их принадлежность к ним главным образом жилища дабао — в бронзовом веке (до 11-го века до н. э.).

Очень похожи по планировке на амурские и приморские жилища периода дзёмон в Японии. Это полуземлянки, квадратные и прямоугольные, круглые и овальные в плане. Называются они татэана. В Японии обнаружены также глиняные модели домов — ханива. Это землянки, покрытые простой кровлей. На Хоккайдо в районе р. Исикари раскопано поселение раннего дзёмона, в котором насчитывается 300 землянок, квадратных, округлых или овальных в плане, диаметром 3,5—5,5 м. 23 округлых жилища вскрыто в Убаяме (пров. Тиба). Диаметр каждого из них около 6 м. Стены обмазаны глиной. В центре — очаг, выложенный камнями или фрагментами керамики. Пол ровный, выложен плоским галечником. На полу следы от столбов, от нескольких штук до нескольких десятков, толщиной 30—40 см⁴⁴.

Дома в пров. Тиба окружены кольцевыми или подковообразными раковинными кучами. Диаметры таких куч — от нескольких десятков до двухсот метров. Постройки располагались вдоль края террасы, а кухонные остатки сбрасывались на склон и погребали под собой основания ранних жилищ⁴⁵. Японский археолог И. Явата считает, что татэана существовали в течение всего периода дзёмон, но с конца среднего дзёмона стали появляться и наземные дома с полом, устланным камнями или галькой. В позднем дзёмоне преобладали наземные жилища с небольшим прямоугольным очагом⁴⁶. В большинстве случаев очаги обложены каменными плитами⁴⁷. На стоянке Рэнгадай раскопано пять жилищ округлой в плане формы. Диаметр их 4—4,5 м. Опорные столбы расположены по периметру земляного котлована. Глубина столбовых ям 20—30 см. Очаг расположен в центре помещения и обложен каменными плитами. Выход с южной стороны в виде длинного узкого тамбура. Некоторые японские археологи считают, что наземные дома — это летние жилища, а полуземлянки татэана — зимние, и в качестве примера приводят айскую традицию строить летние дома *сахатисэ* на берегу моря и зимние полуземлянки на южных склонах холмов. В коллекции МАЭ есть макеты айских построек: четырехугольного каркасного жилища из досок, коры или бересты, двухскатного дощатого и тростникового, в них много очагов⁴⁸.

В последние годы внимание японских археологов привлекли остатки строений, в которых использовались крупные опоры⁴⁹. Столбы делались из каштанового дерева, их диаметр 70—90 см. Бревна распиливали пополам. Эти полукруглые опоры устанавливались вертикально, на одинаковом расстоянии друг от друга, по почти правильному кругу, причем плоская сторона опор была обращена вовне, а изогнутая — внутрь. В большинстве случаев круг состоял из 10 столбов, его диаметр был равен приблизительно 7—8 м. Пазы и просверленные отверстия в нижней части опор использовались, видимо, при транспортировке. На стоянках обнаружены большие углубления для укрепления опор на земле. Сохранились лишь нижние части столбов, поэтому трудно сказать, как выглядела верхняя часть конструкции. Однако различные детали позволяют предположить, что у этих строений были крыши. Подо-

бные сооружения перестраивались, как правило, на том же самом месте, немного отодвигаясь от центра круга.

Несколько подобных крупных опор, относящихся к концу дзёмонского периода, было извлечено на стоянке Омимаси Терадзи, расположенной на западной окраине префектуры Ниигата. Повторные исследования японскими археологами углублений диаметром более 1 м позволили обнаружить остатки крупных деревянных опор, расположенных по кругу, на территории, простирающейся от западной части префектуры Ниигата до бассейна р. Тедори. Большинство из них относится к ранней или средней стадии дзёмона. Можно предположить, что этот уникальный тип строений был распространен на довольно большой территории. Просто на многих стоянках они не сохранились. Зона распространения этих опор почти совпадает с зоной распространения керамики Хокурику заключительного периода дзёмона, найденной в основном в префектурах Исикава и Тояма. В этих сооружениях не было каменных очагов, они часто перестраивались, все это дает право считать их не обычными жилищами, а строениями для особых нужд. Вероятно, они были связаны с определенными формами верований.

Группы, жившие на рассматриваемой территории три тысячелетия назад, представляли собой сплоченное единство благодаря общим религиозным верованиям и обрядам. Японские ученые высказали предположение, что в этом регионе была распространена новая, яёйская, культура, основанная на выращивании риса.

В бронзовом веке в Японии сохранились полуземляночные дома *татэана*. Для избежания сырости они сооружались в мягком грунте на склонах холма, отчего назывались также *тэнги-конгэн* («против влаги»). Такое жилище обычно представляло собой четырехугольную яму с закругленными углами длиной около 5—6 м. Земляной утрамбованный пол находился на глубине 60—90 см. По углам были забиты в грунт четыре деревянных стропила, опирающиеся по длинным сторонам на землю⁵⁰.

Итак, сравнивая жилища ранних эпох на огромной территории Дальневосточного региона, мы можем отметить следующее. Жизнь древних народов в Приамурье, Приморье, Китае, Корее, Японии более сходна, чем различна. Начальный этап древней истории характеризуется некоторыми общими чертами для всего человечества. И это несмотря на то, что хозяйственная жизнь людей в те далекие времена полностью зависела от природных условий, которые, как мы знаем, были различны в названных частях Азиатского материка. Палеолитические охотники жили в естественных пещерах, затем стали сооружать искусственные пещеры. В неолитическую эпоху произошел переход к оседлому образу жизни, что наложило отпечаток на многие стороны быта. Богатые рыбой реки и моря заставили древнего человека осесть на побережье. Об этом свидетельствует топография памятников. Вместо маленьких стоянок появились крупные поселки с полуподземными домами. Жилище и домостроительную технику приамурских племен нельзя рассматривать в отрыве от домостроительства народов Китая, Северной Кореи, Японии, Сибири. На протяжении палеолитической, неолитической и

бронзовой эпох происходит накопление опыта, формирование тех или иных типов жилищ, которые постоянно видоизменяются от простого к сложному. Однако своеобразие каждого этноса проявляется уже в ту раннюю эпоху.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Процесс освоения металла на Дальнем Востоке протекал весьма своеобразно. Медь и бронза сыграли здесь менее заметную роль, чем в Забайкалье, Монголии и Китае. Но, несмотря на это, уже в начале II тыс. до н. э. большая часть племен Приамурья переходит от присваивающего хозяйства к производящему. Земледелие и скотоводство становятся основными отраслями хозяйства. Слабое распространение изделий из меди и бронзы объясняется, видимо, малыми запасами меди, которые древний человек мог разрабатывать. Но это сыграло и свою положительную роль: когда появился новый металл — железо, ему не пришлось выдерживать конкуренцию с бронзой. Научившись плавить железо, племена Приамурья сразу же внедряют его во все сферы хозяйства. Запасы болотных руд, особенно широко использовавшиеся древним человеком, известны в большом количестве как в Приамурье, так и в Приморье. Не случайно уже в VIII в. до н. э. на юге Дальнего Востока начинается ранний железный век, железо быстро вытесняет все другие материалы для изготовления орудий труда и вооружения.

В эпоху раннего железного века люди стали обладателями такой прогрессивной сельскохозяйственной техники, которая позволила им заниматься разведением проса; они имели понятие о ткачестве и использовании металлических орудий. Появление земледелия, продукты которого явились основой питания человека, регламентировало всю его жизнь. А когда повсеместно распространились железные орудия, значительно улучшилась обработка древесного материала для построек, значительное развитие получила и техника сооружения деревянных конструкций.

Появление изделий из железа в Приамурье связывается с урильской культурой. Свое название эта культура получила по поселению на о-ве Урильском. Остров расположен в 6 км от с. Сагибово вверх по Амуру, в 12 км ниже с. Новопокровка. В 1961 г. раскопки здесь велись под руководством А. П. Окладникова, в 1963 г. — А. П. Деревянко. Местные жители рассказали, что о-в Урильский не заливается водой даже в самые сильные наводнения. Удачное расположение его напротив устья р. Урил, высокий солнечный берег, защищенный от ветров густым лесом, исключение внезапного нападения — все это привлекало к нему древних людей. Протяженность острова с запада на восток 3—4 км, ширина в средней части около 700—800 м. Северный берег острова более низкий, сырой, холодный, покрыт мелким, труднопроходимым тальником. Река Урил впадает в Амур у восточной оконечности острова, однако в большую воду устье реки перемещается к западному краю. Вода тогда устремляется по довольно широкой протоке,

охватывающей весь северный, низкий берег острова. Древние обитатели использовали все возвышенные места южного берега острова, наиболее безопасные при наводнениях.

В 1961 г. на острове было вскрыто частично четыре жилища¹. Инвентарь и керамика Урильского поселения не имели прямых аналогий ни в одном известном к тому времени на территории Приамурья памятнике каменного или железного века. Поселение было выделено в особую культуру, позднее удалось открыть новые памятники этого типа.

Поселение в с. Михайловском Архаринского района Амурской области — самый западный памятник урильской культуры. Современное село расположено на террасе высотой 8—10 м, берег здесь не затопляется, но вода подходит к основанию террасы и постепенно ее подмывает. Древний поселок расположен почти в центре нынешнего села, занятом современными постройками. Исследована небольшая свободная от застройки площадь. Терраса сложена слоистыми речными песками. Над ними желто-бурый суглинок и дерн. Поселение двухслойное. В верхнем горизонте обнаружены мохэские жилища, в нижнем, прорезанном котловинами мохэских жилищ, зачищены линзовидные западины хорошо гумусированной супеси с углистыми включениями, принадлежавшие носителям урильской культуры.

Поселение Кочковатка расположено в 2 км от с. Кукелево (Еврейская автономная область) вверх по рч. Кочковатке. Высота террасы, на которой находилось поселение, 5—6 м, поверхность раскопа поросла березой, осиной и мелким кустарником. Остатки жилищ (а их насчитывается более 40) заметны в виде круглых ям-западин диаметром от 7—8 до 12—15 м. В 1968 г. вскрыты три жилища, площадь каждого примерно 200 м². На полу домов зачищены десятки хозяйственных и конструктивных ям. В хозяйственных ямах обнаружены находки, причем в ямах, расположенных в центре стросений, их значительно больше, чем у стен. Среди инвентаря — глиняные сосуды больших размеров (емкостью до 10 л) сферической или шаровидной формы, с узкой горловиной и таким же по диаметру дном. Каменный инвентарь поселения представлен прямоугольными в сечении топорами, скребками, проколами, тщательно зашлифованными наконечниками стрел с выемкой в основании, грузилами для сетей, курантами, пестами и зернотерками.

Поселение Бензобаки расположено в с. Кукелево, на левом берегу рч. Кочковатки, впадающей в Амур. В сухое время речка мелеет настолько, что ее можно переходить в любом месте, но во время паводков уровень воды в ней поднимается на 5—7 м. Поселение находилось на высоком мысу, в центре современного села. Здесь раскопаны три небольшие жилища. Одно из них частично разрушено. Находки из заполнения землянок располагались в основном на самом полу и в хозяйственных ямах.

Древний поселок Рыбное озеро открыт в 5 км от с. Кукелево, по дороге Новое — Биробиджан. Он занимает южный берег Рыбного озера. Археологи обнаружили здесь около двух десятков за-

падин разной глубины, овальных в плане, диаметром от 6 до 10 м, заросших мелким кустарником. Располагались они на небольшом расстоянии друг от друга. Релка, на которой находилось древнее поселение, сложена из мелкого сыпучего песка разного цвета.

У с. Максим Горький еще в 1935 г. А. П. Окладников собрал коллекцию керамики, характерную для урильской культуры. В 1969—1970 гг. на поселении вскрыты семь жилищ. Все они полуподземные, подквадратные и прямоугольные в плане.

При раскопках урильских поселений удалось зафиксировать четкие архитектурные традиции, характерные для древних строителей. Котлованы жилищ прямоугольной формы, с несколькими округленными углами, глубиной около полуметра, копались в светлом плотном суглинке (при разрушении древних жилищ котлованы оплывали постепенно, поэтому во время раскопок не всегда удавалось выявить точные очертания стен и углов). Площадь жилищ достигала почти 200 м². Для жилых комплексов характерно обилие оплывших хозяйственных ям, вокруг которых концентрировалось основное количество находок. В заполнении ям встречались кости животных, керамика, а иногда и очажные линзы — свидетельство того, что в этих ямах разводили костер и готовили пищу.

Ямки от столбиков внутри построек располагались у стен котлована и вдоль длинной оси дома, т. е. как бы делили жилище на две неравные части. Поперек помещения проходили еще два ряда ямок от столбиков. Таким образом, пространство разделялось на шесть частей — комнат. В каждой комнате имелась хозяйственная яма с остатками кострища. Такая планировка — важное свидетельство определенных общественных отношений, при которых патриархальные семьи распались на отдельные малые.

За пределами котлована, вдоль стен, на небольшом расстоянии от них, находились ямки от столбов. Вместе с внутренними ямками от столбиков они составляли, видимо, единое целое. Столбы внешнего ряда служили основой стен здания. На верхних концах, очевидно, лежала горизонтальная внешняя обвязка. Внутри дома большинство столбиков представляло собой каркас для перегородок, а некоторые из них служили основанием для внутренней обвязки. Все это позволяет предполагать, что крыша была четырехскатной. Верхние концы перекрытий крепились к внутренней обвязке, а нижние — к внешней. Кровля могла опускаться ниже стен, захватывая и часть межжилищного пространства, вследствие чего при раскопках не обнаружено культурного слоя на уровне древней дневной поверхности.

Стены и внутренние перегородки сооружались при помощи столбов, оплетенных ветками и прутьями. Судя по столбикам, находившимся за котлованом жилища, стены были двойными, и, возможно, полая их часть засыпалась землей или другим материалом.

На поселении в с. Максим Горький некоторые жилища имели в котловане еще одно углубление, подпрямоугольное в плане, в результате чего у стен дома оставались уступы-нары шириной от 1 до 1,5 м.

Для больших по площади построек на рч. Кочковатке характерно обилие ям, среди которых иногда трудно выделить хозяйственные и конструктивные. Архитектура больших строений четко не проявляется, но, видимо, она почти не отличалась от традиционной архитектуры жилищ древних племен Дальнего Востока.

Почти в центре одного из помещений было прямоугольное углубление больших размеров, в котором располагался центральный очаг. По краям жилища обнаружены небольшие зольники и прокаленные пятна — остатки небольших очагов, которые, по всей вероятности, обогревали дом в холодное время года.

На полу дома 3 поселения на рч. Кочковатке хорошо прослеживались ямки от столбиков, которые шли вдоль стен котлована по периметру и в центре — в виде прямоугольника. Эти столбики и были основой в конструкции жилья. Очаг в жилье немного смещался к северному углу. На полу постройки обнаружено несколько небольших пятен прокаленного песка — остатков временных очагов.

Кроме постоянных поселков раскопан промысловый лагерь охотников и рыболовов на памятнике Сухие протоки-2². Он расположен на левом берегу р. Буреи — второго по величине левого притока Амура. Видимо, жилища представляли собой легкие каркасные постройки наземного типа, подобные шалашу или чуму. Основания стен были обложены крупными камнями, поскольку скопления крупных и мелких камней обнаружены на уровне древней дневной поверхности. В районе раскопок зачищено 10 открытых кострищ, заполненных прокаленной супесью, древесными угольками, кальцинированными костями животных, мелкими фрагментами керамики. Размеры их варьируют от 20×24×7 до 75×115×27 см. Кроме очагов раскопано несколько хозяйственных ям, размеры которых от 60×65×30 до 120×160×60 см. Трассологически выделены каменные мотыги, которые использовались для рыхления ям.

А. В. Гребенщиковым и С. П. Нестеровым проведен всесторонний анализ набора орудий Сухих протоков-2, который показал, что здесь жили в основном охотники. Орудия, относящиеся к охотничьему промыслу (обработка кож и шкур), составляют 59,3 % от общей массы; непосредственно охотничьи орудия (метательные инструменты и ножи) — 6,8 %, в то же время предметы земледелия и собирательства — 5,4 %, рыболовства (только галечные грузила) — 1,7 %. Древние урьльцы возводили здесь свой сезонный лагерь на время охоты и рыбной ловли для заготовок мяса и рыбы впрок. О сезонности свидетельствует и отсутствие следов местного керамического производства. Дата по радиоуглеродному анализу для нижнего культурного слоя 900 ± 40 г. до н. э.³

Все постоянные жилища урьльской культуры можно разделить на две основные группы: с коридорной системой и с единой планировкой внутри дома. К наиболее раннему времени, видимо, относятся строения с коридорной системой. По конструкции они мало чем отличаются от жилья предшествующих этапов каменного века. Если не принимать во внимание перегородки, то можно найти мно-

го общего: по краям котлована и в центре его, судя по ямкам, стояли столбы, поддерживающие кровлю. Столбы, располагавшиеся внутри жилища и служившие опорой для перегородок, устанавливались, скорее всего, уже после постройки дома и не были основной конструкции.

Ко второму этапу раннего железного века в Приамурье относится польцевская культура. Памятники ее сосредоточены в основном в бассейне Среднего и Нижнего Амура, на равнинных местах по берегам рек, озер, стариц, где были благоприятные условия для земледелия, скотоводства, рыболовства. Детальнее всего исследован памятник Польце I, давший название всей культуре. Поселение занимает невысокую, 3—4-метровую террасу, полого спускающуюся к сильно заболоченной старице — протоке Амура. Западины от древних жилищ — чашевидные, с пологими стенками, располагались рядом друг с другом. Глубина их от 70 см по краям до 1,5 м в центре. Заполнение землянок следующее: сверху слой дерна, под ним темная плотная супесь — основное заполнение котлована жилища, у стенок дома оно светлее, чем в центре; в нижней части заполнения встречаются углистые включения и обгоревшие конструкции. Основная масса находок расположена в нижней части заполнения пространства. В восточной части поселка дома располагались почти вплотную друг к другу (рис. 27). В районе жилищ 5, 6, 8, 9 вскрыто около 50 м² заполнения между жилищами. Эта площадь интенсивно использовалась древними обитателями. Стратиграфия межжилищного пространства была в целом одинаковой. Сверху дерн мощностью 20—25 см, затем светло-желтая супесь (30—35 см), в которой встречались находки, относящиеся к польцевской культуре. Ниже залегал слой темной супеси (10—15 см) с глинистыми включениями. Это и была древняя дневная поверхность поселения раннего железного века. В межжилищном заполнении обнаружены небольшие ямки от столбов, большие хозяйственные ямы, различного рода изделия.

Юго-западнее жилища 8 обнаружены остатки костяка человека. Столбовые ямы в межжилищном пространстве свидетельствуют о существовании здесь в прошлом каких-то легких временных построек. Обнаружено восемь хозяйственных ям, из них три (1, 4, 5) — большие. Площадь ям 4 и 5 достигала соответственно 6 и 8 м². В этих трех ямах найдены фрагменты сосудов и кости животных. В яме 1 в верхней части встречались мелкие раковины. В межжилищном слое обнаружены не только отдельные находки, но и целые скопления. Одно из них состояло из двух крупных раздавленных сосудов и целой чашечки типа пиалы, прямоугольного в поперечном сечении тесла, половинки пряслица, украшенного прорезанными от центра к краю линиями. Второе скопление открыто у ямы 4: два целых сосуда и один раздавленный, в котором лежали кости мелкого животного и глиняное кольцо. Всего в межжилищном пространстве обнаружено более 15 целых и фрагментированных сосудов, песты, фрагменты куранта, обломки сланцевых и костяных наконечников стрел.

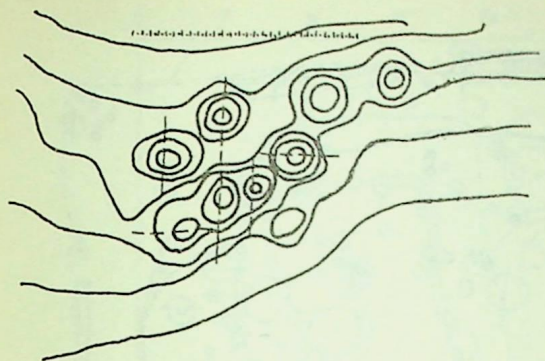

Рис. 27. План жилища-защиты
(Польце I).

Между ямой 4 и выходом жилища 8 лежали остатки костяка, неплохо сохранившегося. Отсутствовал только череп. Следов могильной ямы нет. Видимо, это останки одного из погибших во время пожара жителей.

Поселение Польце II отстоит от первого на 200 м. В нем более 30 жилищ. Вскрыто одно. Стратиграфия его такова: сверху дерн мощностью 15—20 см, глубже — темно-серая супесь — перекрытие и засыпка крыши, 25—40 см. Между ними с краев почти по всей площади землянки вклинивалась светло-коричневая супесь. Ниже залегала темная гумусированная супесь — собственно заполнение жилища. В самом низу прослеживался тонкий слой плотной темной супеси с включениями мелкой гальки, его мощность 40—60 см. Это пол древнего дома. Жилище было покинуто деревянными обитателями в спокойной обстановке, поэтому находок в нем немного: глиняный светильник, сосуды с хорошо профилированным туловом, скребок из толстого фрагмента керамики, сланцевые наконечники стрел, глиняные кольца, отбойник, железный нож, топор из сланца, бусины из халцедона.

В самом с. Кукелево и неподалеку от него исследовано еще несколько поселений польцевской культуры. Три из них расположены на рч. Кочковатке. Первое — в центре села. Оно двухслойное, в нем представлены урильская и польцевская культуры. Планировка жилища по размерам превосходит урильские. Этот поселок назван Бензобаки II.

Второе местонахождение на рч. Кочковатке находится в 1,5 км от первого, ниже по течению реки. В нем более 20 жилищ. Из шурфов извлечены изделия польцевского облика. Поселение Кочковатка II расположено напротив с. Кукелево, на песчаной возвышенности 2—3 м высотой. Релка делится на два небольших мысочка с соединяющей между ними. Древние жилища располагались на возвышенностях. Вскрыты две постройки. Одна из них без очага, не обнесена и ямок от столбов. Возможно, это временное жилище. Второе жилище имело своеобразную форму (рис. 28). Стенки жилища крутые, почти отвесные. К ним примыкал песчаный уступ, а внутри имелось углубление неправильной формы, в центре которого

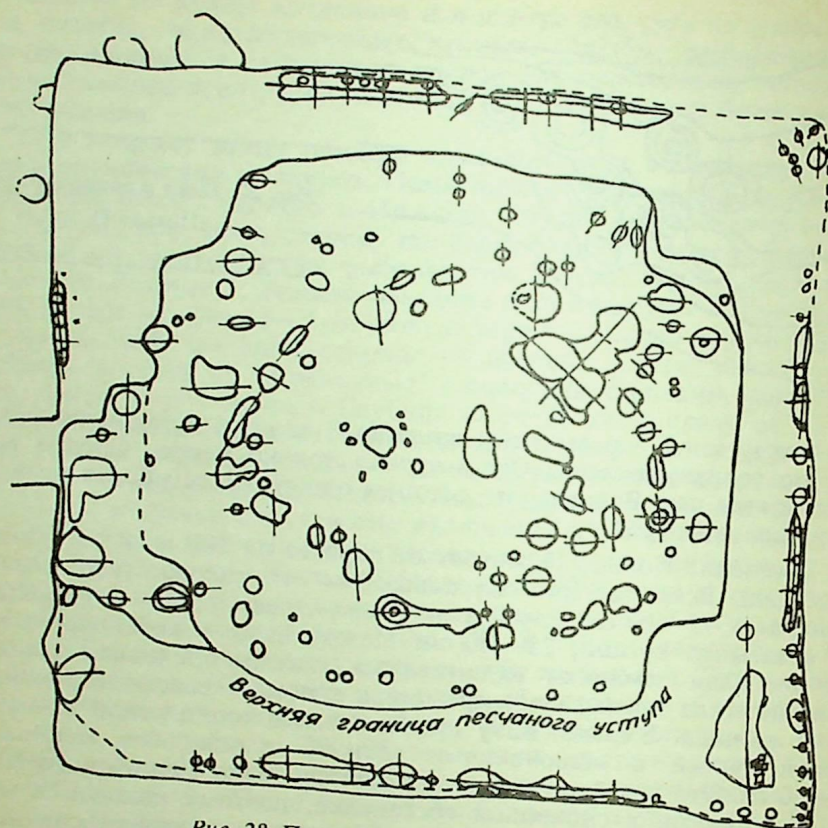

Рис. 28. План пола жилища 2 (Кочковатка).

располагался очаг. Под ним материковый песок был прокален докрасна на глубину 8—10 см. Дно котлована покрыто тонким слоем глины. Видимо, вдоль уступа шли нары или полки.

Два поселения открыты юго-западнее поселения Кочковатка II, на берегу старицы. Зафиксировано более 40 древних западин. Первое — Рыбное озеро II, в 5 км от с. Кукелево, западнее Польце II, на берегу большого озера. В нем более 20 западин, часть землянок относилась к урильской культуре, часть — к польцевской (рис. 29). Второе — Желтый Яр, расположено на левом берегу р. Биры — притока Амура, в 32 км от Биробиджана и в 5 км от с. Желтый Яр. Место очень удобное. Во время нереста кета заходит в верховья Биры. Обилие заливных лугов способствует рыбному богатству в реке — сом, чебак, карась, щука водятся здесь. Жилища сконцентрированы на высоких релках у реки.

Польцевские племена жили оседло. Их поселения, разбросанные в основном по берегам рек и проток, состояли из 30—40 жилищ, размещавшихся, как и у урильских племен, без какого-либо определенного порядка. Раскопки древних поселений показали, что в архитектуре польцевских жилищ прослеживается некоторое сво-

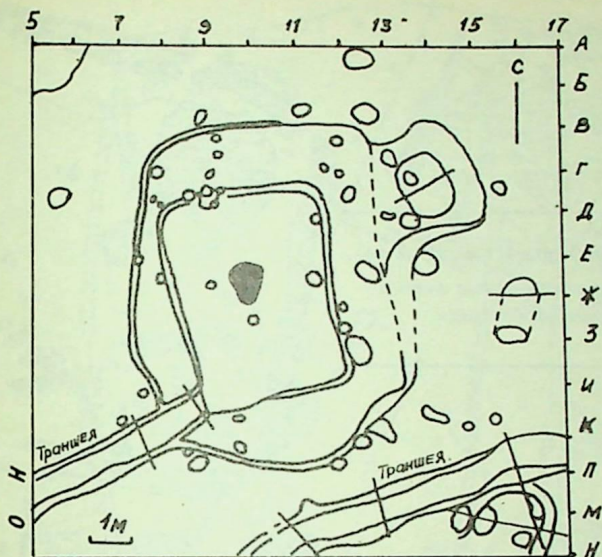

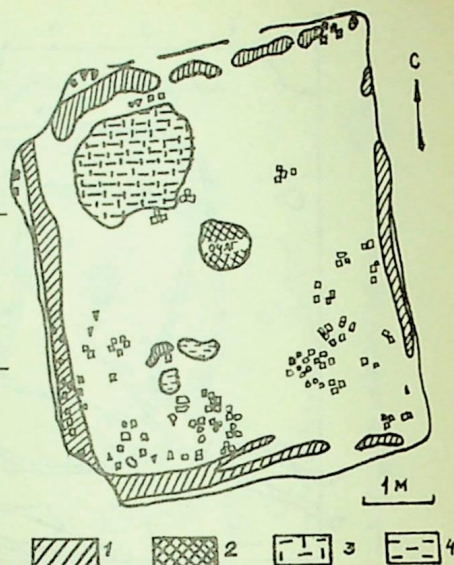
Рис. 29. План пола жилища 1 (Рыбное озеро).

еобразие. Бытовали два типа жилищ: наиболее древние — с выходом через дымовое отверстие (такие жилища появляются на Дальнем Востоке, начиная с раннего неолита), более поздние — с выходом в виде узкой и длинной траншеи. Преобладали жилища первого типа (рис. 30). Их конструкция прослежена на материалах раскопок Польце I, где большинство жилищ погибло от пожара и перед археологами предстали остатки обгоревших конструкций.

Открытые в жилище 5 деревянные конструкции позволяют восстановить с определенной точностью не только общий облик дома на этом поселении, но и внутреннюю планировку (рис. 31). При строительстве рылся котлован глубиной от 1 до 1,5 м. К стенкам его вплотную примыкали стены жилища. Основу стен составляли деревянные плахи и жерди толщиной 3—10 см, шириной 20—30 см. Жерди, применявшиеся для крепления стен, достигали в диаметре 5—10 см. Нижними концами они углублялись в землю и ставились с двух сторон от плах, на небольшом расстоянии друг от друга. Основу строения составляли две обвязки: внутренняя и внешняя, которые соединялись перекрытием. К внутренней обвязке крепились жерди, между которыми и закладывались деревянные брусья. Стены землянки могли сооружаться также из жердей и деревянных брусьев, поставленных вертикально вплотную друг к другу. Перекрытия своими верхними концами ложились на внутреннюю обвязку и крепились к ней. В середине оставалось отверстие для выхода дыма и выхода из жилища его обитателей. Не исключено, что вход в помещение находился не в центре крыши, а у одной из стен. В этом случае было проще закрывать ды-

Рис. 30. План жилища 1 (Желтый яр).

1 — темно-серая супесь; 2 — черная супесь; 3 —
заполнение ямы; 4 — глина.

мовое отверстие, входить и выходить из жилища. В отдельных домах очаг располагался не по центру, а был смещен к одной из стен.

Некоторое своеобразие в установке столбов — основного каркаса здания — обнаружено при раскопках жилища 10 на поселении Польце I (рис. 32). Начиная с неолита на юге Дальнего Востока нижние концы столбов закреплялись в ямках глубиной 20—100 см. В постройке 10 таких ямок не оказалось. Зато по углам дома у стен котлована и в центре на полу были открыты округлой формы платформы из хорошо утрамбованной плотной глины диаметром до 1 м и высотой 10—15 см. На такие платформы и ставились столбы, поддерживавшие перекрытие и стены постройки. Этот прием, на первый взгляд необычный, свидетельствует об опыте польцевцев в сооружении больших помещений. В жилище 10 пол песчаный, очень рыхлый, вкопанные в такую почву столбы не имели бы достаточно прочной опоры. Древние зодчие учитывали это обстоятельство и ставили столбы на прочные опоры-базы из глины. Такие базы, но из камня, широко применялись при строительстве наземных сооружений в Восточной Азии начиная с I тыс. н. э. А в Корее в конце II — начале I тыс. до н. э. уже использовались платформы из мелких камней, на которые устанавливались столбы.

На некоторых поселениях польцевской культуры имелось овальное в плане углубление, которое в виде мелкой канавки с неровным дном окаймляло стены с четырех сторон. Эта канавка проходила там, где в полуземлянках на Амуре и в Приморье помещались обычно ряды ям от столбов. Глубина канавки — от 20 до 30 см. В жилище 1 на поселении Польце I посередине северной стенки, с наружной ее стороны, канавка имела небольшой выступ, возможно, от подпиравшего стенку столбика. Такие выступы, толь-

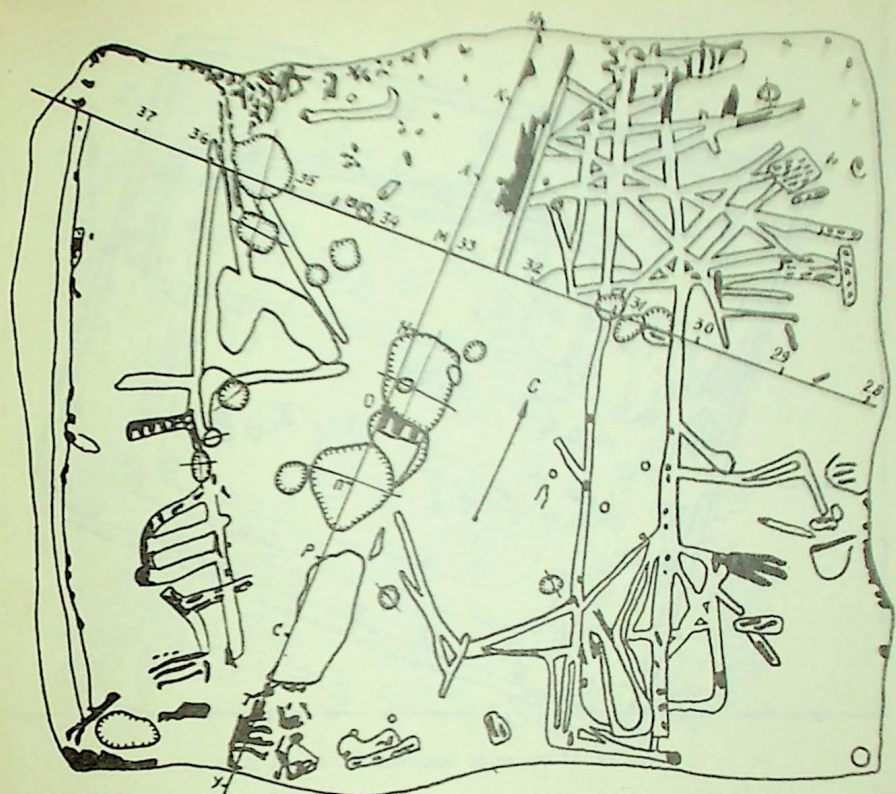

Рис. 31. План деревянных конструкций в жилище 5 (Польце I).

ко у западного и восточного углов, имелись и между канавкой и стенкой землянки. Один более широкий выступ обнаружен и посередине восточной стенки. Внутри постройки (не вдоль стен) отмечено 10 небольших ям. Самые значительные по размерам находились в середине котлована. Диаметр их около 20, глубина 20—25 см от поверхности пола. Эти ямы могли остаться от столбов, на которые опиралось перекрытие крыши.

В жилище I не оказалось ямок от столбов, на которые бы опиралась внешняя обвязка. Видимо, углубление вдоль стен котлована соответствовало сгнившему нижнему венцу деревянного сруба. Подобные углубления обнаружены при раскопках некоторых других домов польцевской культуры. Появление рубленых стен у племен польцевской культуры не противоречит общему уровню развития техники в то время. В I тыс. до н. э. в Евразии широко распространяется обычай погребения в срубах, строительство которых в большинстве случаев требовало хороших навыков в обработке дерева.

Развитая техника обработки дерева характерна и для культуры яёй в Японии. Польцевская культура относится к более раннему времени, чем яёйская, и, возможно, польцевские племена принимали какое-то участие в ее формировании. На поселениях поль-

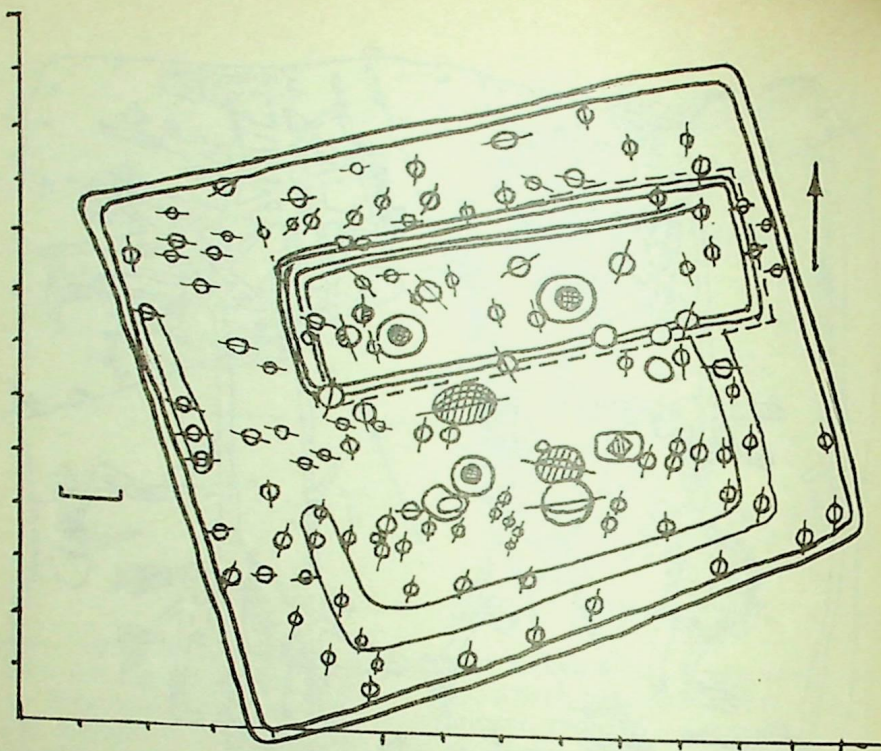

Рис. 32. План пола жилища 10 (Польце I).

цевской культуры обнаружены все инструменты, необходимые для обработки дерева: кельты, долота, топоры. Техника и приемы обработки дерева у польцевцев во многом сходны с теми, которые применяли племена яй.

Рубленные жилища не имели выхода через дверь. Видимо, попасть в них можно было через дымовое отверстие в крыше. Стены дома возвышались над котлованом, скорее всего на 0,5—1 м, а общая высота их составляла 1,5—2 м. Достигали ли концы крыши земли или не выходили за стены дома, трудно установить. Судя по разрезам заполнения жилищ, когда слой, соответствовавший остаткам перекрытия, прослеживался и за пределами котлована, в некоторых домах концы крыш почти упирались в землю. Но можно предположить, что бывали случаи наращивания слоя земли до крыши. В целом жилища польцевской культуры лишь немного возвышались над землей, а покрытые поверх деревянной крыши дерном, они и вовсе напоминали невысокий земляной холмик.

На поселениях польцевской культуры (Рыбное озеро; Польце I, жилище 8; Кочковатка II) встретились остатки жилищ, имевших вход. Эти дома отличались от других только системой входа. При раскопках котлована в них прослеживалась траншея, которая проходила на уровне пола и вела за пределы жилища. Длина ее достигала 3 м, ширина около 1 м. Возможно, вход в жилище был полуподземным, в виде коридора, или подземным, наподобие туннеля.

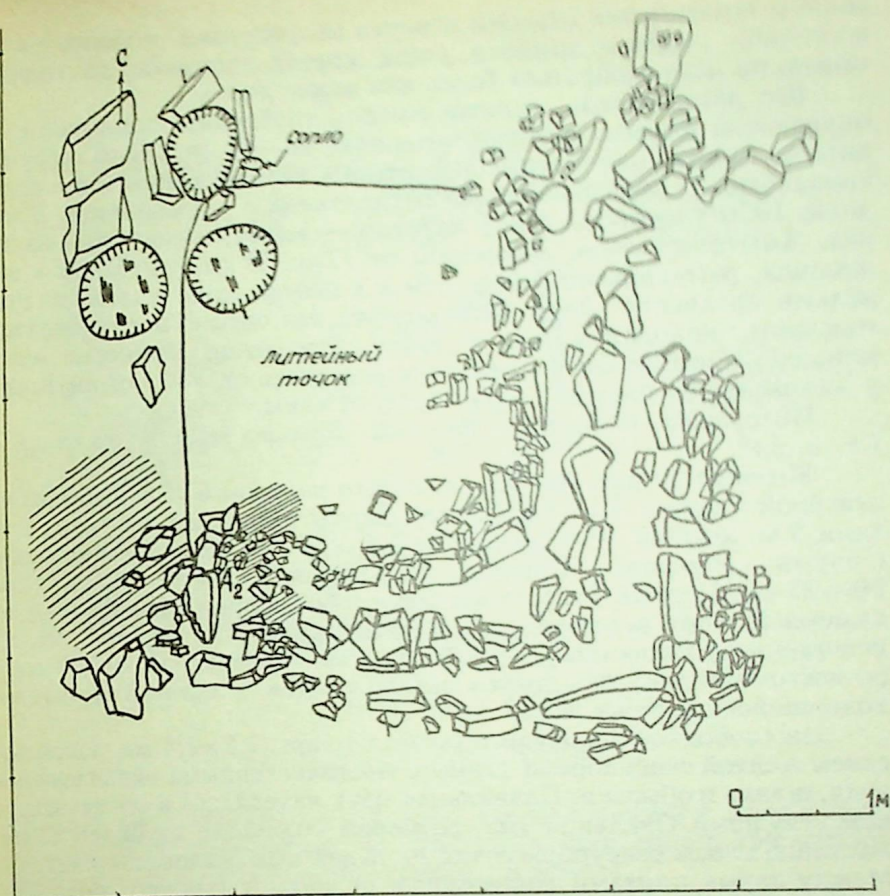

Рис. 33. Жилище 1 на о-ве Петрова (по А. П. Окладникову и Д. Л. Бродянскому).

Поселения раннего железного века раскопаны и на Нижнем Амуре, на высоком берегу реки. Топография их сходна с топографией среднеамурских поселений. Каждый поселок включал от 10 до 25 домов, полуподземных, прямоугольных. Высота стенок котлованов составляла от 60 до 100 см⁴.

В Приморье тоже выделены памятники польцевского типа: Сенькина Шапка, Булочка, Рудановское, Синие Скалы, Малая Подушечка и др⁵.

Одной из первых была исследована стоянка Сенькина Шапка, занимающая скалистый базальтовый бугор вулканического происхождения, расположенный на правом берегу р. Суйфун, против д. Покровка. Высота его со стороны Суйфуна около 120 м, вершина плоская, неправильной грушевидной формы, вытянутая с севера на юг, площадью около 800 м².

Сенькина Шапка — выгодная стратегическая высота, с которой на много километров просматривается окружающая равнина с Суйфуном и впадающими в него речушками. С запада и севера

склоны возвышения отвесны и почти неприступны, и только с юго-восточной стороны имеется узкая крутая тропинка, по которой можно на него взобраться более или менее легко.

Все раскопанные жилища имеют углубленное основание прямоугольной формы, глубина котлована 20—60 см. Очаги сооружались из камня, плитняка, обмазывались глиной, есть и каны: одноканальные, П-образные, труба расположена в угловой нише. В жилище 1а (Рудановское) был коридор — выход, обращенный на запад. Ямы от столбов, диаметром от 12 до 32 см, углублены в пол жилища, расположены вдоль стен и в центре дома, а также за пределами котлована. Дома расположены без определенного порядка, гнездами, вплотную друг к другу. Поселения Приморья много меньше амурских, да и дома здесь несколько отличны от амурских: у них меньшая площадь, присутствуют каны.

Интересны постройки на о-ве Петрова (III в. до н. э.—I в. н. э.)⁶.

Жилище 1 (рис. 33) наземное, его размеры 6×5,5 м. Выход на северной стороне. Кан Г-образной формы. Длина восточного колена кана 5 м, южного — 4,2, ширина 1,3—1,45 м. Кан двухканальный, с двумя очагами. Ширина дымоходов 25—30 см, глубина 20—25 см. Первый очаг представлял собой прямоугольный ящик из каменных плит и находился в юго-западном углу жилища, непосредственно у устья кана; второй имел вид чашевидной ямы. В северо-восточном углу обнаружен развал камней — остатки трубы, находившейся снаружи дома.

На свободной площади пола был точок (2,8×2,4 м), покрытый слоем желтой огнеупорной глины с многочисленными вкраплениями угля, шлака и обмазки. Плавильная печь находилась в северо-западном углу дома. Овальная яма, размером 70×60 см, глубиной 23 см, выстлана слоем огнеупорной глины. Края ямы выложены плитami. Между двумя плитami сохранились обломки глиняного сопла. Общая высота плавильной камеры 38 см. Рядом с печью находились две круглые ямы, диаметр первой 75 см, глубина — 28 см, второй — соответственно 68 и 26 см. Обе заполнены черной землей, углями и красной обожженной глиной. Это литейная мастерская.

Жилище 2 (рис. 34) квадратное, его размеры 4×4 м. В северо-восточном углу в стене сделана полукруглая ниша. По углам и вдоль стен — столбы. Четыре столба расположены по центральной оси юг — север, пять — вдоль восточной стены (в полуметре от нее). Первый очаг у южной стены представлял собой ящик из поставленных на ребро каменных плит (длина его 90 см, ширина 50, высота 3 см). Сверху ящик закрывала массивная каменная плита. Вдоль южной и западной стенок идет Г-образный одноканальный кан. Ширина его 0,5 м. Сверху кан покрыт плотно пригнанными друг к другу гальками, на них сохранилась обмазка серого цвета. «Внутри устройство кана следующее: ширина дымохода 25 см, глубина 7—8 см, внутренняя стенка дымохода образована полосой утрамбованной глины шириной 7—10 см, внешней стороной являлась стена котлована, в которой сделана небольшая ступенька (на нее уложены концы плит перекрытия). У середины западной части

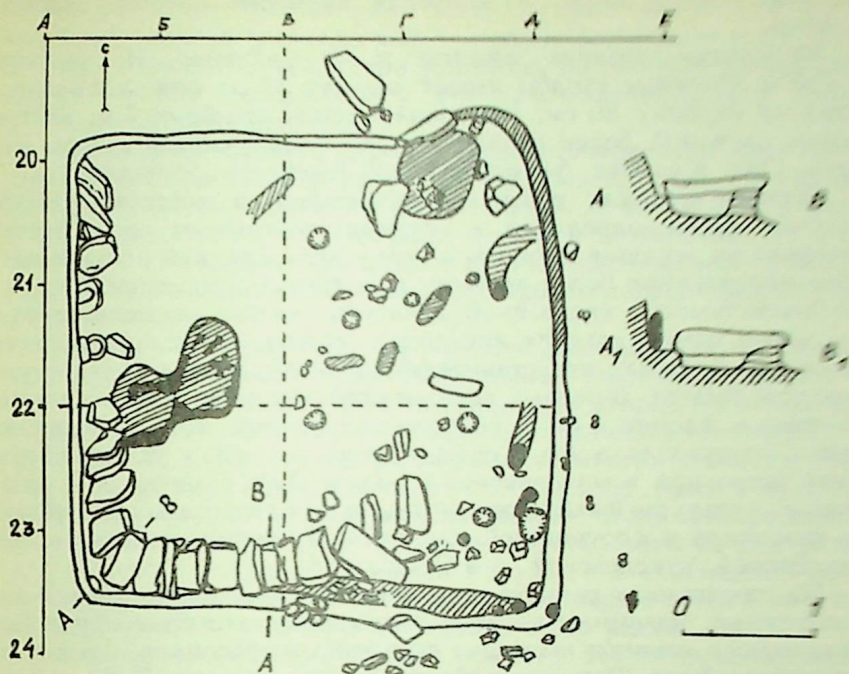

Рис. 34. Жилище 2 (о-в Петрова).

кана находился второй очаг, в виде мощной очажной линзы. Третий очаг не связан с каном, он помещался возле ниши; три массивных камня и между ними — очажное пятно⁷.

Площадь пола в жилищах с канами делилась на две примерно равные части — хозяйственную и жилую. Если принять за норму $3,6 \text{ м}^2$ на одного человека ($1,8 \text{ м}^2$ жилого пространства и столько же в хозяйственной зоне), то количество обитателей в кроуновском доме составит 3—5 чел. Эти результаты подтверждаются данными по керамике: 11—15 сосудов — норма для малой семьи⁸.

На многослойном памятнике Киевка раскопано шесть жилищ кроуновской культуры. Радиоуглеродная дата, полученная по древесным остаткам в жилище 1, — 1850 ± 30 лет⁹. В жилище 1—4 прослежены каны. Все дома имели четырехугольный контур, вдоль стен располагались столбовые и хозяйственные ямки. И. С. Жушиховская и Н. А. Кононенко выделили хозяйственные зоны в помещениях. В строениях 1 и 2 такие ямы занимали юго-западную часть, в строениях 3 и 4 — юго-восточную. В жилищах 1, 3 и 4 хозяйственные зоны концентрировались у очагов с канами. В жилище 2, в юго-западной его половине, прослежены остатки деревянных нар, на которых находились сосуды и инструменты. В жилище 4 рядом с каном найдены терочки и сосуды. Таким образом, хозяйственные зоны располагались ближе к выходу, рядом с канами.

и хозяйственной ямой, и занимали примерно половину площади пола.

Раскопаны древние жилища и на Сахалине. Их размеры 10 x 10 м. Опорные столбы имеют диаметр 35 см, они вкапывались в пол на глубину 80 см, расстояние между столбами 2 м. Внутри жилищ системой более тонких столбов поддерживались нары или полки. Очаг в центре, без ограждений. Выход не прослежен¹⁰.

Одновременность развития польцевской и яйёйской культуры многочисленными параллелями в керамике заставляют нас обратить внимание на жилища японцев в эпоху яйё. Для этой эпохи характерно образование более мелких, чем города, поселений. Появление бессистемной, нестройной культуры связано исключительно с тем, что в одну культуру внедрилась другая. Возможно, вождями новых племен стали представители старой общественной структуры культуры дзёмон. В первых веках нашей эры наблюдались сильные волнения в Японии и на Корейском полуострове, которые прервали связи с материком, а это, в свою очередь, привело к усилению различий островной и материковой культур. Да и сами по себе материковые культуры были неоднородны, о чем свидетельствует развитие янковской и кроуновской культур в Приморье, желтойровской, польцевской, кукелевской — в Приамурье.

На памятниках раннего железного века Японии раскопаны полуподземные, наземные жилища и жилища с поднятым полом. Полуподземные жилища *татэана* строились в традициях, идущих из культуры дзёмон. Размеры яйёйских *татэана* разные. В самых пространственных длина сторон составляла 5 м, реже 7—10 м, хотя встречаются и очень маленькие — 1—3 м. Глубина котлована не превышала 50—70 см, кровля была двухскатной и четырехскатной и покоилась на четырех опорных столбах. Наземные дома были прямоугольными, квадратными и овальными в плане, длина сторон достигала 5—7 м. По внутреннему устройству и архитектуре они походили на *татэана*. Открыты и постройки с приподнятым полом, двухскатной крышей. Видимо, это были хранилища. Так, на поселении Торо (префектура Сидзуока) жило 60—70 чел. Они разводили рис. В амбарах, обнаруженных в центре пос. Торо, пол был высоко поднят, чтобы защитить урожай от влаги и крыс. Брусья стен треугольного сечения, усыхая в жаркое лето, образовывали щели, через которые амбар проветривался. Во время влажной зимы дерево разбухало, стена уплотнялась, надежно защищая внутреннее пространство от сырости. Такая конструкция стены специфична для японского зодчества.

Здесь же обнаружены полуподземные дома с квадратным в плане основанием, слегка выгнутыми по окружности сторонами, которые имели диаметр 4,5—5,5 м. Пол углублен в землю на 0,9—1,2 м. Посередине находился очаг. Четыре врытых в ямы столба, служившие опорами, и четырехугольник балок образовывали сверху каркас жилища. Стропила спускались от балок к земле, образуя двухскатную крышу, покрытую листьями или травой¹¹.

Большие же дома с приподнятым полом стали типичным жилищем высших классов. Свой полуподземный дом японцы делили

на две части. Одна из них, боа пола, служила местом для хранения работ, другая, имевшая пол, — местом для хранения вещей — плав, классический для крестьянских жилищ вплоть до сегодняшнего дня¹².

В жилищах яёйского времени археологи выделяют три типа ленточных желобков, ширина их 10—20 см. Выделены четыре типа желобков: 1) вырытые в полу; 2) начинавшиеся от углубления в центре и идущие к стенам; 3) сходные со вторым типом, но от центра идущие к середине комнаты; 4) прокопанные от опорных столбов до пересечения со стенами дома.

Желобки первого типа играли роль разграничителей пола в доме. Жилища с ними были самыми многочисленными. Желобки второго типа появились со второй половины яёйского времени (V в. до н. э.) и встречались вплоть до появления кофун (IV в. н. э.). Они прослежены на многих стоянках: Хираяма в префектуре Хёго, Тэнсиндзан в Осака-фу, Аоки в префектуре Тоттори и др.). Все жилища с желобками этого типа размещены на возвышенностях. В Хираяма и Аоки желобки из центрального углубления постройки выведены наружу, а в Тэнсиндзан они «дотягиваются» до центра, но зато доходят до пересечения с наружной стеной. Желобки третьего и четвертого типов редки.

Вообще жилищ с желобками немного. На стоянке Ямаситияма из шести домов — всего один с желобками, на стоянке Канисицкая из 173 — 22, на стоянке Увамацунакао из девяти — шесть, на стоянке Хигасияма из 40 — только два.

В поздняяёйских жилищах, встречающихся в районе Тюбу, имеются идущие от центра цепочки мелких ямок, в которых, по-видимому, устанавливались порожные столбы. Такой способ сооружения порогов в помещении появился в Западной Японии во второй половине яёйского времени, а в эпоху кофун распространился почти повсеместно. Маленькие желобки служили не только в качестве порогов — есть много вариантов расположения желобков, что влекло за собой и разные их функции.

С увеличением количества домов с ясно выраженным порогом появилось и разделение помещений на центральные и боковые (либо правые и левые)¹⁴.

Теперь вернемся к вопросу о нарах. Жилища с нарами в яёйской культуре сравнительно немногочисленны. Исключением является стоянка Онака в префектуре Хёго, где раскопано 30 жилищ, из них более половины имели нары — лежанки. Для квадратных строений характерны четырехсторонние нары, для круглых — трехсторонние, расположенные в центре, отделенные от остального пространства четырьмя столбами. Встречались жилища, где нары были только у одной из сторон, или у двух из четырех сторон. В Киёхиро в префектуре Нагао, стоянка Увагами в префектуре Сигама, стоянка Тэндай в префектуре Тиба¹⁵.

В жилищах типа татэаи у стен встречается покрытие пола в среднем на 10—20 см. Эта часть пространства использовалась

лась как место для сна. Подобные своеобразные нары появились в среднедзёмонское время сначала в районе Канто и наибольшее распространение получили с конца эпохи яёй до середины периода кофун по всей Западной Японии. К среднеяёйскому времени относятся очень мало жилищ с нарами: одно — на стоянке Ходай (префектура Фукуока), два — на стоянке Накаяма (префектура Хёго), одно — на стоянке Китабара (префектура Нагано), по одному такому дому встречается на стоянках Такахира (префектура Хиросима) Татиока (префектура Хёго) и Тэнсиндзан (Осака-фу). Жилища на поселениях Накая и Хигасимидзо имеют круглые лежанки. В жилище 1 на стоянке Ходай у г. Фукуока имелась лежанка неправильной округлой формы, наибольшая ее ширина около 1 м.

В позднеяёйский период общее количество жилищ с нарами достигало в некоторых поселениях 50 %. С начала эпохи кофун район распространения жилищ с нарами охватил помимо северной части Кюсю, запада Кинай и Тюбу центральную часть Сётоути (префектура Окаяма) и юг Кинай (префектура Вакаяма). По-видимому, высокие нары использовались не только в качестве места для сна, но и как своеобразный стол. Однако следует подчеркнуть, что пороговая канавка и нары-лежанки никогда не встречались в одном жилище.

В строениях раннего яёй возводились простые очаги в виде ямы в полу, иногда встречались очаги, обложенные каменными плитками. Кострища располагались или в центре, или между двумя опорными столбами.

Обратим внимание на хозяйственные ямы японских жилищ. Если в дзёмонских поселениях хранилища располагались в основном за пределами домов, то со второй половины яёйского времени начинают внедряться внутрижилищные хранилища. Часто они находились в центре помещения, иногда — по углам. Бывали случаи, когда оба варианта сосуществовали, но к концу яёйского времени (III в. н. э.) сохранились только угловые.

Среди внутрижилищных хранилищ выделяется еще один подвид — хранилище-кладовая, примыкавшее к жилищу сбоку. Оно имело круглую либо квадратную форму и широко распространялось с середины яёй. Такие кладовые встречались не часто, но сохранились как тип долгое время, вплоть до конца периода кофун (VII в. н. э.)

В эпоху яёй происходит увеличение площади жилищ. Большинство строений имело площадь 15—20 м², хотя имелись дома площадью 120—130 м² (стоянка Сандэндай, префектура Канагава), 210 м² (стоянка Моридобара, префектура Канагава)¹⁶.

В Корею в I тыс. до н. э. тоже строили полуподземные дома, прямоугольные, квадратные, круглые. Размеры их от 12 до 50 м². Котлованы имели глубину 40, 60, 70 см от древней дневной поверхности. Стены и пол обмазывались глиной. В центре жилища находился очаг, сложенный из каменных плит. Опорные столбы располагались по углам и вдоль стен. У г. Хверен открыто многослойное поселение Одон¹⁷, где раскопано восемь строений. Жилища 1, 3, 7 сохранились частично. Остальные вскрыты полностью.

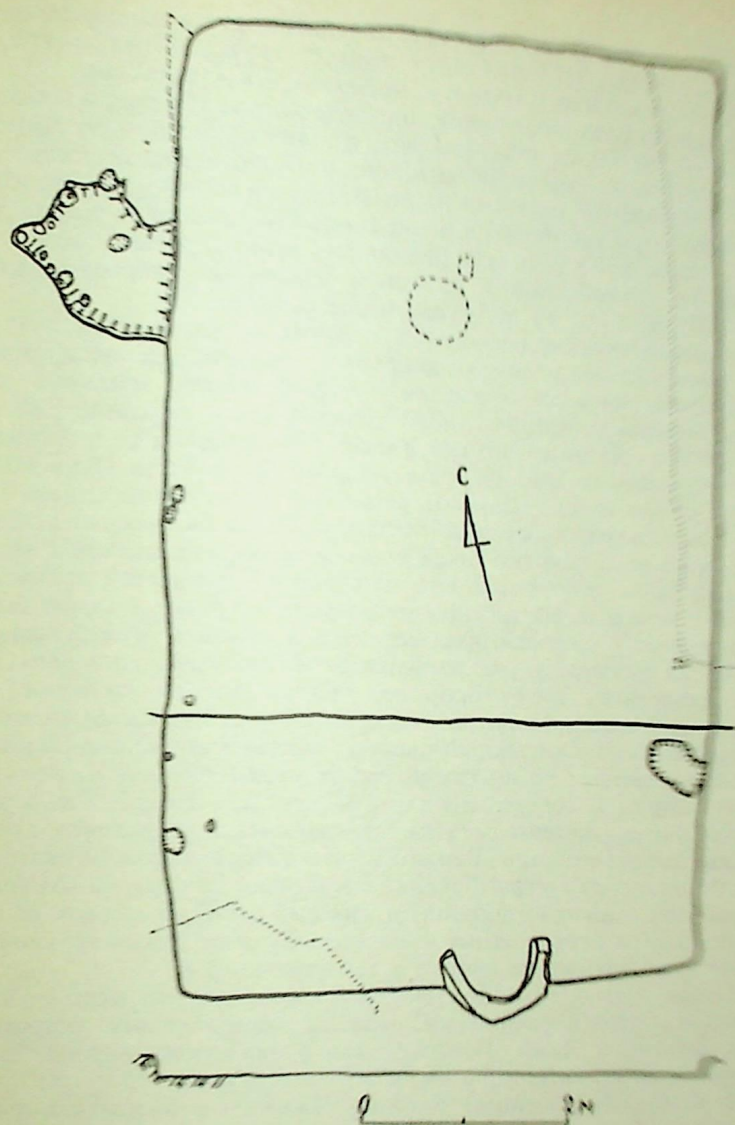

Рис. 35. Жилище 6 (Одон).

Жилище 6, относящееся к эпохе раннего жалам (IV—III вв. до н. э.), прямоугольное в плане. Размеры его 10,0 x 8 м. Оно углублено в землю всего на 15 см. Ямки от столбов цеха сохранились по всему периметру. В северной половине дома находился очаг округлой формы, диаметром 80 см, сложенный из глины и камня (рис. 33). Планировка помещений этого времени имела сходную внутреннюю планировку: столбы располагались вдоль стен и углована и двумя рядами внутри жилища, т. е. делили жилую площадь на три части. Также сохранились

жилища с коридорной системой появились почти одновременно из Амуре и в Корее. Отличало их только то, что корейские дома обрели двери, уменьшились в размере, превратились в наземные.

В Китае тоже произошли определенные изменения в домостроительстве. За более чем 250 лет, от эпохи Чжаньго до династии Цинь, наиболее яркое достижение в области строительства жилищ — появление построек на возвышенной платформе. Эта форма широко распространилась в период династии ранняя Западная Хань (206 г. до н. э.—8 г. н. э.). Возникшая раньше техника возведения зданий на утрамбованном земляном основании к периоду Чжаньго (475—221 гг. до н. э.) получила новое развитие.

Археологические раскопки последних лет дали новый фактический материал. Во всех уже вскрытых городищах периода Чжаньго сохранилось множество высоких утрамбованных земляных платформ. Например, в пров. Хэбэй уезда Исянь в городище Чжаосяю (331—279 гг. до н. э.) внутри и снаружи городских стен расчищено более 50 высоких земляных платформ¹⁸. В 1973 г. в 15 км восточнее г. Сяньян (пров. Шэньси) раскопано циньское городище Сяньян-1 с остатками дворцовой постройки¹⁹. Здесь высокая земляная платформа до расчистки была похожа на курган длиной с востока на запад 60 м, шириной с юга на север 45 м, высотой над поверхностью земли 6 м. На платформе возвышалось двухэтажное здание, разница между уровнем пола верхнего и нижнего этажей составляла 4 м. На нижнем этаже находились жилые комнаты и баня. Снаружи постройки с трех сторон шла крытая галерея, уровень ее пола ниже уровня пола нижнего этажа примерно на 1 м. Снаружи это здание похоже на трехэтажный дворец, фактически же оно располагалось на различных по высоте участках утрамбованной платформы.

В 1956 г. в северо-западном предместье города Сиань пров. Шэньси были найдены остатки помещения, относящегося к концу периода Западной Хань. Вероятно, это парадный зал. В центре памятника находится утрамбованная земляная платформа (65 м в поперечнике), имеющая верхний и нижний слои, на каждом из которых находятся одноэтажные строения. Судя по реконструкции, это здание было похоже на дворец в два этажа.

Среди археологических материалов из разных мест очень редко встречаются керамические модели многоэтажных построек периода Западной Хань. Похоже, что в это время высокие многоэтажные постройки еще не были повсеместными.

В городских жилищах периода Чжаньго и в остатках дворцовых построек циньской столицы Сяньян-1 найдены железные гвозди, бронзовые строительные детали. Значит, в это время в строительстве все более широко начинают применяться металлические детали. В эпоху Восточной Хань появились такие виды деревянных конструкций, как каркасно-столбовая (или балочно-столбовая), сквозная, плетеная (шалаш), сруб и др.

Балочно-столбовая конструкция встречается во всех северных провинциях и в пров. Сычуань. Керамические модели зданий этой конструкции имеют балочное перекрытие. Горизонтальные балки лежат поверх четырех стропил, концы которых опираются на дере-

вянные опорные столбы. Над столбом, который находится на низом, вытянута вперед китайская консоль, которая и поддерживает карниз крыши.

Сквозная деревянная конструкция часто встречается в южно-китайских провинциях, где найдены керамические модели жилищ. Особенность ее заключается в том, что вершина столба прямо соединяется со свисающими опорами. Между столбами находятся проходящие сквозь них горизонтальные бруссы (край крыши). Столбы и бруссы имеют небольшие вырезы для соединения. И по сей день это очень распространенная конструкция в юженских жилищах на юге Китая.

Плетеные (решетчатые) деревянные дома тоже встречаются в южных районах Китая. Главная особенность их состоит в том, что основание жилища приподнято на коротких столбах, высота которых меньше половины высоты постройки. Верхний этаж — жилой, нижний из-за сырости часто используется для содержания домашних животных.

В срубных домах четыре стены полностью сложены из круглых или квадратных бревен, на углах концы бревен выступают друг на друга. Еще и сейчас в пров. Хэйлунцзян, Юньнань и других южных районах встречается эта техника.

Итак, носители урльиьской и польцевской культур в Приморье жили оседло, достаточно большими поселками (30—40 жилищ). Самые маленькие их дома имели площадь 50—60 м², самые большие — 200 м². В каждом жилище размещалась большая патриархальная семья, состоявшая из нескольких парных семей. В каждой поселке проживало от 100 до 500 чел. Следует отметить, что в жилищной срубной техники у польцевских племен. Хотя традиции строительства на полуподземных домах полностью сохранялись, на соседних территориях прослеживалась тенденция строительства наземных жилищ.

ЖИЛИЩА МОХЭ

Первое тысячелетие нашей эры — сложный исторический период, насыщенный яркими событиями. Во второй его половине на Дальнем Востоке происходили важные социальные изменения, связанные с интенсивным разложением первобытных отношений и консолидацией племен, расселившихся в бассейне Амура, на территории Приморья, частично Кореи и Японии. В центре этих событий оказались племена мохэ, проживавшие в бой могущественный союз семи удельных племен, занимавших обширные географические территории и широкую, в несколько раз превышающую географический диапазон культуру мохэ имела локальную специфику.

История раскопок археологических памятников мохэ в Приморье насчитывает не более 30 лет, но уже достигнуты определенные успехи. Уточнены сведения о географическом распространении памятников мохэ, выявлены границы расселения племен мохэ. В научный оборот введены в научный оборот материалы археологических раскопок, выявлены наскальные рисунки, реконструирована картина быта и хозяйства племен мохэ.

ховная культура древних племен. У мохэ было многоотраслевое комплексное хозяйство: приамурские племена занимались земледелием, скотоводством, не забывали охотничий и рыболовный промыслы, собирательство, достигли определенных успехов в металлообработке, гончарном производстве, ювелирном деле, обработке кости, меха и шкур, домостроительстве.

В последние годы выявлены конструкции, планировка, отопительная система, типы построек мохэских племен. Установлено, что они жили в полуподземных домах небольших размеров, почти квадратных в плане. Четкую систему столбов и стен удалось проследить потому, что большинство раскопанных жилищ погибло во время пожара. Выделено два типа жилищ. К первому относятся жилища в пос. Степаниха, у с. Гармакан, на Михайловском городище, на р. Грязнушке, на Гладковском бугре. Падь Степаниха находится на левом берегу Амура, в 20 км выше г. Благовещенска и в 3,5 км к юго-западу от пос. Кокуй. Древнее поселение расположено на мысе, которым заканчивается южная часть сопки, ограничивающей падь Степаниху с северо-западной и северной сторон. Вершина сопки плоская, ровная и только в южной части, на мысе, где расположено поселение, понижается к югу тремя небольшими террасами. Поселение ограничено с запада скалистым, почти отвесным берегом Амура, с юго-востока — полого спускающимся в падь склоном мыса. С севера — сохранившимся земляным валом высотой около 70 см и ровом шириной около метра и глубиной до полу-

метра. Поселение состояло примерно из 20 рядов небольших ям-западин диаметром до 6 м и глубиной около 40—50 см. Оно обнаружено и описано местным краеведом Г. С. Новиковым-Даурским¹, раскопано А. П. Окладниковым и Н. Н. Забелиной. Раскопки начаты с землянки 1, расположенной в 25 м к северу от юго-западной оконечности мыса. Стратиграфия жилища 1 следующая. Под тонким (5—6 см) слоем дерна лежал слой темно-серой, сильно гумусированной супеси, густо пронизанной корнями дубняка и кустарника. Слой этот имел толщину 15—30 см и в некоторых местах проникал в низлежащие горизонты в виде языков.

Глубже находился слой чистого желтого, почти не гумусированного суглинка. Толщина его 10—40 см. На самой поверхности слоя серой супеси обнаружено несколько пятен округлой формы диаметром от 30 до 80 см. Это обожженная красная и черная углистая земля. Пятна прослеживались на разной глубине, в зависимости от глубины залегания желтого суглинка. Среди них на поверхности суглинка лежало несколько крупных камней.

Нижний слой, находившийся под желтым гумусированным суглинком, проявился на глубине 24—57 см от дневной поверхности. Толщина его колебалась соответственно от 38 до 10 см. Он состоял из чистого светло-желтого песчанистого суглинка, местами обожженного докрасна, в котором лежали куски обуглившегося дерева. Это остатки сгоревшей и рухнувшей вниз кровли, состоявшей из жердей. Толщина сохранившейся части жердей колебалась от 3 до 8 см. Все жерди были радиально направлены к центру, упираясь

одним концом в плечики жилища. Наибольшее количество дерева сохранилось в юго-восточной части дома. В северо-западной части, у плечиков, дерево сохранилось плохо.

Между третьим слоем и дном строения лежала сплошная тонкая (около 1 см) углистая прослойка с красными жжеными пятнами, оконтурившая плечики и дно котлована, вырытого в рыхлом серовато-желтом материковом суглинке. Дно полужемлянки было впущено на глубину 60 см от дневной поверхности и на глубину 30—40 см от поверхности материка. Жилище, квадратное в плане (5 x 5 м), со скругленными углами, ориентировано на северо-восток, юго-восток, северо-запад и юго-запад. Все его стены вертикальные. Лучшее всего сохранилась северо-восточная стенка высотой 38 см от уровня дна. Местами видны обугленные остатки небольших столбиков диаметром 5—8 см, стоящих то наклонно, то вертикально. Юго-западная стенка выявлена под слоем гумусированной супеси, в виде четкой красной полосы обожженного суглинка, ее северная часть испорчена вырытой позднее ямой. Стенка сохранилась на высоту 20 см от пола. Вполне определенно фиксировалась западная часть юго-восточной стенки, но она была неровной и покаты, высота ее от пола колебалась от 18 до 30 см. Возможно, в юго-западном углу находился выход — стенка прерывалась, а углистый слой пола продолжался, хотя и не был таким интенсивным, как внутри жилища. Северо-западное плечико не обожжено, поэтому очертания его неопределенны и границы жилища в этом месте прослеживались в основном по полу.

Сложенный из камней очаг — почти прямоугольный по форме. Очажная яма углублена в дно жилища на 12—13 см и выложена по краям плоскими окатанными булыжниками, поставленными с некоторым наклоном наружу. Высота обкладки 20 см, толщина плиток 5—6 см, но так как камни стояли наклонно, то выступали всего на 4—5 см выше уровня пола. Общая глубина очага 19 см. Длина его западной стенки — 84 см, южной — 75, северной — 70, восточной — 70 см. Камни были уложены плотно друг к другу и хорошо подобраны по форме. Ориентирован очаг углами по странам света, только острый северный угол был несколько отклонен к востоку.

В южной части очага над камнями лежал черный углистый слой толщиной 12 см, в северной части камни перекрывала линза чистого желтого мелкого песка. Заполнение очага состояло из черной углистой прослойки в 2 см толщиной. Под ней лежал слой (12 см) очень белой вязкой слежавшейся золы, скорее пепла, с примесью мелко раздробленных, сильно обожженных костей. Ниже, на глубину 5 см, зола имела несколько иную структуру (была более сухой и сыпучей) и приобретала желтоватый оттенок. Дно оказалось обожжено докрасна на большую глубину. В восточной части очага, в углистом слое, между камнями лежал вверх дном миниатюрный сосудик баночной формы с неровными краями. Рядом на полу обнаружены две челюсти свиньи.

Материк, в который было врыто основание жилища, состоял из двух слоев: верхний, толщиной 25—40 см, представлял рыхлый се-

ровато-желтый слегка гумусированный суглинок, под которым лежал очень плотный чистый светло-желтый суглинок. Жилище было углублено до начала нижнего слоя, стенки его рыхлые, а пол ровный, гладкий и очень плотный. Когда была счищена лежавшая на полу углистая прослойка, на фоне желтого дна четко выявились темные круглые ямки от столбов. Их обнаружено 14, однако какой-либо определенной системы расположения не наблюдалось. В кв. 7-В расположены два столба, ямка от первого, диаметром 15 см и глубиной 20 см, со слегка сужающимся плоским дном, находилась на расстоянии 80 см к юго-западу от северо-восточного плечика. Ямка от второго столба, расположенная в том же квадрате, диаметром 14 см и глубиной 26 см, с плоским дном, расширяющимся вверх краями, находилась к юго-востоку от первой ямки, на расстоянии 45 см от нее. Третья ямка находилась у пикета 8-В, почти у самого плечика, диаметр ее составлял 23 см, глубина — 15 см. Все три ямки располагались по одной линии к юго-западу, по направлению к центру жилища. Ямка в квадрате 5-Г зачищена на расстоянии 70 см от центра очага и расположена почти на одной линии с тремя предыдущими; она была конической формы, диаметром 14 см и глубиной 9 см. К югу от очага, на расстоянии 1,10 м от центра, в кв. 5-Д прослежена ямка конической формы, диаметром 13 см и глубиной 15 см. Еще южнее, в кв. 5-Е, вырыты еще две.

Жилище 2 было прямоугольным в плане, его размеры $5 \times 5,7$ м. Стены ориентированы по странам света. Дно гладкое, ровное, из плотного желтого материкового суглинка, несколько понижавшееся с северо-запада на юго-восток. На востоке дно опять поднималось вверх и было на 40 см выше, чем в центре. Оно находилось на одном уровне с южным плечиком; вероятно, это и было восточное плечико, только очень пологое.

В жилищах первого типа очаги, как правило, обкладывались деревянными плахами или каменными плитами. Очаги без всякой обкладки — редкое исключение.

Выхода наземного в домах не было, как и центрального столба с зарубками для выхода и входа через отверстие в крыше. Центральный столб должен был располагаться там, где располагалось отверстие: в центре четырехскатной или двухскатной крыши. Но выход мог находиться сбоку от центра, на одной из сторон крыши, тогда функцию лестницы мог выполнять один из четырех столбов, поддерживавших перекрытия. Это мы, скорее всего, и наблюдаем в мохэских строениях.

Ко второму типу мы отнесли жилища с одной или двумя нишами-кладовками. Таковы жилища на Осиновом озере, несколько жилищ на Михайловском городище. В качестве примера приведем описание жилища на поселении Осинное озеро.

На месте раскопа мохэского жилища наблюдалась почти круглая западина размером 8×9 м, углубленная в центре на 15—18 см. Западина и прилегающая местность густо поросли кустарником. В профиле бровки наблюдалась следующая стратиграфия (рис. 36).

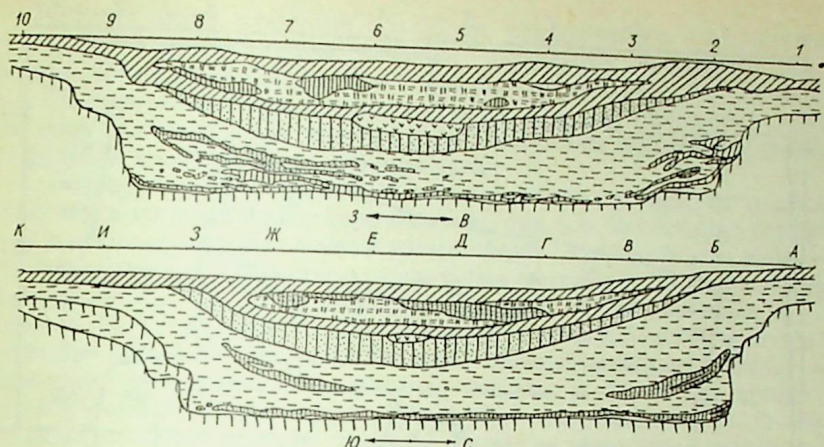

Рис. 36. Стратиграфия жилища у оз. Осинового.

Сверху шел дерновый слой, отличающийся повышенной травянистостью и переплетениями корней кустарника. Мощность его колебалась от 10 до 22 см. Под ним находилась желтая супесь в форме линзы, вытянутой на 5,4 м. Толщина ее в центре достигала 32 см, к краям постепенно уменьшалась и у восточного края составляла всего 6 см, у западного — 8 см. По-видимому, этот слой супеси был наносного характера, так как под ним наблюдался погребенный дерновый слой мощностью 20—25 см. Во втором дерновом слое встречены первые находки: мелкие фрагменты керамики, преимущественно без орнамента, и незначительное число отщепов.

Нижний горизонт погребенного дернового слоя постепенно переходил в серую супесь толщиной от 10 до 25 см. В ней встречены фрагменты керамики, в том числе обломок венчика сосуда с типичным мохэским воротничком. На границе второго дернового слоя и серой супеси, на глубине 63 см от дневной поверхности в центральной части жилища обнаружено зольное пятно светло-серого цвета. Толщина его 13 см, диаметр, видимый в разрезе, 1,25 м. Рядом с зольником найдены фрагменты мохэской керамики.

Глубже залегал слой коричневой супеси, слабо гумусированный (50—60 см), у плечиков жилища мощность его увеличивалась до 20 см. Слой у границ жилища круто поднимался вверх, образуя уступы — плечики котлована.

На глубине 135 см прослеживалось скопление угля. Рядом с ним найдены три коренных зуба свиньи и фрагменты керамики. Еще глубже находился плотный слой почти черной земли толщиной 3—5 см. Он лежал непосредственно на материке и, вероятно, служил полом жилища. Здесь также найдены фрагменты керамики.

Котлован жилища впущен в материк в среднем на 1 м 20 см. Уровень пола находился на глубине 1 м 60 см от дневной поверхности. Жилище в плане было почти квадратной формы, размером

бов, как правило, тоже одинаковы — 15—25 см, глубина столбовых ям 20—100 см.

В жилищах позднейшего времени, расположенных в районах Тококу и Кинки, хорошо прослеживаются ямы, в которых найдены концевые диски черепицы. Ямы служили для центральных опорных столбов. Можно предположить, пишет Х. Исино, что это следы каких-то религиозных церемоний, проводившихся при установке столбов. При раскопках мохэского Михайловского поселения в Амурской области у некоторых центральных столбов лежали черепа свиньи, оказавшиеся там, по-видимому, как предметы, использовавшиеся для исполнения каких-то ритуальных действий.

При теплом влажном климате на юге Японии крыши в домах делались с большим выносом, образуя подобие зонта. Летом выносные части задерживали солнечные лучи, зимой, наоборот, не мешали проникновению их в комнаты. Кроме того, выносная часть крыши сохраняла стены от дождя. Неожиданным для нас оказалось замечание о том, что в некоторых домах над очагом делалось специальное отверстие для выхода дыма, оно перекрывалось своей крышей, расположенной выше основной кровли⁵. В Приамурье же почти во всех древних домах не существовало специальных «дымоходов». В крыше оставлялось отверстие, которое служило и для выхода дыма, и для прохода людей по бревну с зарубками. Как и в мохэских жилищах, в японских татэана сооружались вдоль стен нары-лежанки. На севере Кюсю лежанки делались вдоль одной, двух или трех стен. Возводились они одновременно со строительством жилья и использовались не только для сна — на них обнаружены фрагменты керамики, стеклянные бусы и другие предметы. Х. Исино отмечает, что ни на одном из памятников в жилищах с нарами не было выхода в стене, как и в амурских жилищах.

Несколько слов о хозяйственных ямах. В Древней Японии существовали три помещения для хранения пищевых продуктов: 1) погребка вне жилища; 2) ямы внутри жилища; 3) хранилища на сваях.

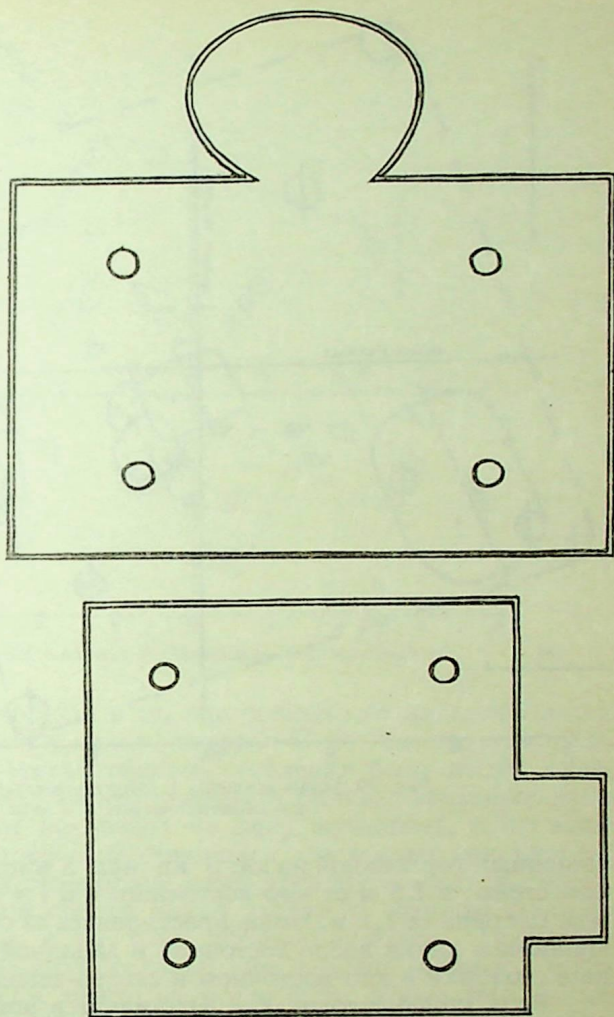
В дзёмонских землянках, расположенных на обширной территории между Тохоку и Кюсю, зафиксированы в основном погреба, вырытые за пределами жилищ. В яёйское время широко распространились внутрижилищные хранилища. Со второй половины периода яёй отмечается сосуществование хранилищ всех трех типов. Внутрижилищные хозяйственные ямы выкапывали и в центре дома, и по его углам. С эпохи кофун предпочтение отдается угловым погребам. Х. Исино выделяет еще один подвид хранилища — кладовую, примыкавшую к боковой стенке дома (рис. 38). Ниша имела круглую или квадратную форму. Этот тип хранилища появился с середины эпохи яёй. И хотя такие кладовые встречались не часто, но сохранялись как тип долгое время, вплоть до начала хэйана (VIII—IX вв. н. э.). Располагались они в строго определенном месте. Разница в размере ниши зависела от количества пищевых продуктов и способа их приготовления. На среднеяёйской стоянке Токо (префектура Хёго) в кладовой стояли керамические сосуды с остатками

Рис. 38. План жилищ с нишами (по Х. Исино).

Еще в 1934 г. Л. Г. Морган писал, что и в домах американских индейцев имелись ниши в стенах шириной около 80 см, глубиной до 50 см. Эти углубления-ниши, в которых были сделаны полки, служили для хранения домашней утвари. В этих же жилищах отмечены и нары вдоль стен⁶.

Как уже говорилось, в Приамурье в мохэскую эпоху существовали жилища двух типов: без ниш и с нишами-кладовками. Строения с нишами раскопаны и на Михайловском городище⁷. В жилище 1 в восточной стене находилась кладовая. Одна ее стенка располагалась в 1 м 60 см от северо-восточного угла, вторая — в 2 м от юго-восточного.

Внешняя стенка ниши уходила за основную стену дома на 1 м. Уровень пола в ней был ниже пола в жилье на 10 см. В нише обнаружены пять сосудов, раздавленных землей, фрагменты керамики и сломанный железный кельт. Кроме того, в юго-западном и северо-восточном углах ниши обнаружены ямы с красной глиной, которой был обмазан пол в жилище. В нише пол не обмазан (рис. 39). В жилище 2 было две ниши — в восточной и южной стенах. Пол в них находился на том же уровне, что и в жилище, но в отличие от последнего не имел глиняной обмазки. У стен восточной ниши найдены большой рог оленя со следами пиления, скопление костей животных и неорнаментированной керамики. В жилище 4 ниша располагалась в южной стене. Хорошо сохранились ее восточная и южная стенки. В юго-восточном углу нашли сосуд, лежащий на боку и об-

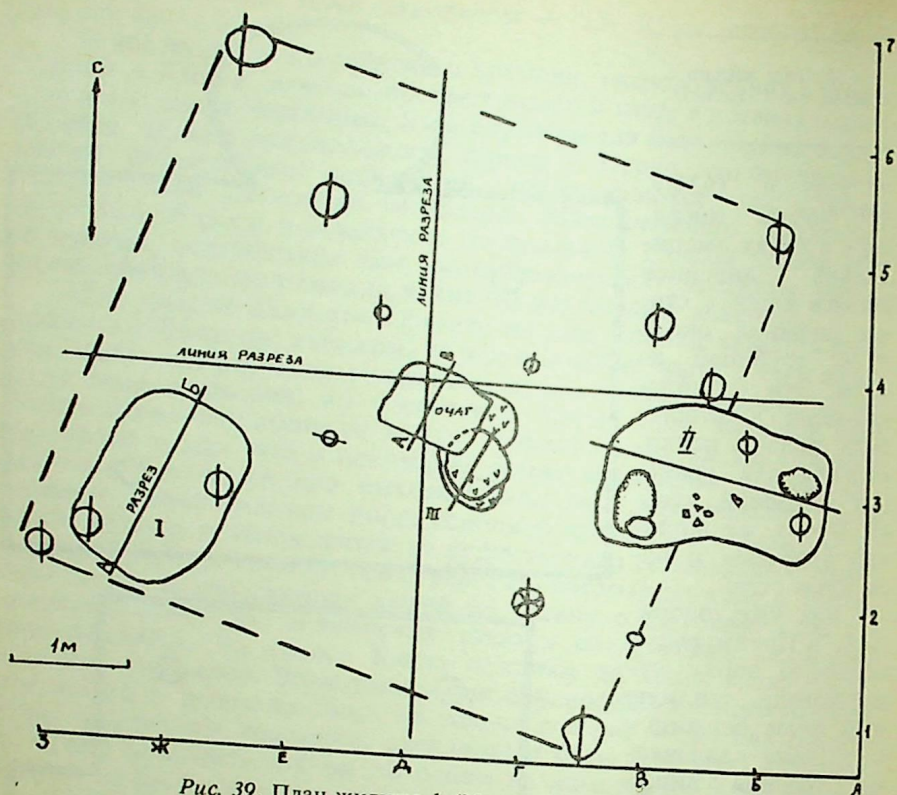

Рис. 39. План жилища 1 (Михайловское городище).
I — хозяйственная яма; II — ниша.

ращенный горловиной на юг. В жилище 5 ниша была в середине южной стены, в 1,5 м от юго-восточного и в 1,4 м от юго-западного углов. Ширина ее 1,1 м. Ниша простиралась за стену дома на 1,5 м. Сохранились плахи вдоль восточной и западной стенок ниши, небольшие столбики в юго-восточном и северо-западном углах ниши.

Роль ниш-кладовок как хранилищ в японских и приамурских домах хотелось бы подчеркнуть особо, поскольку в 1987 г. появилась статья О. В. Дьяковой⁸, в которой высказывается мнение, что ниши — это входы в жилище. В качестве аргументов против существования выхода через дымовое отверстие О. В. Дьякова приводит отсутствие в жилищах центрального столба с зарубками. Думается, что эту роль мог выполнять один из четырех внутренних столбов, поддерживавших кровлю, тогда и очаг, расположенный в центре жилища, не мог быть помехой при подъеме и спуске людей по бревну, да и высота такого входа оказывалась намного меньше высоты самого жилища, так как отверстие это было не в центре дома, а на одном из скатов кровли. Далее, О. В. Дьякова в остатках обгоревших конструкций увидела только навес без боковых стенок. Вместе с тем по планам жилищ с остатками деревянных плах и столбов наверняка нельзя сказать, были ли там боковые стенки

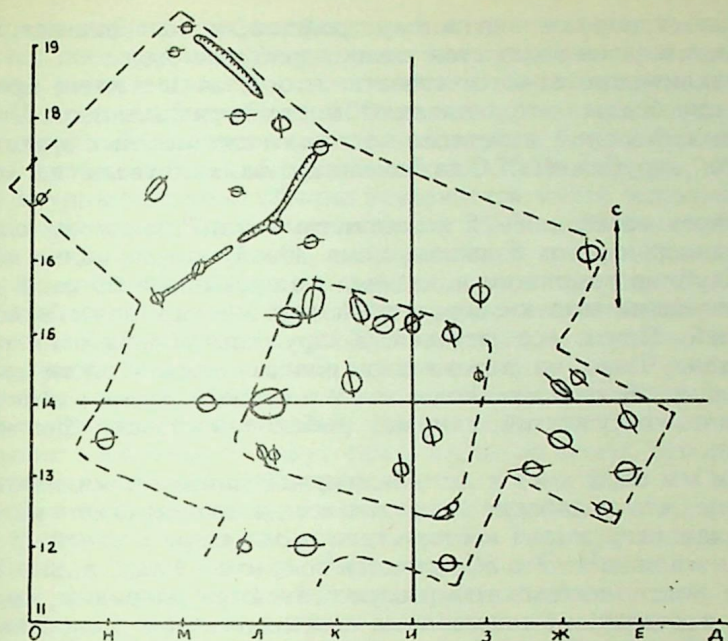

Рис. 40. План жилища 2 (Михайловское городище).

или навес. Жилища сгорели, и то, что осталось от ниш, не говорит ни в пользу первого, ни в пользу второго. О. В. Дьякова утверждает, что в жилище 1 Михайловского поселения была дверь: «Ясно одно, дверь имела порог, на что указывает балка, зафиксированная вдоль восточной стены котлована на полу жилища»⁹, и отсылает читателей к рисунку-плану обуглившихся деревянных конструкций на полу жилища¹⁰. На этом плане вдоль трех стен лежат две широкие плахи. У восточной стенки плахи уходят за границы ниши на 70 см (южный конец) и на 1,5 м (северный конец). Последний упирается в северный угол жилища. При ширине ниши в 1 м порога длиной в 3 м 20 см просто не могло быть. Кроме того, в этой нише обнаружено пять сосудов. В жилище 2 выходом, по мнению О. В. Дьяковой, служила ниша, примыкавшая к восточной стенке постройки. Но в ней прямо по центру стоят два столбика, и по углам — четыре (рис. 40). Относить их к более раннему горизонту, а нишу-выход к мохэскому, по крайней мере, не логично. Надо сказать, что во всех нишах пол не обмазан глиной, в жилищах же материковая супесь укреплена толстым слоем глины. Если предположить, что ниша — вход в жилище, то встает вопрос, почему же он не укреплен глиняной обмазкой или деревянными ступенями.

Здесь уместно снова обратиться к наблюдениям Х. Исино. Он пишет, что в жилищах татэана имеются неглубокие желобки шириной от 10 до 20 см, глубиной от 15 до 20 см. Они начинаются от углубления в центре и доходят до стены, пересекаясь с ней. В этих желобках с промежутком в 80 см были маленькие углубления, в которых стояли небольшие столбики. Х. Исино предполагает, что

это следы от порогов входного устройства, и подчеркивает, что в жилищах с нарами вдоль стен таких порогов не было.

В заключение хочется сказать, что остатки жилищ при раскопках так бедны, что оставляют много неразгаданного. Появление новых сведений интересно не только для местных археологов, но и для зарубежных. Они помогают найти ответы на многие вопросы.

И снова возвращаемся к жилищам мохэ. Размеры их следующие: площадь самого большого дома 30 м², самого маленького — 16 м². Глубина земляного котлована не превышала 60 см. В домах были зачищены остатки деревянных нар и полки для хозяйственных целей. Почти все находки обнаружены вблизи этих полок, вдоль стен. Часто на деревянных полках лежали кости свиньи, козы, оленя. В хозяйственных ямах строений было много раковин моллюсков, костей свиньи, рыбных косточек, фрагментов керамики.

Если мы обратимся к летописным источникам о жилище мохэ, то увидим, что китайские летописи всегда подчеркивают полуподземный характер жилья и отсутствие входа-двери в одной из боковых стен жилища¹¹. Это объясняется тем, что в I тыс. н. э. в Китае и Корее почти повсеместно распространяются наземные жилища, а выход с дверью обычного типа появляется там еще раньше¹². В Японии землянки прекращают свое существование приблизительно в XII—XIII вв. вместе с уходом сацумонской культуры.

По поводу сацумонской культуры существует масса самых разных точек зрения¹³. Согласно одной из них, сацумон — это местная культурная традиция, которая существовала с позднего дзёмона, в ней много культурных элементов, которые появились на Хонсю после кофунского периода. Есть мнение, что культура является остаточной по отношению к дзёмонской, а также, что это смешение хонсийских и кофунских элементов. На первый взгляд сходство керамики землянок подтверждает последнюю точку зрения. Однако если ее принять, тогда надо признать, что культура Хонсю в тот период должна была быть другой. Хотя сацумонская культура неоднородна по мере продвижения с востока на запад Хоккайдо, главным в ее экономике является рыболовство с элементами собирательства или примитивного сельского хозяйства и охоты. Принято считать, что общество сацумон менее развито по сравнению с культурой Хонсю. Поэтому культурные элементы, которые образуют ядро сацумонской культуры (экономика и социальная структура), выходят из поздней дзёмонской культуры. С этой точки зрения сацумонская культура является сугубо местной, ее корни уходят в дзёмон северной части Японии, при этом отмечается некоторое хонсийское влияние.

Сацумонские стоянки распространены по всему Хоккайдо, но сконцентрированы в устьях больших рек. В этих же местах расположены и крупные поселения. Такая картина наблюдалась в позднем дзёмоне, особенно характерна она для заключительной стадии дзёмона. Вероятно, у носителей этих культур существовал единый способ добывания пищи.

Почти все идентифицированные в настоящее время стоянки являются поселениями. Ритуальных или погребальных комплексов известно очень мало. Поселения имеют самые разные размеры. В крупных может быть более 100 землянок (известно около 20 таких стоянок). Большинство их расположено в устьях больших рек. На одной стоянке было обнаружено более 2000 землянок. На периферии крупных стоянок обычно встречается много небольших или средних поселений, насчитывающих от 2—3 до 50 землянок. Мелкие поселения располагались, как правило, в экологических нишах, характеризующихся большим разнообразием природных условий. На Хоккайдо, например, самыми доступными пищевыми ресурсами являются лосось и форель, плывущие вверх по течению осенью и ранней зимой. Вполне логично расположение в устьях рек крупных поселений: осенью собирается большое количество людей для ловли лосося и форели, по окончании сезона люди возвращаются в свои небольшие поселения и живут там с весны до осени, используя самые различные пищевые ресурсы.

Отдельные землянки, составлявшие поселения, представляли собой квадраты с закругленными углами. В центре жилища находился очаг, встроенная печь была сделана в одной из стен. Около каждого угла вырыты 1—1,5-метровые углубления для столбов: жилище поддерживалось этими столбами и лежавшими на них балками. Размеры землянок: длина от 2 до 10 м, глубина около 60—70 см.

Квадратные с закругленными углами землянки с печами у стен были широко распространены на Хонсю во второй половине кофунского периода. Несомненно, это чисто хонсийский культурный элемент.

Охотскую культуру на Хоккайдо со всей определенностью можно охарактеризовать как полностью интрузивную культуру. Распространение охотских стоянок на острове ограничено территорией вдоль Охотского моря и пролива Нэмуру. Родиной представителей охотской культуры был Сахалин. Наличие многочисленных артефактов континентального происхождения означает связь с культурами Амура. Некоторые ученые полагают, что охотская культура является одной из прибрежных охотничьих и рыболовных культур северной части Тихого океана. Однако Цуеси Фудзимото считает сходство результатом адаптации к сходным условиям окружающей среды. На указанной выше территории стоянки разбросаны в десятках километров друг от друга. Их можно встретить на крайних точках полуострова, где сацумонские стоянки редки. На п-ове Сирэтоко они расположены на аллювиальных террасах, образовавшихся в устьях небольших быстрых рек.

Стоянки состояли из 10, 20 и 30 землянок. Землянки имели шестиугольную форму, были глубокими, гораздо крупнее сацумонских. В середине помещался большой (более 1 м в длину) прямоугольный каменный очаг. Найденные каменные орудия предназначались для охоты и убоя скота, костяные использовались в рыболовстве и собирательстве, кроме того, обнаружено много керамики. Около задней стены жилища — кучи костей животных, в основном

череп медведей, которые, видимо, использовались в ритуальных службах. Наличие черепов и костяных фигурок медведя, предметов с изображением его дает основание предполагать, что медведи являлись объектами поклонения. Были найдены и костяные фигурки дельфина, касатки и совы.

Интересно отметить, что охотничий инвентарь располагался возле кучи костей. Так как охота являлась мужским занятием, то можно говорить о пространственном разделении жилища между полами.

Открытие богатого и разнообразного комплекса изменило наше представление об охотской культуре. В частности, культ медведя позволяет проследить сходство с айнской культурой.

На стоянке Тосампоро I раскопано строение площадью около 200 м². В самом центре находился очаг овальной формы, дно очажной ямы обмазано глиной, края обложены вертикально поставленными каменными плитами. Жилище полуподземное, пятиугольное в плане. Отвесные стенки котлована обшиты деревом. Пирамидальная крыша состояла из плотно пригнанных друг к другу бревен. На самом верху имелось отверстие для выхода дыма, оно служило, видимо, и входом в дом, так как, несмотря на тщательные поиски, следов обычного входа обнаружить не удалось. Пол в доме обмазан глиной. Жили здесь носители охотской культуры (IX—XI вв. н. э.)¹⁴.

Современниками моэских племен на Амуре являются носители культуры кофун в Японии (IV—VII вв. н. э.). Эпоха кофун делится на три периода: ранний (IV в. н. э.), средний (V в. н. э.), поздний (VI—VII вв. н. э.)

Жилища раннекофунского времени повсюду, за исключением района Тюкоку, имеют в основном прямоугольную форму. Из 367 жилищ, датируемых этим временем, подавляющее большинство (340) — прямоугольные. Исследовано 40 стоянок¹⁵. На многих, например в районах Кюсю и Кинки, круглые строения отсутствуют совершенно, в Канто, Токай, Хокурику встречаются в небольшом числе. Единственный район, где круглые жилища составляют одну треть, — это район Тюкоку. Интересно отметить, что хотя Тюкоку занимает промежуточное положение между Кюсю и Кинки, он сохраняет в раннекофунское время самостоятельность в выборе типа жилищ. На Кюсю строительство поселений шло по пути, освоенному еще в позднейшей эпоху. Такие поселения характеризуются двумя чертами: полным отсутствием круглых строений (главное место занимают прямоугольные жилища с двумя и четырьмя опорными столбами) и устройством в жилищах нар-лежанок. Основная особенность жилищ раннекофунского времени на Кюсю заключается в сооружении хозяйственных ям внутри дома.

На стоянке Кицунэдзука в префектуре Фукуока открыты прямоугольные жилища с четырьмя и двумя опорными столбами. В центре расположен очаг, в углу — погреб-яма. Во многих жилищах устроены лежанки Г-образной формы. На стоянке Арита в префектуре Фукуока имеются, кроме того, постройки прямоугольной формы с двумя опорными столбами, в которых устроены нары

П-образной формы. Это свидетельство того, что в раннекофунское время на Северном Кюсю сооружение нар видоизменялось и развивалось.

Памятников, датируемых среднекофунским временем, известно очень много. Почти все жилища квадратные и прямоугольные, с двумя или четырьмя опорными столбами. Жилища снабжены печами «камадо» и лежанками.

Позднекофунское время характеризовалось установлением единого типа жилища. От Кюсю до Канто распространены квадратные дома, чаще всего с четырьмя опорными столбами. В большинстве случаев жилища оборудованы печами камадо и погребными ямами. С появлением больших сооружений возникают жилища с восемью опорными столбами.

Классовые различия в период Кофун углубляются. Дома для знатных людей и культовые сооружения возводятся из брусьев. Жилища простого люда остаются неизменными — полуземлянки типа татэана¹⁶.

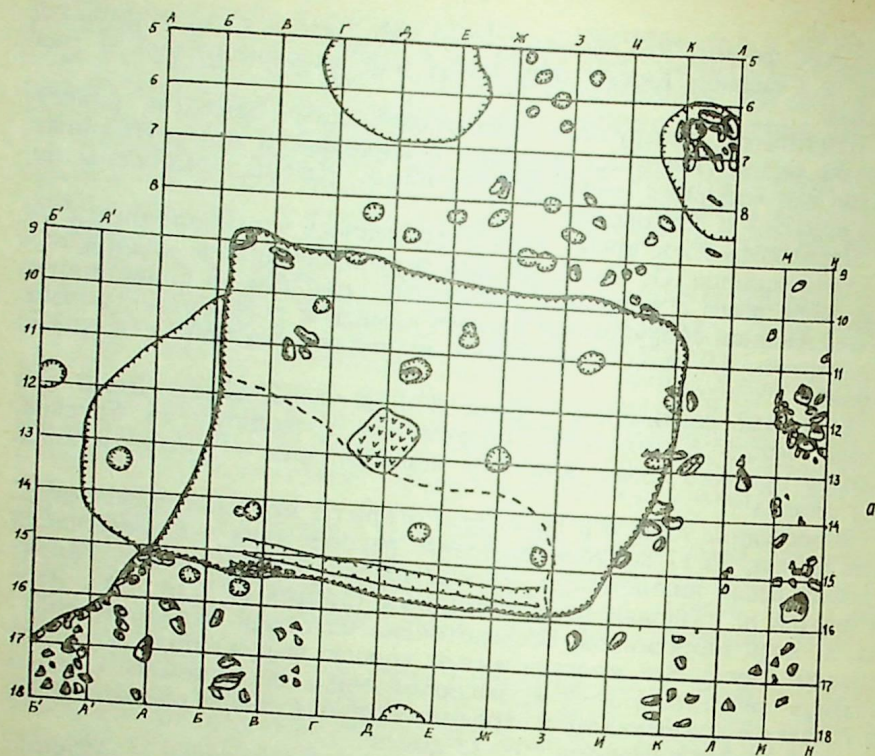
В последние годы и в Приморье открыты мохэские памятники. Одна группа, из 11 местонахождений, расположена в южной части Приханкайской низменности, раскинувшейся в долинах рек Раковка (приток р. Раздольной) и Абрамовка (приток р. Иистой). Вторая, из пяти памятников, сосредоточена на северо-западном побережье оз. Ханка. Все жилища имеют хорошо выраженные округлые западины диаметром 5—7 м, расположенные бессистемно. Однако на Раковке-6 и Песчаном-4 строения сгруппированы рядами. Одно поселение имеет в среднем 10—15 домов¹⁷.

Открытие жилищных комплексов мохэ в Приморье — явление очень важное. Это первые в данном регионе дома. Поэтому приводим их дословное описание, сделанное П. Л. Семиным.

«В процессе раскопок выяснилось, что названная выше западина оказалась остатками мохэской постройки. Котлован постройки имел в плане подпрямоугольную форму и достигал площади 45 кв. м. Стенки котлована образовывали почти вертикальные уступы — 75—80°, но были невысокими, составляя всего 0,3—0,5 м. Исключением являлась только юго-восточная стенка, отличающаяся пологостью — всего 0,12—0,17 м. Котлован ориентирован с юго-востока на северо-запад (рис. 41, а).

В заполнении жилища оказались сгоревшие плахи и мелкие размывы угля, отчего культурный слой приобретал в этом месте почти черную окраску. Наибольшая концентрация сгоревших плах зафиксирована в северо-западной части котлована, причем прослеживается довольно четкое их радиальное расположение. Размеры плах достигают 0,6 м в длину и 0,2 м в ширину.

На расстоянии 1 м от северо-восточной и юго-западной стенок котлована, в центре жилища зафиксированы столбовые ямки (глубина 0,25 м, диаметр 0,2—0,35 м), служившие опорой для крыши. Расположение ямок показывает, что они образуют между собой прямоугольник, причем две стороны имеют по три ямки, а две только по две. Судя по размеру жилища, стенки полуземлянки в

Разрез по линии Е

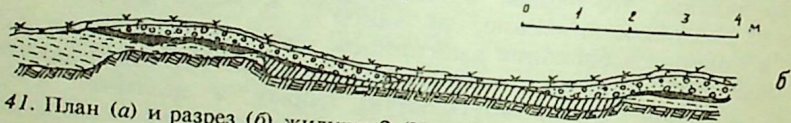

Рис. 41. План (а) и разрез (б) жилища 2 (Усть-Зеркальная) (по П. Л. Семину).

крыша были засыпаны землей — серо-коричневой супесью со щебенкой, которая после разрушения постройки попала в заполнение котлована в виде языков (рис. 41, б).

Вход в землянку, видимо, был с юго-восточной стороны, где самая пологая стена. Данное предположение мотивируется еще и тем, что возле этого места обнаружен плотный (утрамбованный) участок, отличный по цвету от материка (натоптаный).

В жилище был очаг. По форме он близок к прямоугольнику, но имел скругленные углы. Располагался почти в центре с небольшим смещением на запад. Мощность очажной линзы достигла 0,18 м. Заполнение состояло из золы, небольших угольков и линз прокаленной супеси с мелкими фрагментами керамики и косточек. Дно очажной ямы было выложено камешками, диаметр которых не превышал 0,1 м.

К югу и северо-востоку от очага обнаружены две ямы, глубина которых достигала 0,2 м, а диаметр не превышал 0,45 м.

Особенностью жилища является то, что участок котлована, примыкающий к северо-западной и юго-западной стенкам (его граница отмечена на рисунке пунктиром), был дополнительно засыпан суглинком светло-желтого цвета. Видимо, была необходимость выровнять дно котлована.

Пол жилища оказался покрыт обмазкой, толщина которой составляла 0,02 м. При зачистке нижней части культурного слоя жилища обнаружен канал, длина которого достигала 6 м, ширина не превышала 0,4 м, глубина 0,15 м. Канал отстоял от стенки на 0,2 м и был параллелен ей. Видно, это остатки дренажной системы, выводящей воду из жилища»¹⁸.

Мохэская эпоха на Амуре представлена большим количеством укрепленных городищ. Массовое сооружение укрепленных поселков ведется на Амуре в начале — середине I тыс. н. э., в связи с участвовавшими военными столкновениями соседних племен.

«Сложная социальная структура находит все более отчетливое отражение в типах строений, развитая фортификация с системой башен и предвратных сооружений приходит на смену первобытным валам и оврагам. Величина поселений городского типа находится в прямой связи с плотностью населения в соответствующем регионе, в свою очередь зависящей от эффективности экономического базиса»¹⁹. При возведении городищ большое значение придавалось естественному рельефу, высоким склонам, наличию реки, подрезке высоких склонов холмов, на которых строились городища. Обычно выбиралась высокая сопка, с которой на огромное расстояние просматривалась расстилавшаяся внизу долина. Пожалуй, никакие другие памятники древнего городского строительства не связаны так тесно с топографическими условиями, как оборонительные сооружения. От рельефа местности зависели размеры и характер этих сооружений. Недостатки местности заставляли древних строителей прибегать к созданию дополнительных искусственных средств, защищавших населенные укрепления поселков и городищ.

Мохэские городища строились по рекам — Амуре, Зее. Почти все они относятся к одному типу — типу мысовых, по классификации П. А. Раппопорта, городищ, т. е. занимают мысы коренных надпойменных террас²⁰.

На верхнем Амуре мохэские городища не раскапывались, а только обследовались. Одно из городищ расположено в 5 км от с. Гилёво-Плюснинка (в 0,5 км от ручья Малый Талакан), на невысоком длинном мысу, который клинообразным островком возвышается над широкой долиной Архары, соединяясь вдаль с сопками. Мысок вытянут перпендикулярно течению реки, к западу и востоку от него прослеживается неглубокое (2,5 м) и неширокое (25 м) старое русло Архары. Очевидно, во время существования поселка река протекала около мыса, предохраняя поселок с трех сторон. Возможно, люди покинули его, как только река изменила русло. Сейчас на месте стоянки растет кустарник, раскинулась маленькая березовая рощица, границы которой и определяют площадь древнего поселка. Вокруг все распаханно, а этот участок сохранился — из-за наличия

глубоких ям-западин он непригоден для пашни. На пашне возле ям местные жители находили обломки орнаментированных сосудов. Ямы расположены без особого порядка; удалось проследить только два ряда, радиально отходящих от края мыса. Ямы подразделяются на две категории: небольшие (размером 4×4 ; 5×5 м) и большие (размером 12×12 ; 15×15 м). Последние, возможно, остались от обширных общественных домов. Маленькие ямы сравнительно глубокие — от 1 до 2,3 м. Большие — неглубокие, с очень размытыми оплывшими краями, границы которых трудно проследить. В южной части отчетливо прослеживается вал, он прекрасно сохранился, но почему-то не был достроен. Две стороны вала образуют прямой угол. Создается впечатление, что этим валом хотели оградить большие углубления. Однако работа была прекращена.

У д. Корсаково на сопках обследовано громадное городище с валом и несколькими сотнями землянок.

На Среднем Амуре самое большое городище — Михайловское. Оно расположено в 27 км от с. Михайловка и в 20 км от с. Арсентьевка вверх по течению р. Завитой, на высоком мысу, круто обрывающемся к долине речки, в древнее время широкой и полноводной. К мысу примыкает заболоченная пойма. Внизу, у подножия мыса, бьют холодные ключевые источники. Жилища, обнесенные валом и рвом, размещались на вершине мыса — плоской, относительно ровной площадке, с которой на многие километры просматриваются просторы. С востока городище было неприступным из-за крутого склона и реки, с юга и севера склоны спускались более полого. С запада к городищу примыкало несколько сопек, чередующихся с распадками.

Городище, обнесенное валом и рвом, занимало площадь около 1 га. Жилища находились и внутри городища, и за его валом. Всего их насчитывалось более 300, примыкали они вплотную друг к другу и располагались на расстоянии 2—5 м один от другого.

В западной части городища контрольной траншеей были прорезаны вал и ров. Их стратиграфия такова: сверху по всей поверхности вала и рва залегал одинаковой мощности дерн (15—20 см), глубже — серая супесь с включениями мелкого галечника (30 см), на месте рва — между дерном и серой супесью — находилась линза темной гумусированной супеси толщиной 35—39 см, под серой супесью была светлая гумусированная супесь мощностью 50 см, которую подстилал материковый желтый песок. Глубина рва достигала 2—2,2 м. Поверхность на месте раскопа представляла собой сеть округлых чашевидных западин, поросших травой и мелким кустарниковым дубом, глубина их в центре от 50 до 70 см.

Во всех городищах, расположенных на высоких склонах, не сохранилось валов и рвов. Там же, где сопка полого опускалась к равнине, возводили валы, иногда поочередно с рвами. Из искусственных земляных сооружений наибольшее значение в летнее время приобретали рвы, в зимнее — валы.

Валы в мохэских городищах не имели каких-то определенных деревянных или каменных конструкций. Ограниченное количество раскопанных укрепленных городищ не позволяет нам говорить об

этапах развития конструкции оборонительных валов. Можно лишь отметить, что уже у бохайцев валы были сложены из крупных булыжников вперемешку с землей²¹.

Существенной частью оборонительных сооружений являются рвы, обычно связанные с валами. При строительстве укреплений требовалось большое количество земли. Ее брали здесь же, у строящегося укрепления. Ров был не просто углублением, которое получалось при возведении вала. Ему умели придавать весьма целесообразную форму. В разрезе рвы имели треугольные очертания. В большинстве случаев внешний склон рва был более крутым, чем внутренний.

Мохэские городища были небольшими. Площадь их колебалась от 1000 до 10000 м². Очень крупные городища (типа Михайловского) редки. Жилое пространство всех городищ ограничивалось площадкой, защищенной валом и рвом. За пределами укреплений культурный слой прослеживается на двух городищах.

Укрепления мохэских городищ нельзя назвать мощными. Видимо, ни рвы, ни валы серьезного препятствия для противника не представляли. Их современная глубина и высота составляют от 1 до 2 м. Следов частокола не выявлено нигде. Для всех мохэских городищ характерна линия укреплений в виде валов и рвов со стороны поля. Видимо, укрепления дополнялись целой системой рвов, палисадов, завалов, ловушек, канав для подслушивания²².

Во всех раскопанных городищах не было колодцев. А так как городища располагались обычно на высоких сопках, то положение с водой в случае осады было тяжелым. По всей вероятности, дальневосточные племена не применяли осаду. Нападавшие ставили своей целью прежде всего ограбление поселений, увод населения в плен и очень редко, после неудачных попыток внезапного захвата города, прибегали к осаде. Штурм городищ тоже, по-видимому, был явлением редким. Шли на него только тогда, когда точно знали, что гарнизон, оборонявший поселок, немногочислен. Именно стрельба с городских стен была основным препятствием штурму. Ибо даже самые мощные укрепления сами по себе ничего не значили, если за ними не было многочисленной армии. И когда вражеская армия двигалась к городищу, все население вооружалось и выходило навстречу неприятелю.

В письменных источниках, относящихся к первой половине VIII—X в., нет упоминаний об осадах. Захватчики пытались действовать с помощью огня. Возможно, этим объясняется тот факт, что почти все раскопанные городища мохэского времени на Амуре носят следы губительного всепоглощающего огня.

Во второй половине I тыс. н. э. процесс разложения родоплеменных отношений у ряда мохэских племен заходит так далеко, что отдельные военачальники становятся князьями, независимыми от других родственных племен. И только Танский Китай противостоит союзу мохэских племен, объединившихся с Когурё и Пякче. В 645 г. танский император Тайцзун выступает с огромной армией против Когурё. На помощь последним приходит пятидесятитысячная мохэская конница. Когурёсцы терпят пораже-

ние, и три тысячи мохэсцев казнены. Но в 650 г. дальнейшие военные действия прекращаются в связи с кончиной императора Тай-цзуна.

В 654 г. войска мохэ и Когурё вторглись на территорию киданей, а затем и союзника Китая — королевства Силла. Король последнего обратился за помощью к Китаю. Вспыхнула война, приведшая к падению в 660 г. государства Пякче, а в 668 г. — Когурё. Мохэские племена разбежались, придя в упадок. И только на севере мохэ продолжали отражать натиск китайских войск. Но вскоре китайцы вынуждены были приостановить свои наступательные операции, поскольку на них напали кидани. Этим обстоятельством воспользовались предводители мохэ Цися Биюй и Цици Чжунсян. Им оказали большую поддержку бежавшие к ним ранее когурёсцы. В 698 г. Цзожун основал государство Чжэнь, провозгласив себя королем. Впоследствии государство Чжэнь было переименовано в Бохай и просуществовало 228 лет, за которые сменилось 15 правительств. В состав этого государства входила значительная часть Маньчжурии, Приамурья и Приморья, Северной Кореи²³.

Население Бохая было неоднородным. В его состав входили многочисленные тунгусоязычные мохэские племена, когурёсцы, кидани, уйгуры и другие тюркские племена. Однако ядром государства были мохэсцы — предки современных нанайцев, ульчей, орочей и ряда других тунгусоязычных народностей южной части советского Дальнего Востока.

Хозяйство бохайцев, как и мохэсцев, было комплексным. Но хозяйственные уклады у племен центральных и периферийных округов были различными. В первых преобладало земледелие, более высокое развитие получили ремесла, во вторых основными занятиями были скотоводство, охота, рыболовство. Судя по археологическим данным, земледелием занимались там, где имелись для него условия. На большинстве памятников Приморья раскопаны орудия труда, связанные с обработкой земли, уборкой урожая: лемехи, серпы, жернова, ступы, ручные мельницы и др.

О наличии развитого животноводства говорят не только летописные источники, но и археологические данные. Так, остеологический материал только одного Новогордеевского селища в Приморье дает следующую картину. Кости домашних животных составляют в нем более 58 %: свиньи — 20 %, лошади — 13, крупного рогатого скота — 13, собаки — 12 %²⁴.

Жилища бохайцев отличались от жилищ мохэсцев. Они были наземными, каркасного типа, прямоугольной формы, внутри дома имелась отопительная система — кан. Последний насчитывал три разновидности: 1) прямой, односекционный, 2) Т-образный и 3) П-образный с одним или тремя дымоходными каналами.

У бохайцев в домах были двери. Бохайцы сыграли немалую роль в становлении лясского домостроительства. Китайский путешественник Ван И писал: «Живут они в домах, двери которых открываются на боковой стене». Такая же особенность отмечена в жилищах чжурчжэней X—XI вв.: «Живут в домах. Входы устраивают под высокими боковыми стенами домов»²⁵.

Трудно переоценить значение Бохайского государства в истории советского Дальнего Востока. Именно Бохай явился первой формой классового общества, возникшего у племен Маньчжурии и Приморья, Бохай был эпохой высокого расцвета цивилизации на этой территории. Высокая бохайская культура являлась одним из звеньев культур Восточной и Юго-Восточной Азии I тыс. н. э. Но могущество Бохая было поколеблено, а потом и уничтожено киданями. Однако именно на землях Бохая затем возродилась тунгусская государственность в лице чжурчжэньского государства Цзинь, и это не случайно. С самых ранних времен, когда чжурчжэни еще не играли сколько-нибудь заметной политической роли, они были оплотом независимости северных племен. Унаследовав многое от культуры бохайского времени, они выделялись среди своих более отсталых северных соседей. Не удивительно поэтому, что чжурчжэни смогли не только быстро возвыситься, но и создать сложный государственный аппарат, собственную письменность и литературу, высокую самобытную культуру.

В течение одного десятилетия чжурчжэни под предводительством Агуды разрушили гигантскую империю киданей, простиравшуюся от Тихого океана до Керулена и располагавшую мощной армией. «Сколь громко было возвышение киданей, столь же внезапно совершилось их падение... когда нюйчжи свободно проникли внутрь их владений и от одного их крика распалось здание их империи», — говорится в «Ляо-ши». В «Цзинь-ши» читаем следующее: «Цзинь войском приобрела государство и через войско потеряла государство»²⁶.

Археологические находки свидетельствуют о высоком мастерстве чжурчжэньских металлургов и ювелиров. На всех без исключения городищах обнаружены шлаки — следы выплавки железа. На Красноярском городище близ Уссурийска найдены изделия из железа и тигель с большим количеством шлака. Большое значение для характеристики металлообрабатывающего ремесла имеют раскопки Шайгинского городища. Здесь кроме жилых кварталов раскопаны целые кварталы ремесленников, террасы, на которых располагались чисто производственные объекты (мастерские [1—4]). В жилищах тоже обнаружены горны, предназначенные для выплавки металлов. Судя по материалам археологических раскопок, металлургическое производство и кузнечная техника достигли такого уровня, когда среди ремесленников существовала такая специализация. Шайгинское городище — крупный ремесленный центр. В результате его раскопок найдены изделия из чугуна и цветных металлов. В производственных мастерских раскопаны планировочные формы и формы, способствовавшие полной реконструкции всего процесса литейного и обрабатывающего производства цветных металлов, а также находок из железа, чугуна, цветных металлов так велики, что не приходится приводить его здесь. Характеристика изделий и специфика их производства и обработки подробно изложена в работах Н. А. Лавренко.

Определенного успеха добились чжурчжэни в деле земледелия. Они жили в наземных жилищах, о появлении которых в этом районе говорит, что их начал строить еще в древности Сунь-цзы (XIII в. до н. э.).

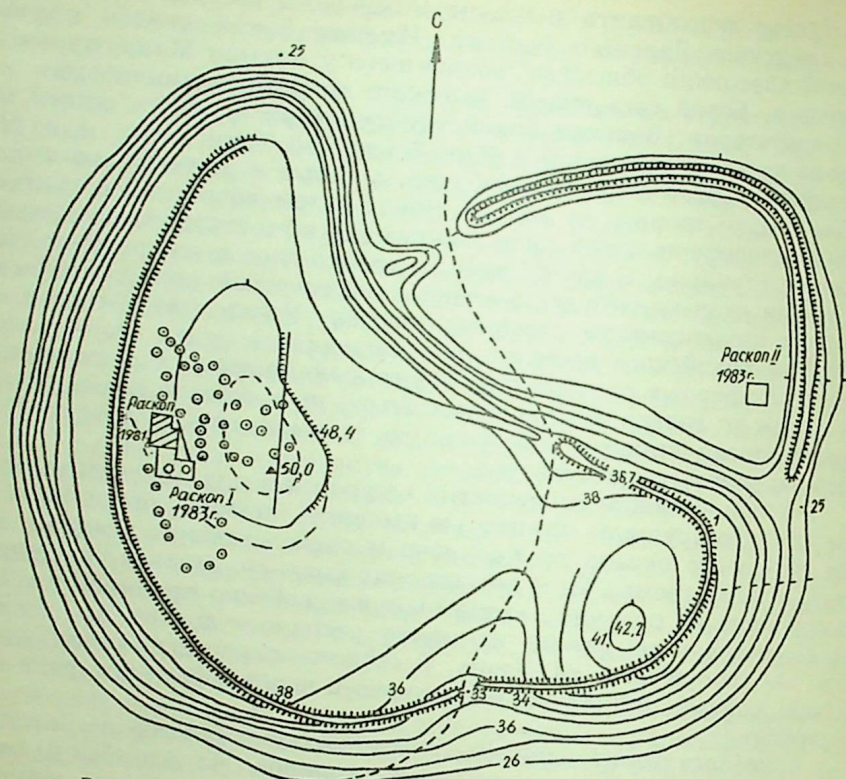

Рис. 42. Топографический план горы Шапка и городища на ней.

нейших полуземлянок. Жилища отапливались печами, сбитыми из глины, и имели вдоль трех стен широкие каналы, по которым проходил горячий воздух из печей. Остатки жилищ такого типа с каналами, выложенными плитняком, встречаются во многих местах по Амуру и в Приморье.

ЖИЛИЩА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Летом 1981 г. Поярковским археологическим отрядом Северо-азиатской комплексной экспедиции в 5 км к западу от с. Поярково Михайловского района Амурской области были начаты раскопки городища Шапка (рис. 42).

Гора Шапка — останец второй амурской террасы, возвышающейся над уровнем Амура на 110—120 м. С юго-западной стороны в полутора километрах течет Амур. Пространство между Амуром и горой занято старицами и прирусловыми валами, в основном широтного направления. Равнина, расстилающаяся вокруг горы, низменная, с мелким кустарником и одиночно стоящими деревьями; на ней много цветов. Площадь останца около 45 тыс. м². Естественная высота горы в юго-западной, наиболее высокой, части —

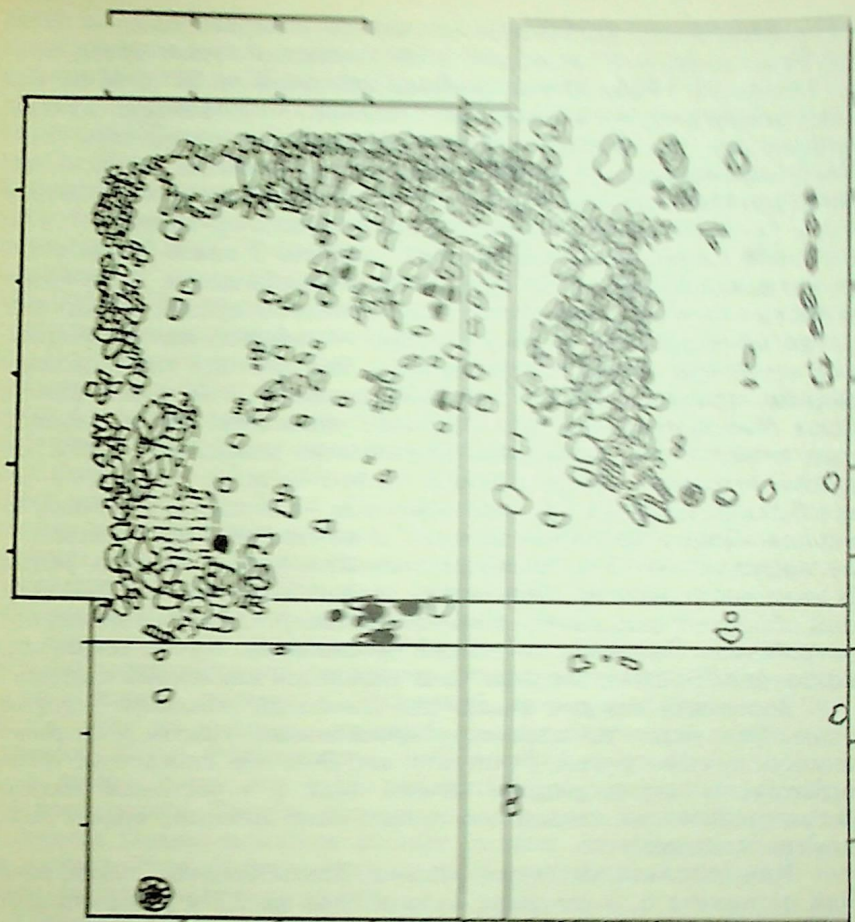

Рис. 43. План жилища 1 на горе Шанка.

23,4 м, в северо-восточной — 18 м. В северной части городища выявлено более 40 западин. Их, вероятно, большие, но вся площадь городища (268 м²) покрыта густым орешником, высокой травой.

Разрезы всех трех шурфов одинаковы. Сверху дерновый слой мощностью до 10 см, под ним серо-желтый суглинок толщиной 10—15 см, глубже — слой тяжелого грубокоричневого суглинка мощностью 40—55 см, материк — уброчно-желтый комковатый суглинок.

Жилище 1 расположено в западной части г. Шанки, рядом с рвом. На поверхности видна западина, длина ее с севера на юг — 8 м, с запада на восток — 7, глубина — 0,9 м. Длинной стороной западина ориентирована по линии юго-восток — север-северо-запад (рис. 43).

Заполнение жилища следующее. Сверху дерн мощностью 7—10 см, под ним — серо-желтый суглинок толщиной 10—15 см, глубина залегания от поверхности 10—20 см, подстилает его слой светло-коричневого суглинка с углистыми включениями мощностью

стью 15—30 см, глубина залегания от поверхности — до 40 см. Глубже — черный углистый слой (упавшая кровля дома), мощность его от 19 до 35 см, глубина залегания от 30 до 60 см. Под ним темный гумусированный суглинок — заполнение жилища, мощностью 10—60 см, глубина залегания от поверхности 70 см. Слой однородный. В его основании темная полоса в 1 см — пол жилища. Он сохранился не везде, очень четко прослежен у пикетов 4 и 5, а также в северной части бровки у пикетов 1 и 2, в 20—30 см от кана с внутренней стороны. У самой бровки и частично в ней (у пикета 3) лежали два больших камня. Вдоль бровки и частично в ней на уровне пола зачищено красное прокаленное пятно шириной 30—50 см. Материк — умбристо-желтый комковатый суглинок. Сразу же под дерном был зачищен кан П-образной формы, примыкавший к западной, северной и восточной стенкам дома. Кан состоял из трех основных элементов: очагов, дымоходных каналов (над которыми расположены лежанки) и трубы. Подушки-лежанки, расположенные вдоль стен дома, — секции — могут быть названы по ориентировке стен — западная, восточная, северная. Длина западной секции 5,5 м, северной (центральной) — 5, восточной — 3 м. В северо-восточном углу кан имел разрыв. В этом месте камни обнаружены только на глубине 130—160 см, они образуют скопление, связанное с конструкцией дымоводящего устройства. Сохранность секций неодинакова. Лучше сохранилась восточная. Боковые стороны кана выложены каменными плитами.

Восточная секция имела два дымохода; западная, вероятно, тоже. Это видно по характеру прокаленного участка и сохранившегося лучше других участка в кв. 3-А, где поперечные плиты ограничены двумя рядами камней (как и в восточной секции). В северной части сохранился только один дымоход, второй сплыл внутрь жилища.

Кан отапливался двумя очагами. Вдоль западной стенки, начиная от пикета 6, в северном направлении на 2,7 м распространяется прокаленный слой ярко-красного цвета. Мощность прокаленного слоя 20—25 см, у основания — до 50 см. При разборке его встречены многочисленные остатки жженных косточек, включая птичьи и рыбьи. В устье восточного колена зачищен красный прокаленный слой (1×1,8 м), проходящий от основания камней вверх на 10—15 см. Часть камней у устья стояла вертикально. Здесь же найдены нижняя челюсть свиньи и трубчатая кость.

Камни кана лежали на глиняном возвышении, в 60 см от пола. В 35 см от пола вдоль всей западной внутренней стенки кана идет тонкая (1 см) черная полоса. В центральной части черный слой продолжается на том же уровне от пола жилища, в центре увеличивается до 30 см, по краям утончается до 5—10 см. В западной секции кана под слоем камней выявлены следующие слои: темный гумусированный суглинок с включениями камней мощностью до 30 см; основной слой — светло-коричневый суглинок — мощностью до 55 см, глубина залегания от 147 до 174 см от условного нуля. Углубления в материке, соответствующие каналам кана, обрамлены тонким слоем темного гумусированного и красного прокаленного суг-

линка, глубже — материк. В северо-западном углу кана под камнями прослеживается светло-коричневый суглинок с углистыми вкраплениями мощностью до 25 см, глубина залегания его 120 см; под ним — темный гумусированный суглинок мощностью до 25 см, глубина залегания до 150 см; глубже — светло-коричневый суглинок мощностью до 50 см, глубина залегания до 179 см, под ним — материк. В центральной части кана сверху — темный гумусированный суглинок с углистыми вкраплениями мощностью 20—60 см, глубина залегания его до 150 см. В нем две линзы черного углистого и красного прокаленного суглинка толщиной до 10 см, глубина залегания 114—116 см. Под темным суглинком — светло-коричневый суглинок с углистыми вкраплениями мощностью до 50 см, под ним — материк.

При окончательной зачистке пола жилища под каменным основанием кана обнаружена прослойка из темной гумусированной земли с вкраплениями древесного угля, содержавшая редкие камни, которые несут следы воздействия огня. Прослойка точно повторяет форму кана (П-образная со слегка округленными углами) и имеет мощность 20—25 см. Помимо этого обнаружено два пятна, одно из которых имеет заполнение в виде красного прокаленного суглинка, другое — в виде темно-коричневого суглинка с вкраплениями древесного угля. На полу под каном (от северо-восточного угла на запад) лежал ряд горизонтальных плит.

Жилище имело прямоугольную форму, близкую к квадрату (6,6,4 м), ориентировано сторонами по странам света. Вход находился с южной стороны. С восточной стороны обнаружены два столба, один из которых (северный) располагался под углом (сохранилось 52 см). Расположение этих столбов на одной линии, видимо, говорит о том, что стены жилища были деревянные, столбовой конструкции. Столбы расположены от кана на расстоянии до полуметра. Однако поиски остальных столбов, которые должны были располагаться по периметру жилища, результатов не дали. Не были прослежены и ямки от них.

Внутреннюю конструкцию жилища выявить в полной мере также не удалось, отчасти оттого, что большая часть камней с кана сползла внутрь. Можно только сказать, что помимо двух основных очагов у канов в жилище в юго-восточном углу был еще один, дополнительный. Рядом на полу лежали две большие каменные плитки, одна из которых частично перекрывала другую. К западу от восточной секции кана на полу помещения зачищена небольшая выкладка (0,5,1 м), примыкавшая к кану (возможно, это рухнувшие с кана камни, так как отдельные камни стали попадаться на глубине 112—130 см). Пол дома находится на глубине около 160 см. В 1,6 м на восток от восточной секции кана на глубине 59 см выявлен деревянный столбик высотой 14 см, в 20 см севернее, на глубине 76—87 см, — стенка из пяти вертикальных плашек. Стенка имела наклон в противоположную от жилища сторону. На глубине 150 см рядом со стенкой зачищен черный углистый слой.

Судя по находкам, среди которых целых вещей мало, жилище 1 было покинуто в спокойной обстановке, все ценные вещи взяты с собой. В доме были оставлены только негодные к употреблению изделия

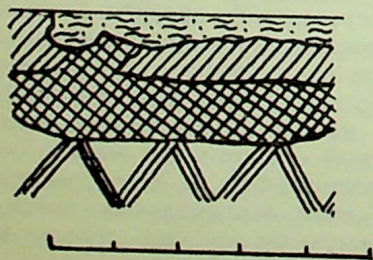
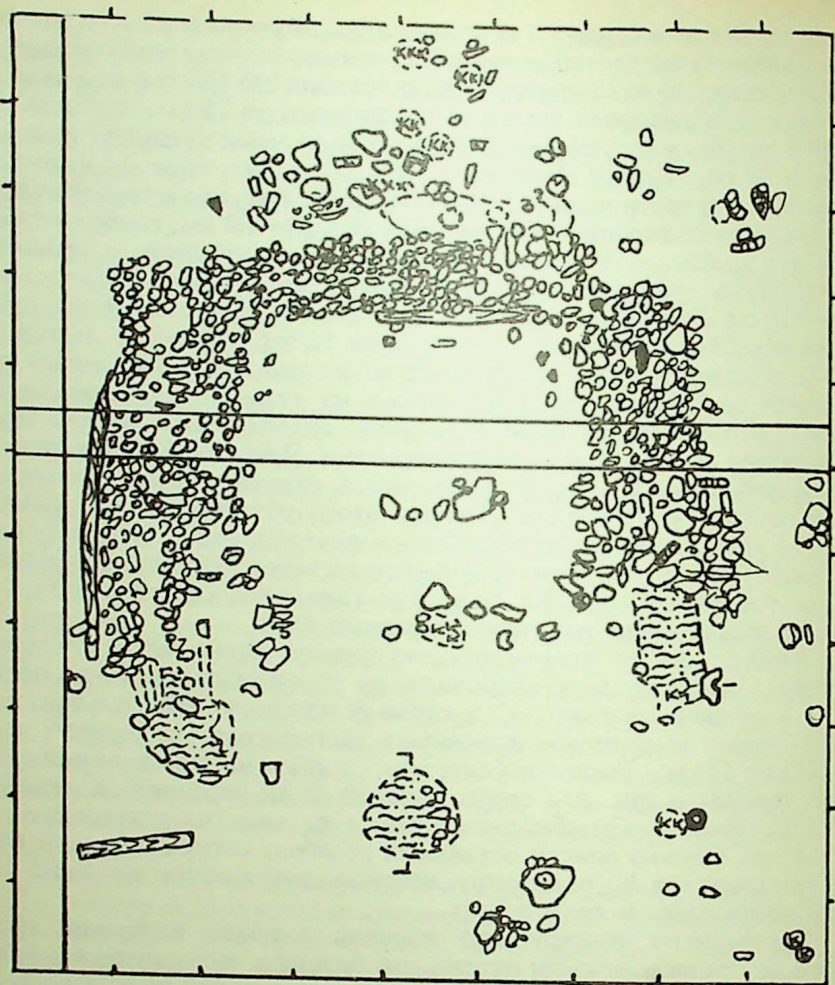

Рис. 44. План жилища 2
на горе Шапка.

и битая посуда. Часто встречавшиеся фрагменты керамики находились как в помещении, так и вне его. Часть хозяйственных отходов выбрасывалась, по-видимому, в ров, где найдены керамика, кости.

Жилище 2 (рис. 44) расположено в 3,5 м на юго-восток от жилища 1. Размеры западины на поверхности жилища: с севера на юг 5 м, с запада на восток 4 м. По ее краям на поверхности видны камни кана П-образной формы. Сторонами он ориентирован по странам света. Длина западной секции — 4,8 м, восточной — 3,6, северной, центральной, — 5,2 м. Кан отапливался с двух сторон: с южных торцов западной и восточной секций, где прослежены прокаленные участки красного цвета. Труба находилась в северо-восточном углу дома.

Жилище 2 имело почти квадратную форму (8,5×8 м). Вход был с южной стороны, ближе к восточной стенке. Там на глубине 76 см открыт подпятный камень с конусовидной ямкой диаметром 12 см, глубиной 12 см, в этом углублении вращалась дверь. В метре от подпятного камня на восток зачищены остатки деревянного столба. Дом был однокамерным, с деревянными стенами, остатки которых зачищены. В южной его части находился дополнительный очаг, длина его с севера на юг 100 см. С восточной стороны очаг оконтурен камнями, сложенными полукругом.

В жилище 2, как и в жилище 1, основная масса находок — фрагменты керамики и костей.

В жилище 3 расчищен кан, северо-западный угол которого закруглен. В северо-восточном углу кана почти метровый провал без камней — в этом месте была труба. Как и в первых двух жилищах, кан двухканальный. Ширина каждого дымохода 40—45 см. Боковые стороны кана сохранились лучше, чем центральная, расположенная вдоль северной стенки дома. Камни от внутренней северной стенки упали по направлению к центру помещения. Камни от внешней стенки тоже сползли вниз. Наверху сохранились поперечные плитки дымохода, лежавшие наклонно по направлению и к северу (большая часть), и к югу. В северо-западном углу кана с внешней стороны находилось прокаленное пятно. Западная секция кана сохранилась лучше, чем восточная. У восточной секции стенка дымохода, обращенная к центру жилища, разрушена полностью. Плиты с дымохода сплыли к центру дома.

Восточная часть устья кана сложена из мелкого плиточного камня и крупных галек. На глубине 62 см обнаружен подпятный камень. Диаметр отверстия в нем 15 см, глубина отверстия 13 см. От восточной стенки жилища камень отстоял на 3 м, от северной стенки кана — на 8 м.

В юго-восточном углу кана, на месте трубы, лежала обгоревшая плаха. Внутри пространства, окаймленного каном, зачищены вертикально стоявшие деревянные столбики диаметром 8—15 см. Первый столбик сохранился на глубину 70 см, второй — на глубину 75, третий — 60, четвертый — 70 см. Столбы стояли на полу, образуя внутренний четырехугольник со сторонами 3 м и 2 м 70 см.

Вокруг подпятного камня обнаружено скопление костей (80 шт.), обгоревшие плашки. Здесь же найдены железная ручка от котла и железная пластина.

Пол жилища ровный, только у подпятного камня имелись земляные ступеньки. Уровень кана и подпятного камня почти одинаков, подпятный камень поднят над полом на 1 м, на высоте 1,1—1,25 м от пола сооружен кан. Выше он в северной части жили-

ща, устья его чуть ниже. Западная секция выше восточной. У северной стенки кана — материковая ступенька шириной 50 см, высотой 40 см. Возможно, по ней поднимались на кан, где могли быт нары, или же это была ступенька-сидение перед столом, который стоял в центре. У восточной стенки кана, внутри дома, находилась ступенька шириной 70 см и длиной 1,20 м, высота ее 25—30 см.

Жилище 3 похоже на раскопанные ранее. Как и первые два, оно ориентировано по странам света. Размеры его 5,6×6 м, оно прямоугольное в плане, вход в него с южной стороны. В жилищах 2 и 3 подпятные камни одинаково удалены от боковых стен дома. Надо отметить, что в домах этого типа было только четыре столба, стоявших в центре, а у боковых стен, т. е. за каном, столбиков нет. Но большая плаха, расположенная вдоль восточной стенки помещения, — свидетельство того, что за каном, на земляной подушке, лежала внешняя рама-обвязка для кровли. Кровля опиралась на стенки котлована. Дома стояли близко друг к другу, расстояние между ними не превышало 1 м, и на этом узком пространстве не было ни одного столба.

Площадь городища огромна, мы вели раскопки в главной его части, окаймленной высокими склонами и валами. Решено было заложить раскоп и в дополнительной пристройке к горе Шапке. Эта площадь тоже обнесена валом, но он намного ниже, чем в центре горы. Уровень обнесенной валом территории совпадает с уровнем равнины, окружающей эту единственную возвышенность. Здесь часто встречаются болотистые, низменные участки почвы. Кочковатые берега проток, сейчас почти пересохших. Но в дождливое лето поймы заливаются. Трудно представить, что в нижней части городища находились такие же дома, как наверху. Но наличие ям-западин свидетельствует о том, что и на этой территории кипела жизнь. Поэтому мы и разбили второй раскоп внизу и обозначили яму-западину — жилище 4.

От южных ворот через всю крепость проходит дорога к северным воротам внутреннего вала, за этими воротами лежит большая терраса, обнесенная полукруглым валом (высота 1,5—3 м) и вся покрытая ямами. Очевидно, здесь находилось главное местожительство крепостного населения.

При снятии дернового слоя были найдены оселок из окаменелого дерева, фрагмент изделия из китайского фаянса, фрагмент железной скобы, овальное кольцо из железа, фрагмент железного изделия, три фрагмента сосуда из станковой орнаментированной керамики. В центре раскопа обнаружены фрагменты одного сосуда красноватого цвета и китайская монета. При снятии поддернового слоя обнаружены фрагменты керамики и железных пластин, два железных гвоздя, латная пластина, обломок сошника и кольцо от конской сбруи, фрагменты орнаментированной керамики, скопления фрагментов станкового сосуда темно-серого цвета, три латные железные пластины, фрагмент железной ступицы, несколько фрагментов станкового сосуда красноватого цвета, две железные скобы, фрагмент железного котла, бронзовый нож, наконечник стрелы. На глубине 80 см зачищены две деревянные жерди. От пикета 8 до пикета 10 видны замывы в мешаном суглинке.

На раскопе 2 зимнего жилища с каном, вопреки предположениям, не оказалось, хотя следы хозяйственной деятельности присутствуют. Возможно, на этом месте были и навесы, и дома легкого типа, которые использовались только летом. Здесь могли жить земледельцы и скотоводы-пастухи, основная работа которых протекала за стенами городища. Раскопки только начались, и дальнейшие исследования дадут нам новые материалы. Но уже сегодня можно с уверенностью говорить о том, что это городище было укрепленным форпостом амурских чжурчжэней и датируется оно XI—XII вв. Монеты, раскопанные в жилищах, имели хождение в годы правления Чуннин (1102—1106 гг.) и Юаньфэнь (1078—1085 гг.).

Кроме того, нужно отметить, что городище на горе Шапка относится к типу мысовых, или нагорных, которые известны в Приморье и принадлежат приморским чжурчжэням. Одно из них — Шайгинское городище, расположенное в 9 км к северо-востоку от с. Фроловка Партизанского района и в 3 км к югу от с. Сергеевка на горном мысу¹. Удивительно похожее по планировке городище раскопано на стоянке Одзука (префектура Канагава)². Относится оно к яёйскому времени (рис. 45).

Раскопки на горе Шапка имеют большое значение. Они позволяют выяснить конструктивные особенности чжурчжэньских жилищ, их внутреннюю планировку, устройство отопительной системы. На городище раскопано жилище XI в., датируемое китайской монетой. Нужно отметить, что в Приморье чжурчжэньских жилищ XI в. обнаружено немного. Одно из них вскрыто на Екатериновском городище³. По планировке оно подобно амурскому дому. И в том, и в другом кань двухканальные. В доме два очага. Только у приморского жилища вход расположен с восточной стороны; естественно, и кан ориентирован соответственно входу. Задняя стена кана идет вдоль западной стороны дома. В XII в. традиция постройки дома остается прежней и в Приморье, и в Приамурье. Об этом свидетельствуют раскопки и на горе Шапка, и на Шайгинском городище. В Приморье раскопано более 200 жилищ этого времени⁴. Стены домов были деревянными и имели вид плетня — столбики отстояли друг от друга на расстояние 30—40 см. Плахи, обнаруженные вдоль стен жилища, представляли собой остатки деревянной крыши. Археологические данные подтверждаются и письменными источниками.

«Чжурчжэни жили, по большей части, держась горных долин, срубали из деревьев забор (заграждавший вход в долину?), который некоторые закрывали досками с древесной корой берез; стены в жилищах строили также из дерева. Так как здесь зима весьма холодна, то жилища имели в высоту не более нескольких футов и в них проделывалась одна только дверь с юго-восточной стороны; когда она затворялась, то еще опутывалась травой. На полу сбивался из земли род печи, нагреваемый снизу; на ней спали, ели и жили». По другому источнику, жилища чжурчжэней «были повернуты спиной к северу и смотрели на юг»⁵.

Раскопки городища на горе Шапка имеют большое значение и для восстановления непрерывной цепочки в развитии жилища с ка-

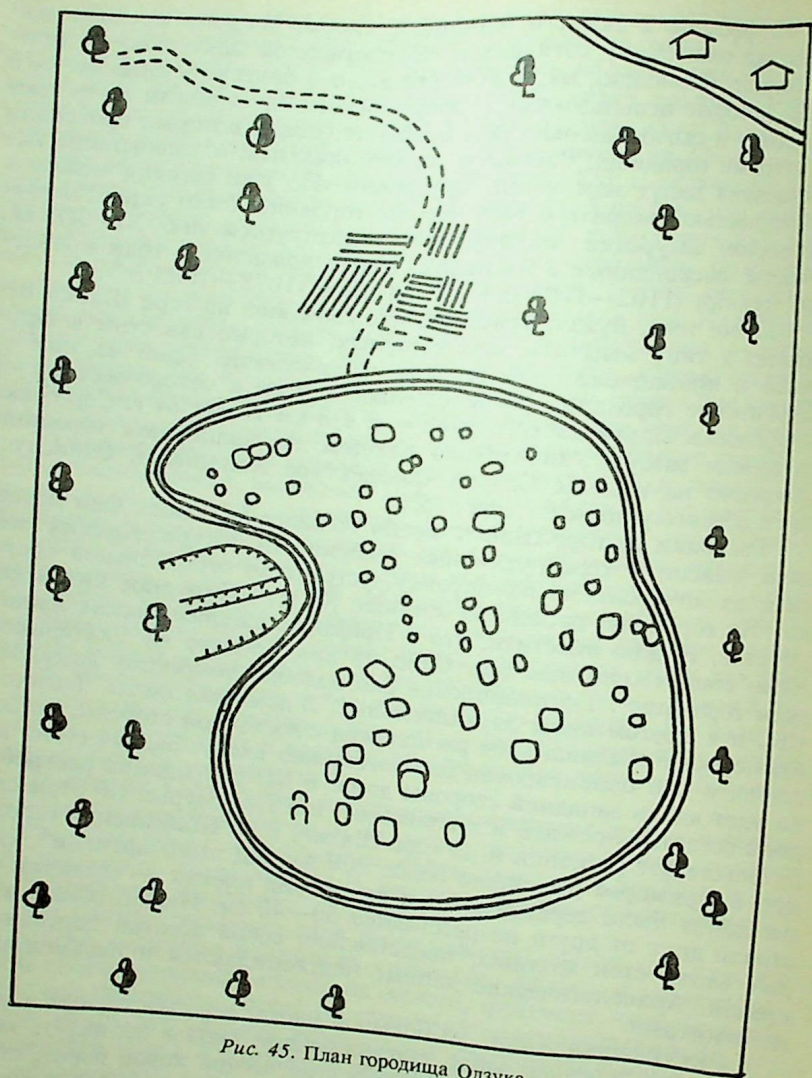

Рис. 45. План городища Одзука.

ном. Возможно, очаги, обложенные плитками камня, были прообразом канов. Когда древний человек оценил способность камня долго сохранять тепло, он устроил вдоль трех стен своего жилища кан, выложенный камнем. Это была принципиально новая система отопления полуподземных домов.

Откуда взялись дома с каном? Почему они сменили традиционные амурские жилища? Заимствовали ли их мохэсцы у каких-то других племен или иной этнический коллектив пришел на Амур, принеся с собой свои архитектурные традиции?

Рис. 46. Жилище с каном у г. Хабаровска.

20

Попытаемся ответить на эти вопросы. Впервые жилище с каном на Амуре (близ с. Нижнетамбовское в пади Большой Дурал) раскопал А. П. Окладников. «Под дерном обнаружили камни, располагавшиеся плотной кладкой из массивных торцов в виде буквы П. Это несомненно остатки каменных сооружений для сна, теплых лежанок, т. е. канов. Каны располагались против входа — у задней стенки и по боковым стенкам жилища. У входа, слева от него, сохранились остатки печи в виде огромного валуна и находившейся против него кучи камней»⁶. Подобные жилища раскопаны А. П. Окладниковым также у детского

19

18

17

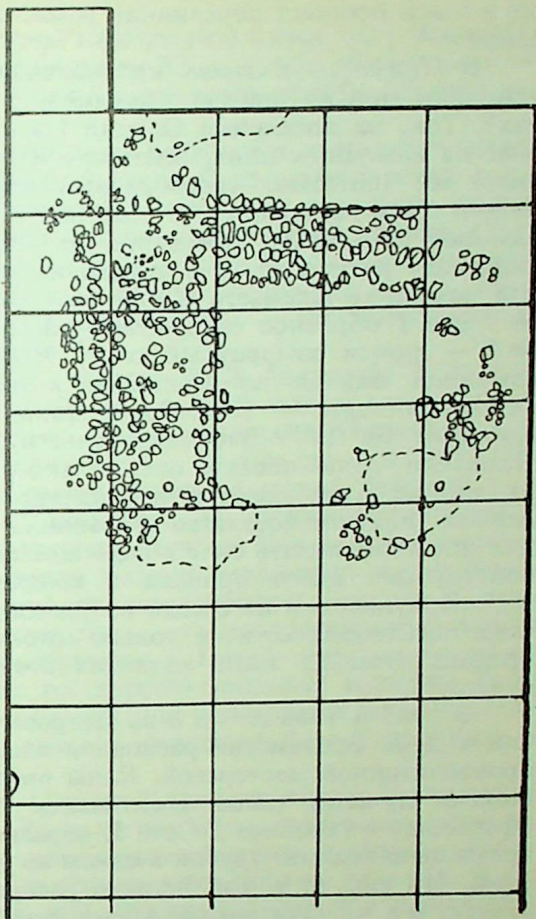
16

15

14

13

12

санатория около Хабаровска. Жилища третьего слоя он датирует XII—XIII вв., четвертого — XVII—XVIII вв. (рис. 46). Но эти жилища отличались от жилой постройки в пади Большой Дурал тем, что они были наземными, с выходом на юго-восток⁷.

Когда же на Дальнем Востоке появились дома с каном? Самые ранние из них принадлежали людям неолитической эпохи, которые искали наилучший вариант обогрева дома при малых затратах полезной площади под очаги. Большой интерес в связи с этим представляют раскопки А. П. Окладниковым неолитического поселения в с. Кондон на Нижнем Амуре. «Замечательной чертой внутреннего устройства дома в Кондоне были очаги и ямы бытового назначения. Очаги в Кондоне имели необычное устройство. Они представляли собой после расчистки неглубокие ямки в виде длинных прямоугольников длиной до 1,5 м при ширине около 0,5 м. Геометрическая правильность их очертаний не оставляет сомнений в том, что при устройстве очага сначала со

оружалась прочная деревянная рама, которая и служила его основанием»⁸.

В Приморье в домах кроуновского этапа (III—I вв. до н. э.) отмечены детали очагов, получившие дальнейшее развитие в канах⁹. Так, на поселении Олений I в каждом жилище «сооружался очаг из каменных плит, поставленных на ребро и перекрытых такими же плитами, своеобразный каменный ящик с земляным полом. Очаг находился у северной или западной стены. Высота каминов 25—30 см, основания их углублены в пол на 2—4 см. Поражает разнообразие в конструкции очагов. Едва ли не в каждой землянке Оленьего I очаг был построен по-иному. В жилище № 7 это Г-образное сооружение размерами 68×45 см, в землянке № 9 — почти квадратный очаг, 70×60 см, разделенный внутри каменной плитой на 2 камеры; в жилище № 10 — вытянутый каменный ящик — 1,06×0,4 м, таков же один из трех очагов в землянке № 2»¹⁰. Это свидетельствует о том, что кроуновские строители вели поиски оптимального варианта очага. В одном из жилищ слой красной прокаленной земли прослеживался под нарами. Близкое соседство деревянных нар и стен заставило древних печников делать очаг в виде каменного ящика. Поиски лучшей конструкции очага привели в конечном итоге к созданию кана. «Кроуновцы и их соседи из Тхэсонри изобрели кан, в кроуновских поселениях есть не только готовые каны в домах, но и два предшествующих этапа развития этой системы из камина-очага и нар»¹¹.

В 1965 и 1966 гг. на о-ве Петрова (Приморье) А. П. Окладников и Д. Л. Бродянский раскопали жилища с Г-образным каном и бронзолитейной мастерской. Каны были двух- и трехканальными. Поиски лучших типов закончились к рубежу нашей эры. Кан оформился в стройное Г- или П-образное сооружение, с двумя или тремя дымоходами, трубой в одном из углов, а позднее — за углом дома. В I тыс. н. э. кан широко распространился в Приморье, на Амуре, а в чжурчжэньское время стал единственной отопительной конструкцией в домах¹². В Приморье в ольгинской культуре встречаются жилища без кана¹³ и с каном¹⁴. А на позднем этапе бохайской культуры полуподземные жилища сменяются наземными домами с канами: односекционными, Г- и П-образными, с одним — тремя каналами¹⁵. У чжурчжэней Э. В. Шавкунов выделил пять типов канов: 1) П-образный с двумя очагами; 2) П-образный с пятью очагами; 3) П-образный с одним укороченным коленом; 4) Г-образный, состоящий из левого колена с очагом перед ним и заднего колена; 5) П-образный с тремя очагами. На Осиновском средневековом поселении «жилище, ориентированное входом на юг, имело П-образный кан с тремя очагами, один из которых был расположен на расстоянии 1 м от передней стены перед левым коленом кана, а два других — перед правым коленом кана, непосредственно у входа. Кан, как это характерно для всех чжурчжэньских жилищ второй половины XII в., имел три дымоходных канала, выложенных сверху большими плоскими каменными плитами. Труба находилась снаружи против средней части задней сте-

ны жилища, что является одной из отличительных черт Осиновского жилища. У домов второй половины XII в. труба обычно расположена на одном из задних углов, чаще всего вблизи правого угла жилища»¹⁶.

Заметки о жилищах чжурчжэней имеются и в древних летописях. «В их обычае жить в горных долинах. Связывают деревья в чаше-токол. Жилища высотой в несколько футов, без черепицы, крытые жердями и ветками, или корой березы, или плетеной травой. Стены плетут из ветвей. В них делают деревянные двери, которые обра-зжены к востоку. Вокруг жилища делают глиняный канал. Внизу разжигают огонь, спят, едят и сидят на нем — это называется каном. И получают от него тепло»¹⁷.

А. П. Окладников, а вслед за ним Ж. В. Андреева, Э. В. Шавкунов, Л. Е. Семениченко, Д. Л. Бродянский склонны считать, что зачатки отопительной системы кан появились в Приморье и на Амуре уже в раннем железном веке — в I тыс. до н. э. В. С. Стариков же утверждает, «что распространение теплой лежанки у северных китайцев... связано с киданями. На территорию современного Северного Китая, входившего тогда в Киданьскую империю Ляо, а также на смежные земли кидани переселяли из Маньчжурии массы бохайцев, уже применявших теплую лежанку в своем быту. Более того, можно допустить, что распространение теплой лежанки способствовало переселению в Китай десятков тысяч кугорцев после разгрома их государства войсками империи Тан в 669 г.»¹⁸ Раскопки киданьских городищ в Монголии свидетельствуют о существовании юрт с канами (городище Дээд-Улаан-Урэг на р. Керулен)¹⁹.

Как уже говорилось, в Амурской области жилищ с канами до 1981 г. не было раскопано. Здесь во все эпохи сооружали очаги округлой формы, обложенные каменными плитами, а также квадратные или прямоугольные, обложенные деревянными плахами. И так до времени прихода чжурчжэней. Любопытно, что и в памятниках ольгинской культуры Приморья, синхронных по времени мохэским, очень сходных по инвентарю, ряд жилищ не имел кана (поселения Синие Скалы, Малая Подушечка). На Амуре у с. Михайловка раскопано мохэское городище, обнесенное валом и рвом. На нем было 36 западин от полуподземных жилищ. Во всех жилищах (явно не летних) имелись простые очаги, но не было канов.

Таким образом, на Амуре и в Приморье этнически родственные племена пользовались очагами. Однако у одной из групп племен (предков бохайцев) сооружались и каны, конструктивное разнообразие которых проявилось у чжурчжэней. Исследования Э. В. Шавкунова и М. В. Воробьева показывают, что китайцам в древности не был известен кан, поэтому так подробно описывают его устройство у чжурчжэней древние китайские летописи. Однако позднее кан появился и в китайских жилищах, и, как отмечает В. С. Стариков, он сооружался не только в зимних домах, но и в летних. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения о том, что наличие в одновременных памятниках жилищ с каном и без него свидетельствует о сосуществовании в течение какого-то времени

старой и новой форм очага. Затем происходит полная замена одного типа другим. На Среднем Амуре эта смена жилищ могла произойти к X в. К этому времени и относятся раскопанные жилища с каном на горе Шапка.

В этнографическое время жилища с каном были широко распространены у нанайцев²⁰, ульчей²¹, нивхов²², эвенков²³, маньчжуров и северных китайцев²⁴, удэгейцев²⁵.

Итак, самые ранние жилища с каном на Нижнем Амуре и в Приморье относятся к неолитическому времени. На Среднем Амуре, в Корее и Китае они распространились позднее. Это говорит о том, что отопительная система кан — не китайского происхождения.

Но кан распространен не только на Дальнем Востоке, но и в Центральной Азии. Впервые он появился там у гуннов²⁶. П-образная система отопления имела и в домах монгольских городов XIII—XIV вв.²⁷ В золотоордынское время бытовала та же система отопления, хотя на смену ей пришли прямая суфа и печь²⁸.

«Топки канов в домах Нового Сарая представляют собой округлые или прямоугольные камеры, покрытые внутри слоем сильно прокаленной глинистой обмазки. Диаметр округлых топок колеблется от 40 до 70—80 см; размеры прямоугольных топок от 44х50 до 80х90 см. Отверстия, ведущие из топки в каналы дымоходов, расположены значительно выше пода печи, чтобы избежать их засорения золой и углями. В конце горизонтальные дымоходы соединяются вместе и переходят в вертикальный дымоход, который часто делался из глиняных труб. Сохранившиеся основания вертикальных дымоходов показывают, что они имели квадратное или круглое сечение»²⁹.

Вертикальные трубы, вынесенные наружу, за одну стенку дома, обнаружены при раскопках в Старом Сарая³⁰ и в Маджарах³¹.

Глиняные суфы и каны появлялись в Средней Азии в юго-восточных районах, наиболее близких к центрально-азиатскому региону³². Кан свойствен жилищам долговременным и связан с оседлым образом жизни. При строительстве дома вначале рыли котлован в земле, сооружали кан, затем возводили деревянные стены. П-образная форма его обусловлена прямоугольным планом жилища, утилитарным назначением теплой лежанки. На теплых канах в холодное время года протекала жизнь всей семьи. Следует, однако, отметить, что на городище Шапка раскопано жилище 5, где кан имел Г-образную форму.

Строение 5 (рис. 47) отличалось от предыдущих — это была металлургическая мастерская. В ней тоже вскрыта отопительная система в виде одноканального кана, но не такая, как в других домах. Одна секция расположена вдоль западной стенки жилища, в 2 м от нее. У пикета 26 кан плавно закругляется, и северная его часть (очень короткая — 2 м) тянется вдоль северной стенки. У этого конца кана было устье с топкой: прослежен слой прокаленной красной земли мощностью от 10 до 30 см. В одной из стен кана — провал, на этом месте была труба, а крупные камни, из которых обычно клали трубу, свалились вниз.

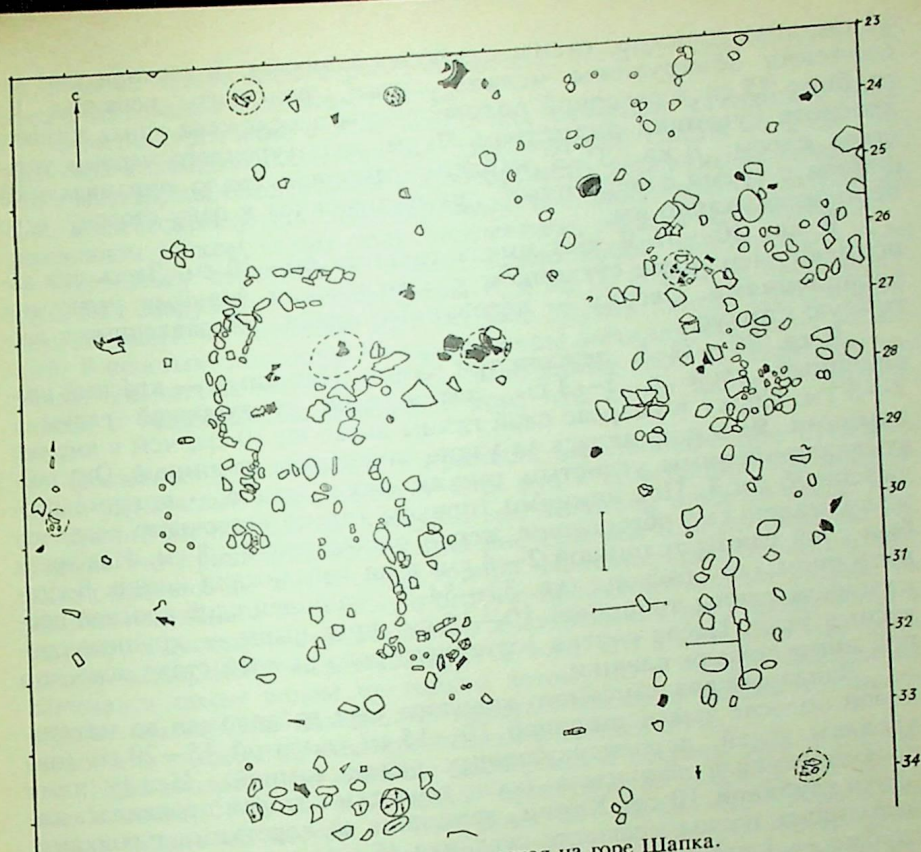

Рис. 47. Жилище-мастерская на горе Шапка.

Как и в других жилищах, находки керамики, костей обнаружены в основном за каном, в северо-восточном и северо-западном углах.

В центре южной части строения зачищена яма с заполнением из красной прокаленной земли вперемешку с множеством угольков. В юго-восточном углу обнаружена яма, заполненная мешаным суглинком с вкраплениями угля. Диаметр ее — 1 м. Стенки почти прямые. На глубине 75 см от поверхности пятна шел зольный слой толщиной 5 см. Дно ямы чашевидное. На глубине 15 см от поверхности пятна залегал интенсивный прокаленный слой с крупными углями, особенно у границ ямы. В северо-восточном углу мастерской зачищено углистое пятно черного цвета, насыщенное в центре и осветляющееся по направлению к северу и востоку. Здесь же лежали фрагменты плахи, куски обожженной докрасна глины. Под пятном — зольный слой (10 см), ниже — небольшие куски бересты. В этом углу много остатков деревянных конструкций. Пятно окантовано черной прослойкой, восточная его граница уходит под восточную стенку дома.

В 2 м от этого пятна зачищена яма, заполненная темным гумусированным суглинком с углями, диаметр ее 1,1 м, глубина

[illegible]

ля, а также обгоревшей черной керамики. Стены, с небольшим наклоном внутрь. В металлургическом комплексе под камнями в толщине 6 см, глубже слой красной глины. В мастерской обнаружены не обгоревшие углы, а древесный уголь, подтверждающий, что в этом строении не обжигали. Поскольку в строении не обжигали, то, следовательно, оно было сооружено в 5-6 в. н. э. части —

с обгоревшей черной керамики. Стен
В металлургическом комплексе под камнями
ный слой толщиной 6 см, глубже слой красной гли
что в мастерской обнаружены не обгоревшие деревянные
деревянный уголь, подтверждающий тот факт, что
Поскольку строение 5 представляло собой маст
был сооружен в форме буквы Г, а не П. В нем не
В части — удобных нар. Он уже других канов, од
а в чистых мастерских не было канов вообще. Поэ
с уверенностью сказать о том, что перед нами —
содержат примеси, выделяющие при про
Плавка этих руд в помещении без пре
шливые газы. Плавка вне жилища, вряд ли была в
их обжига на воздухе, вне жилищ или на окраине
привело к появлению оседелений криц предполагаю
их ям и глиняных горнов. Находки криц предполагаю
ного промысла в особую профессию и сбыт железа на
юда и строительству о том, что в ней жил мастер и
кой свидетельствует о том, что в ней жил мастер и
м делом не только летом, но и зимой. Поскольку
ой находились простые жилища, можно предполо
из них жила семья ремесленника.
что жилище-мастерская 5 по размерам такое же,
3, и занимает пространство с севера на юг —
сток — 9 м. В кв. 28—32—Ш—Щ—Э располо
ургический комплекс, в кв. 30—33—Я—В—
25—Ю—Я—А—Б— третий, больше всего на
ую печь. В квадратах 25—26—27—28—
скопление каменной плитки. Видимо, мас
нь для канов. Первый металлургический
териковом слое. В кв. 30—Ш—Э было уг
формы, по краям которого сохранились
же лежало сопло, закопченное, разби
отличается от тех, что раскопаны на
ла цилиндрической или конической
й, с двумя отверстиями в одной пло
30—Ш—Щ, находилось еще одно
авка, обложенная с западной и
м. Рядом с трубой —
камни, с которыми
древесного угля
расположены в
части
спе

лакованной поверхностью свидетельствуют о том, что горн был сложен из камней, обмазанных огнеупорной глиной. Воздуховодные канавки поднимались от ямы вверх. Длина плавильного горна 2 м, ширина 70—80 см, глубина 0,4 м. С северо-западной стороны к камере горна подведена фурма под углом 30°, ориентированная по длинной оси сооружения. Камера горна заполнена остатками золы, прокаленной и спекшейся глиной, древесным углем. С юго-восточной стороны был простейший мех кузнечного типа для нагнетания в горн воздуха, от которого осталось только глиняное сопло.

В кв. 32-Щ—Э, на границе пикетов, стоял обгоревший деревянный столбик. Относился ли он к этому комплексу или к жилищу, не ясно. Заполнение в углублении в кв. 31-Щ—Э следующее. Сверху обуглившееся дерево, углистая земля — 24 см, ниже слой золы — 5—6 см, оконтуренный красной прокаленной глиной толщиной 2—3 см. Дно углубления чашевидное. Более узкая часть горна обложена с двух сторон каменным плитняком, уходившем в землю на 15—18 см. Камни остались лежать на своих местах, и только две плитки упали в центр этого коридора. Сбоку и над камнями, которыми обложены стены этого сооружения, зачищено обуглившееся дерево. Края этого каменного коридора сплошь прокалены. От углубления идут две воздуховодные канавки, вдоль их по бокам зачищены отдельные камни, земляные стенки канавок красные, прокаленные. Высота западной стенки канавки 12—14 см, восточной — 35 см. В северо-западной части комплекса — небольшая ямка, диаметр ее 30 см, глубина 30 см. Как и другие, расположенные рядом, она была предназначена, очевидно, для хранения необходимого инструмента ремесленника, запасов топлива, сырья, шедших на загрузку горнов, а также для сброса отходов и шлаков по окончании плавки железа.

Второй металлургический комплекс расположен в кв. 34-Я—А'—В. На уровне 20—40 см зачищено большое количество обгоревшего дерева, прокаленной докрасна земли. В кв. 30—31-А—В' раскопана яма, в которой сжигали дрова, после чего древесный уголь и обгоревшие докрасна куски глины. Размеры кусков древесного угля одинаковы. Поленья рубили длиной 20—30 см. Укладывали их в ряд, на расстоянии 5—10 см друг от друга. Здесь же перпендикулярно к этому ряду лежат плашки. Между плашками и под ними — красная прокаленная глина. Рядом с этой площадкой находился плавильный горн. Размеры его 90 x 60 см, высота 40 см. Сверху горн был перекрыт темным гумусированным суглинком с большими включениями угольков. Под печи обложен круглыми плитками камня и обмазан глиной. К нему непосредственно примыкало углубление округлых очертаний диаметром 90 см, в северо-восточной оконечности которого находилась небольшая ямка диаметром 40 см. С северной стороны к поду подходила фурма — воздуховодная канавка длиной 1,2 м, двухканальная, ширина каждого канала 20 см. Канавка почти прямая, с небольшим подъемом к северу.

Такие же мастерские были открыты в местности Бянкин луг на Верхнем Амуре. У д. Новопокровка на Среднем Амуре обследованы остатки поселения с металлургическими мастерскими.

Во времена чжурчжэней получает дальнейшее развитие система укрепленных городищ. На городище Шапка наблюдалось трехчастное деление пространства внутри вала, где каждая часть отвечала за свою оборону. Городища располагались и на равнинах, и на сопках. Площадь их от 3 до 70 га. Они опоясывались одним валом, иногда тремя-четырьмя рядами валов, двойными и одинарными валами. Высота валов от 1 до 12 м. В стенах городищ было, как правило, несколько ворот, все они защищены фланками стен, редутами внутри городищ, видимо, надвратными башнями, которые не сохранились. Валы сооружались земляные или из дикого камня вперемешку с глиной. Внутри крепостей встречалось от одного до пяти поперечных валов.

Городища чжурчжэней отличались от китайских. Китайские — стандартные для равнины, с определенным количеством ворот, башен. У чжурчжэньских городищ нечеткая планировка, не строгая ориентация по странам света, произвольное число ворот и башен. Чжурчжэни использовали китайскую традицию строить укрепленные крепости, но привнесли много своего и проявили недюжинные фортификационные способности. «Они создали систему смешанных горно-равнинных укреплений, которые мы лишь по традиции прощаем именовать горными. Подхватив идею корейских горных замков, господствующих над горными проходами, но больше защищаемых выгодными условиями местоположения, чем фортификационными сооружениями, чжурчжэни применили ее к постройке укреплений на сопках, контролирующих равнины, усиливая также укрепления долговременными фортификационными приспособлениями»³³.

У д. Гродеково, в 6 км от села, на берегу оз. Кривого были обследованы дюнные остатки. Релки сложены из песка, внизу подстилаются суглинками и глиной желтого цвета. Стратиграфия их везде одинакова: сверху наносной (надувной) песок, очень светлый, мощностью 10—70 см, глубже дерн толщиной 4—10 см, под ним гумусированный песок темного цвета, глубже материковый желтый песок. Граница слоев расплывчатая. Слои на границе прошли вкраплениями друг в друга.

На поверхности этих дюн были видны деревянные плахи. При дальнейшей зачистке оказалось, что это остатки трех жилищ. Раскопки жилища 1 (рис. 48) показали, что верхний слой разрушен и занесен песком. Наносный слой составлял 10—12 см, на поверхности выступали черные неровности. При зачистке появились горелые плахи, образующие правильный прямоугольник. Слой над деревом был разрушен, но, видимо, прокален, как и слой песка под деревом, до оранжево-красного цвета. Строение оказалось квадратное в плане со сторонами в 4,2 м. Ориентировано углами на север, юг, восток, запад, с небольшим отклонением. Сверху сохранились плахи, образующие раму, поддерживающую перекрытия. В углах обнаружен завал плах, мелких дощечек, столбиков, сто-

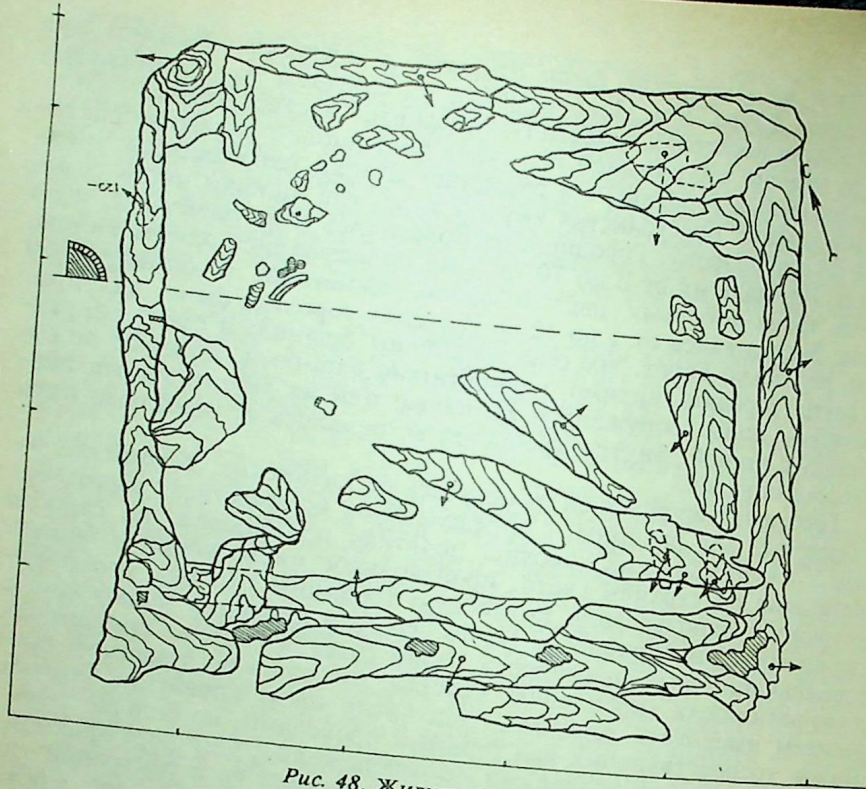

Рис. 48. Жилище 1 (Гродеково).

ящих вертикально. В северном и западном углах найдены фрагменты бревен с подтеской углом. Юго-западная стенка жилища прослежена в виде нижней обкладки, состоящей из широкой (40 см) толстой плахи и нескольких фрагментов вертикальных жердей, стоящих за рамой-обкладкой и примыкающих к стенкам котлована. Дом был полуподземным, все стенки и рамы обвалились внутрь, плахи нижней рамы лежали на полу горизонтально, в южном углу прослойка плаха лежала на полу горизонтально, а в восточном углу — строго горизонтально, в западном углу сохранился столбик, стоящий вертикально, высотой 70 см, диаметром 12 см. Толщина плах 5—7 см. Плахи верхней рамы сохранились вместе с берестой и корой, их клали неошкуранными. Пол в жилище представлял собой плотную темную прослойку толщиной 1—2 см. Магнитерик представлял светлый песок. На уровне верхних балок, в северном углу, обнаружен венчик сосуда бохайского типа, в западном углу обнаружены фрагменты лепного сосуда мохэского типа. На полу лежали железный наконечник стрелы, череп свиньи, бабка лошади без орнамента. Внутри жилища зачищены узкие жерди, лежавшие перпендикулярно основной раме-обвязке.

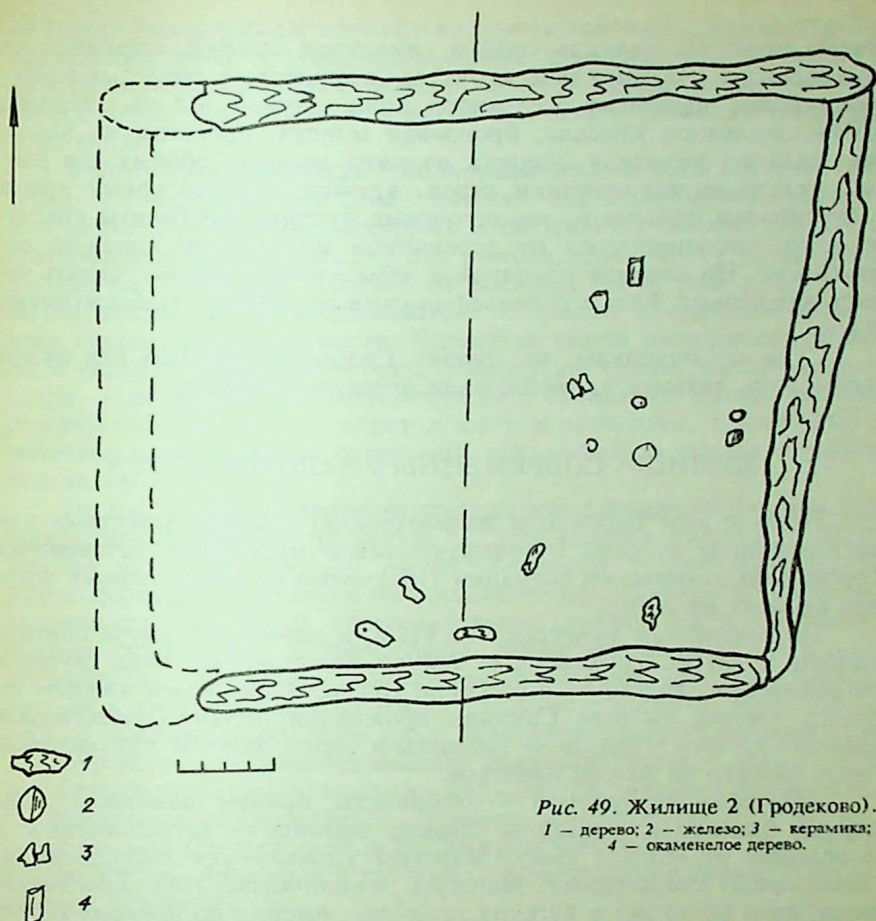

Рис. 49. Жилище 2 (Гродеково).

1 — дерево; 2 — железо; 3 — керамика;
4 — окаменелое дерево.

Очаг в жилище не прослежен. Столбы были только в углах, диаметр их 20 см. Дополнительные столбов в строении не обнаружено.

К юго-западу от первого расчищены остатки жилища 2 без очага (рис. 49). Западная стенка его не сохранилась, три другие прослежены в виде сторевшей рамы-обкладки. Видимо, и это строение было квадратным со стороной 5 м. Рама лежала на полу. На полу же были несколько фрагментов дерева, прокаленные участки песка у рамы-обвязки. В юго-восточной половине жилища обнаружены два фрагмента керамики, пять железных блях полусферической формы диаметром 2,5 см, с одним отверстием на этой выпуклой поверхности. С тыльной стороны бляшек было по два штырька из серебра с продетыми тонкими пластинками на конце.

К западу от жилища 1 зачищено жилище 3. В нем сохранилась одна деревянная плаха, лежащая горизонтально, с небольшим отклонением с востока на запад. Длина ее 4,5 м, ширина 25 см. Три другие плахи не сохранились. На полу лежали фрагменты дерева

(очень мелкие), челюсть свиньи, железная пряжка, состоящая из двух овалов, с подвижным язычком, нефритовый диск с обломанным краем, фрагмент железного ножа длиной 4,5 см, шириной 1,5 см, железное кресало, бронзовая монета, продетая на железное кольцо, железная цепочка из пяти звеньев, обойма для ремня, железные наконечники стрел, крючок, два фигурных крюка с продетыми кольцами, халцедоновые бусины, фрагменты красного лака, отслоившегося от деревянной или другой какой-то поверхности. Но главной находкой в этом жилище можно считать четыре бронзовые бляхи с рельефно-скульптурными изображениями львов.

Судя по находкам, на пункте Гродеково жилища без очагов (возможно, летние) принадлежали предкам нанайцев.

ЖИЛИЩА СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ АМУРА

Прежде чем перейти к рассмотрению жилищ, известных нам по описаниям русских путешественников-этнографов, остановимся коротко на этнической ситуации Приамурья во время первых походов русских на Амур.

По преданиям тунгусов, в XVII в. в верховьях Амура обитали солоны и дауры. На севере от Амура жили эвенки, одна группа в бассейне Зеи, другая — в бассейне Буреи. В среднем и нижнем течении Амура, на о-ве Сахалин проживали нивхи. Существовали еще две группы народов — нанайцы и орочи. Многие путешественники застали на Амуре манегров.

«По религии манегры — шаманисты, причем шаманами у них иногда бывают и женщины. Звание шамана — наследственное и переходит от отца к сыну. Манегры управляются выборными из своей среды старшинами. Манегры, в количестве 1000 душ обоего пола, кочуют также в русских пределах, именно по правому берегу р. Зеи и по Амуру, от поселка Пермикина до Кумары. Последние иногда переплавляются на правую, китайскую сторону Амура, где доходят до деревни Большой Сахалин, лежащей против Благовещенска»¹.

Р. Маак во время своего путешествия по Амуру посетил деревни манегров. Он пишет, что летом их юрты рассеяны по обоим берегам Верхнего Амура, хотя расстояние между поселениями иногда превышает 50 верст. Зимой манегры углубляются в лес. Живут они рыболовством и охотой. Зимние и летние жилища их одинаковы — это конические шалаши. «Остов каждого состоит из 20—40 жердей. Основу составляют 6 главных жердей, из которых 4 (трувун) расположены попарно, так, что жерди каждой пары помещены довольно близко одна подле другой и пары супротивны; 2 остальные из главных жердей (сона) стоят одна против другой и накрест с парами. Между жердями одной из пар устраивается дверь. Эти шесть главных жердей бывают обыкновенно на верхнем конце развилены и захватывают одна другую развилинами, что дает устойчивость всей постройке. Остальные жерди (сэрант) кладут-

ся между шестью главными. Во внутренности юрты находятся 2 параллельные одна другой, поперечные перекладины, которые держатся на четырех парных жердях. К этим перекладинам привешивается котел, который всегда висит над огнем, разводимым посреди пола юрты»².

Летом юрту покрывают большими пластинами бересты, сшитыми сухожилиями. На зиму нижняя часть юрты обкладывается выделанными лосиными шкурами и обсыпается снегом. В юрте остаются два отверстия: вверху для выхода дыма, сбоку — дверь, завешиваемая пологом, сшитым из лосиных шкур или рыбьих кож. Места вокруг очага покрываются меховыми ковриками. Каждый член семьи имеет свое место. Налево от входа располагаются хозяин и хозяйка, направо — остальные члены семьи. Место напротив двери — почетное, для гостей-мужчин. Женщины на них не допускаются. «Если шаман войдет в юрту к манеграм, его сажают на почетное место и курят перед ним каким-нибудь жиром и можжевельником»³.

По соседству с манеграми расселялись бирары. «Границей распространения бираров на западе служит деревня Кадаган, расположенная на правом берегу Амура, недалеко от даурской деревни Хормолдзинь (Хумадзи), а на востоке — река У-бира или Уй, впадающая справа в Амур, несколько выше станицы Радде. Бирары по общему складу тела и форме лица, равно как по обычаям и одежде, представляют более сходства с маньчжурами, чем с другими народами Амура, но язык их имеет сходство с манегрским и отличается от последнего обилием слов, заимствованных из маньчжурского, даурского и китайского языков. Живущие более к западу бирары, благодаря влиянию маньчжуров и дауров, ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием; напротив, живущие более к востоку, находясь вне сферы влияния более культурных народов, ведут бродячую жизнь, проживая в шалашах, и занимаются только охотой и рыбной ловлей»⁴.

Р. Маак наблюдал по Амуру жилища бираров. Он писал, что конические юрты их обложены не берестой, как у манегров, а тростником. Летом они ловят рыбу в реках, хотя многие занимаются огородничеством, земледелием и скотоводством. Вдоль Амура юрты редко расположены по нескольку в одном месте. Большей частью это одиночное жилье. Р. Маак отмечал родство манегров и бираров. Язык их, за исключением некоторых маньчжурских слов, тождествен языку манегров. У Хинганского хребта, где левый берег продолжает сохранять характер равнины, удобной для хлебопашества и скотоводства, бирары занимаются рыболовством и охотой. В хозяйстве их имеется небольшое количество лошадей. Хинганский хребет — не только географическая граница распространения определенных видов флоры и фауны, но и этническая. От верховьев Амура до Хингана рассеяны бирары, которые имеют тесные торговые связи с маньчжурами. К востоку от Хинганского хребта проживают тоже тунгусские племена, но отличные от бираров по языку, одежде, нравам и т. д. По всем данным, тунгусские племена были когда-то гораздо многочисленнее; может быть, многие из них

исчезли навсегда с лица земли вследствие повальных эпидемий, местных стычек, заставивших их перекочевать внутри Маньчжурии. Таким образом, во времена, описываемые Мааком, не уже на Амуре ни дючеров, ни ачанов, ни натков, о жизни которых рассказывали первые русские, посетившие Амурский край.

Как явствует из публикаций, зимние жилища маньчжур в главных чертах очень похожи на нанайские. Это сделанные из столбов и глины мазанки с широкими окнами, в которые вставлялась деревянная решетка с одним рядом продольных перекладин, обклеенная рыбьей кожей. В каждом доме жили от двух до десяти семейств, которые делили между собой лежанку-кан и размещались на ней в разных углах. У маньчжуров посреди жилища, между двумя столбами, поддерживающими кровлю, всегда стоял большой стол для собак. У нанайцев же такие столы почти не встречались.

В пров. Хэйлунцзян у маньчжуров существовало несколько видов постоянных жилищ. Самый простейший и архаичный тип жилища — однокамерное, небольшое, с входом и маленькими окнами на южной, фасадной стене. В нем имелись печь и кан. Но сооружались и двухкамерные дома. В них печь отделялась от кана-лежанки перегородкой, превратившейся впоследствии в сплошную стену. Это были жилища бедняков. Богатые семьи имели уже трех-четырех-пятикамерные помещения. Все дома ориентировались по сторонам света. Под столбы выкапывались ямы, дно которых выкладывалось плоскими камнями, диаметр опорных столбов составлял 25—30 см. Кровля настилалась соломой⁵.

В маньчжурских селениях строили амбары на столбах и с двухскатной кровлей, покрытой корой хвойных деревьев. Некоторые из таких строений служили одновременно амбарами и летними, т. е. передняя их часть была устроена для жилья, а задняя — для склада хозяйственных вещей и хранения съестных припасов. Вдоль стен передней части строения стояли широкие лавки, а в центре амбара — ящик, набитый глиной, в котором разводили очаг; дым выходил через отверстие в крыше, снабженное крышкой.

Особенность маньчжурских селений составляли сушильни — большие подмости для приготовления юколы (сушеной рыбы), которые оплетали ивовыми прутьями или рыболовными сетями, чтобы уберечь рыбу от птиц⁶.

По словам казаков, поселившихся на Амуре, верхнее его течение, а именно места от Шилки до Зеи, было занято даурами. Голгузи и дючеры жили ниже по реке, недалеко от устья Сунгари. На Зее обитали манегры, на Селемдже и Бурее — бирары. Несколько охотничьих племен жили к северу от манегров и бираров и имели в то время немногочисленные стада оленей. Они называют себя эвенками, русские же именовали их тунгусами⁷. По мнению С. М. Широкорова, эти племена переселились на Амур из Якутии⁸.

Итак, в Приамурье проживало немало народностей. Некоторые из них в XVII в. в территориальном отношении были распылены. К ним относятся мангуны, солоны, дауры. Видимо, эта южная

группа была расселена большей частью в Маньчжурии, т. е. к югу от Амура. Те же, что проживали к северу от него, подразделялись по способу ведения хозяйства на две большие группы — оленеводов и рыболовов. К первым относились эвенки, ороконы, ко вторым — нанайцы, ульчи, орочи, негидальцы. Эти группы были весьма подвижны, мигрировали на довольно большой территории. Так что в одном поселке могло быть несколько типов жилищ.

В нанайской деревне, которую посетил Л. Я. Штернберг⁹, преобладало жилище с каном, но были и конические шалаши, крытые берестой, происхождение которых очевидно — от кочевых тунгусов-оленьеводов. Здесь же имелось исконное нанайское летнее жилище — *хамран*. «Это сферический шалаш с двумя входами из дугообразно согнутых и воткнутых в землю прутьев, образующих легкий ажурный остов, крытый камышовыми циновками»¹⁰. В центре дома прямо на земле находился очаг, над ним — дымовое отверстие. Шалаши были довольно большими, в них жило несколько семейств. Данный тип строений на Амуре отмечен только у нанайцев. У ороконов Забайкалья, верховьев Амура он бытовал лишь как охотничье зимовье. В с. Торгон русский этнограф наблюдал, как одновременно строилось несколько домов-зимников. Они возводились населением почти всей деревни. Одной семье быстро построить дом было не под силу. Много времени и труда требовалось для возведения кана — камень для него часто приходилось доставлять издалека. Обмазка стен была обычным делом — стены сооружались из легкого решетника, который обмазывался очень толстым и прочным слоем глины. По соседству с домом выкапывали огромную четырехугольную яму, в которой шестами, руками и ногами месили глину, перемешанную с соломой.

В. Б. Бооль рассказывал о нанайском жилище, в котором ему довелось побывать¹¹. Когда он приехал, хозяева уже готовились ко сну. На сактан (плетенная из тростника циновка, настилается в зимнем доме на кан, а в летнем — на землю) положили узкие ватные тюфяки, у стены лежали подушки. «Вверху смутно вырисовывались неструганные тальниковые жерди, на которых лежит травяная крыша с торчащими из нее закоптелыми соломинами... "Тахто" — бревенчатые стенки опирались на четыре сваи, покрытые старыми банками из-под керосина, которые задерживают разных мелких грызунов, не пропуская их наверх. Травяная крыша свисала пожелтевшими пучками старой "ветоши". К дощатой двери вел толстый с зарубками шест, который подставлялся, когда нужно было попасть внутрь»¹².

Зимнее жилище нанайцев (серома) — землянка со срубом, установленным в глубоком котловане, вырытом в земле. В полуземлянке со срубом (хурбу) последний несколько возвышался над землей.

Похожие дома были и у ульчей.

«Каркас ульчского зимнего дома старого типа (хагду) строился из столбов; стены дома сооружались из тонких бревен, заостренные концы которых входили в пазы вертикальных столбов. Дом обычно отапливался двумя очагами (дуэнтэтава — "огонь лесного бога" и

тэмутава — “огонь бога воды”), дымоход которых проходил под нарами, примыкавшими к трем или четырем стенам дома»¹³.

Постепенно происходил процесс поднятия жилищ. Земляными сменялись полуземлянками прямоугольной формы, углубленными в землю только на 50 см. Стены сложены из наклонно поставленных тонких плах, крыша четырехскатная. Два продольных и два поперечных бревна опирались на четыре столба, укрепленные в углах. К этим бревнам прислонены были плахи. На этих же бревнах покоился каркас крыши, состоявшей из накатника и заваленной глиной. Внутри помещался очаг с котлом. Дым выходил в отверстие в крыше¹⁴. Затем вошли в обиход наземные дома с большими окнами. Они были намного холоднее, чем древняя землянка. Появился кан, новая система отопления¹⁵.

Жилые дома располагались на некотором расстоянии друг от друга. Вход в дом находился со стороны реки. Количество жилых зимних помещений в селениях равнялось обычно 11, 13 или 20 и очень редко превышало два десятка. То же относится к поселкам нанайцев, нивхов.

Поселки ульчей состояли не только из жилых построек. Поблизости от домов располагались вешала для сетей, легкие лабазы из тонких жердей, представлявшие собой крытые свайные платформы, предназначенные для сушки рыбы и склада рыболовных принадлежностей. Здесь же находились свайные амбары, помещения для скота, конические шалаши и такие же шалаши с двухскатной крышей для ездовых собак, летние жилища, родильные полуземлянки и шалаши, амбары с принадлежностями медвежьего праздника, закрытые срубы, в которых содержались медвежата, предназначенные для торжественного убийства на очередном медвежьем празднике.

С. В. Иванов пишет о старинном ульчском жилище следующее: «Полуземлянка, виденная мною в селении Пульса, отличалась как от нивхской, устроенной по типу камчадальской, так и от нанайской. Она имела вытянутую прямоугольную форму (у нивхов землянка квадратная) и была углублена в землю всего на 50 см. Стены ее, выходившие наружу, сложены были из наклонно поставленных тонких плах и увенчаны четырехскатной крышей. Два продольных и два поперечных бревна опирались на четыре столба, поставленных на углах. К этим бревнам прислонены были плахи. На этих же бревнах покоился каркас крыши... В центре помещался очаг с котлом, но без трубы. Дым выходил в отверстие, сделанное в крыше. Жерди накатника покрывались у ульчей кусками еловой коры или бересты, поверх которых накладывались куули — слой глины. По глине настилась трава... Окна затягивали рыбьей кожей или бумагой. Окно, затянутое рыбьей кожей, ульчи называли сугбу пава. Наибольшей прозрачностью обладает шкура толсто-лобки, но она тонка и непрочна, поэтому употреблялась в редких случаях; чаще пользовались менее прозрачной, но более прочной шкуркой кеты. На одно окно шло обычно от 6 до 10 шкурок, очищенных от чешуи и пленок»¹⁶.

Никаких перегородок внутри не было, дом был однокамерным. Площадь его в среднем равнялась 30—50 м². Но иногда встречались дома площадью 100 м². В центре стоял «собачий стол», на нем кормили собак. Освещались жилища жировыми светильниками, которые делались из камней с углублениями или из раковин тайра-ма ихэрэ, в них наливали рыбий жир, фителек делался из травы, мха¹⁷.

Рассматривая жилище ульчей, мы должны остановиться на проблеме появления срубной техники у народов Амура. Ей А. В. Смоляк посвятила одну из своих статей¹⁸. Каркасные жилища со срубом обнаружены в Маньчжурии, на Среднем и Нижнем Амуре¹⁹. Но более всего срубных построек было у народов Дальнего Востока в ритуальной сфере. Так, ульчи хоронили умерших в наземных срубах-домах²⁰. В течение нескольких лет содержали в массивных срубах медведей, в них же хранили утварь, употреблявшуюся во время медвежьих праздников, родовые кремни-огнива, от которых зажигали костер на медвежьем празднике²¹. Фиксируя срубную технику у народов Сибири и Дальнего Востока в XVIII—XIX вв., этнографы относят ее к влиянию русских, появившихся здесь в XVII в. Нам же представляется, что права А. В. Смоляк²². Она считает, что срубная техника — явление местное, дорусское, более древнее, чем принято было считать. Поскольку срубная техника в древности была широко представлена на Алтае, в Хакасии, Туве, Монголии, Бурятии, А. В. Смоляк называет Амур восточной границей ее распространения²³. А вот позднее многие народы Амура так и не приняли ее в зимнем строительстве, оставив ее в ритуальной сфере. В последние годы срубные жилища открыты и на Сахалине²⁴.

Переход к русскому дому совершался не сразу и неравномерно. Если стены, окна, крыша изменялись в первую очередь, то пол, система отопления долгое время еще оставались прежними.

В больших старых жилищах было два очага. Располагались они друг против друга у продольных стен, ближе к выходу. Один из очагов помещался у правой от входа поперечной стены. Очаг у левой стены служил для приготовления пищи и назывался *пуску тавани* («огонь пуску») или *тэму тавани* («огонь тэму-духа» — хозяина воды), так как эта стена была обращена к реке. Очаг у правой стены — *дуэтэ тавани* («огонь леса») — считался священным. На нем варили мясо убитого медведя²⁵. Очаги складывались из каменных плит и обмазывались глиной. Форма очага была прямоугольной, размеры 1х2 м, высота 30—50 см. Стенки — или отвесными, или слегка наклонными. В середине имелось круглое отверстие для котла. Топка находилась на уровне пола и была почти всегда открыта. Дымоходы, проходившие под нарами, делались из камней. Высокая труба стояла на некотором расстоянии от дома. Внутри дымохода, на месте перехода его из горизонтального положения в вертикальное, устраивалась яма глубиной около 50 см для улучшения тяги в трубе. В некоторых домах переходного типа труба устанавливалась не снаружи, а внутри дома.

Нары в старых ульчских домах делались вдоль четырех стен, ширина их 2 м, высота 40—50 см. Позднее их стали ставить с трех сторон (вдоль двух продольных и левой от входа поперечной стены дома), а иногда даже с двух. Нары складывались из камней, обмазанных глиной. Передняя сторона их закрывалась досками до самого пола.

Орочские селения были летними и зимними²⁶. Летние строились в устьях рек, куда на нерест заходили горбуша и кета. Зимние — недалеко от района охотничьего промысла.

В качестве летних жилищ орочам служили шалаши из бересты²⁷. Шалаши были трех видов: конический, двухскатный и двухскатный с прямыми стенками. Последний строили из лиственничной коры. При строительстве летнего жилища по углам прямоугольной площадки вкапывали четыре столба с развилками. Между парами передних и задних столбов устанавливали еще два опорных столба, более высоких, чем угловые. На угловые столбы сверху клали толстые жерди. Стены делали из жердей и прутьев, покрывали еловой корой. Вход в дом был со стороны реки. Дверь из коры, которая служила порогом дома. Внутри жилого помещения сооружали двухъярусный помост для хозяйственных целей. Место для очага засыпали галечником и обкладывали с четырех сторон деревянными плахами, обмазанными глиной. Вдоль стен возводили земляные нары, сверху настилали доски, затем кору, бересту, а потом уже шкурки зверей²⁸.

Зимой орочи жили в полуземлянках. Котлованы рыли мелкие: 25—30 см. В котлован укладывали сруб из трех-четырех венцов. Посередине передней и задней стен устанавливали два столба с развилками наверху. На них клали балку. Сверху настилали плахи, нижние концы которых крепили к срубным венцам. Переднюю и заднюю стенки обшивали досками. Перед входом в жилище сооружали сени. В них держали собак и хозяйственный инвентарь. В центре дома сооружали очаг, над ним — дымовое отверстие. По стенам стояли нары²⁹.

Позднее у орочей распространился прием скрепления дощатых стен изнутри и снаружи жердями. По тому же принципу скрепляли доски двери, части лодки, стены надмогильных сооружений. Вероятно, этот способ пришел из древности. Использование его в строительной технике определялось необходимостью укрепить стены, которые стали делать из менее прочного материала — из досок вместо бревен.

Все народы, жилища которых мы уже рассмотрели, были рыболовами. Эвенки жили в таежной зоне и занимались оленеводством и охотой. Временные стойбища эвенков *уриkit* были большими и использовались с периода отела до периода мошки. В остальное время эвенки кочевали одной-двумя семьями³⁰. Чумы ставили у реки, под деревьями, рядом друг с другом или полукругом. У входа разводили костры для приготовления пищи. Переносные жилища делали из деревянных шестов, покрытых затем тканью и берестой.

Русские исследователи, посетившие стойбища, свидетельствовали: «У основания урасы привязываются узкие берестяные полсти (тыкса) без звеньев, после чего низ покрывается особой полстью (также тыкса), которая шьется из бересты в два ряда, но в один слой; края четырехугольных берестяных полос пришиваются друг к другу непосредственно. Чтобы шов при шитье не лопался, бересту предварительно варят в котле три дня. По краям берестяной полосы накладывается берестяная же обшивка... Огонь небольшой и посредине урасы. Очаг в виде буквы П, открытым концом к входу. Самый низ урасы покрывается особой полстью — тамана, которая делается из бересты в два ряда и в два слоя: один слой идет вдоль, другой — поперек, отдельные сложенные вдвойне полосу бересты соединяются ровдужным скреплением, края тамана обшиваются берестой»³¹.

Все эвенки при перекочевках оставляли остов чума на месте, перевоза только покровы. На Амуре эвенки покрывали иногда летние чумы тростником и травой.

Зимнее жилище походило на летнее. Но вместо жердей устанавливались плахи из расколотых лиственничных и еловых бревен. Вдоль трех стен ставились лавки, над ними — полки, укрепленные кольями, вбитыми в стену. Зимними покрывками служили нюки из старых шкур оленя, служивших раньше постелями. На чум уходило два нюка: нижний — эллун (на него шло 6—10 шкур) и верхний — унэкэн (на него шло 2—4 шкуры). Эвенки, промышлявшие крупную рыбу, шили нижний нюк из рыбьих кож. Низ чума снаружи засыпали снегом. Летом и зимой внутреннее пространство чума покрывали толстым слоем хвои, очаг возводили в центре, обкладывая его с трех сторон деревянными плашками, с четвертой всегда лежали дрова, их поджигали с одного конца, передвигая по мере сгорания³².

Одной из разновидностей эвенкийского дома является корьеовое жилище *угдан-угдама*, четырехугольное в плане, с двухскатной крышей. Г. М. Василевич считает, что оно распространилось с Нижнего Амура на запад³³. Другое жилище носило название *калта*. Оно строилось из бревен, было четырехугольным. Вдоль четырех стен проходил кан с нарами, видимо одноканальный, труба ставилась за домом, справа от входа. В таком жилище помещались четыре семьи. Каждой отводилось свое место, у каждой было свое хозяйство. В древности строили лабазы на высоких сваях, в которых жила семья охотника, ушедшего на промысел. Ни хищник, ни враг не могли проникнуть в это жилье. Обитатели его поднимались по бревну с зарубками, которое на ночь втягивали наверх.

Путешествуя по Амуру, Р. Маак среди прочих посетил селения маньчжуров и дал характеристику маньчжурского дома.

В углах дома находились толстые столбы, стены состояли из тонких столбов, вбитых в землю на расстоянии 1 м — 1 м 20 см друг от друга. Стены обмазывались глиной, смешанной с рубленой соломой. Двухскатная кровля, иногда тоже глиняная, не имела наката, так что в комнате не было потолка. Дверь дома была широкой, распашной. На остальных трех стенах делалось или по два уз-

ких, или по одному широкому окну. Деревянные решетки на окнах летом закрывались снаружи тростниковыми циновками, а зимой — прозрачной бумагой. Вдоль трех стен ставился кан шириной около 1,5 м и высотой чуть более 0,5 м. Он сооружался из досок, обмазанных внутри и снаружи глиной. Дымоход проходил через стену и заканчивался за домом высокой вертикальной трубой из досок, обмазанных глиной. В устьях кана было по очагу с большими вмазанными котлами. Пол жилища глиняный, в центре — небольшая яма для очага, где разогревали воду, прикуривали трубки. У котлов на стенах висели полки для хозяйственной утвари³⁴.

Некоторые исследователи Дальнего Востока склонны были считать ульчский дом вариантом китайского, маньчжурского³⁵. Однако сходство это весьма условное. Так, в китайском, маньчжурском строительстве присутствует двор, окруженный стеной, чего нет у народов Амура. В амурских домах имеется помост для собак, столбы резные и украшенные орнаментом. Окна этих двух строений тоже различаются.

Большие старинные ульчские жилища имели прямоугольную в плане форму, их длина 10 м, ширина 8 м. Коньковое бревно покоилось на двух наружных и двух внутренних столбах высотой до 4 м. В китайском жилище на левом берегу Амура близ г. Благовещенска А. Ю. Назаров³⁶ обнаружил 10 наружных столбов или брусьев, отесанных с четырех сторон. Четыре столба угловые, боковые — по два. Высота их соответствовала высоте стен. Столбы были перекрыты продольными и поперечными балками, связывавшими стены. На концах центральной продольной балки было установлено по два столба, служивших продолжением центральных столбов боковых стен и принимавших на себя конек крыши. Крыша двухскатная, дверь — в центре лицевого фасада. Дымоходы кана выходили наружу дома, заканчиваясь двумя вертикальными трубами (в ульчских и нивхских домах — по одной трубе). Стены были обиты досками и обмазаны глиной. Если в доме было два очага, они ставились по левую и правую сторону от входной двери, если один — по левую сторону от нее. Вдоль стен располагались нары. Внутренние перегородки отделяли жилую часть дома от нежилой.

В. С. Стариков полагает, что «маньчжуро-китайский вариант северо-китайского жилища сложился в результате значительных разновременных влияний соседних тунгусо-маньчжурских народов и более поздних маньчжуроязычных насельников Маньчжурии, хотя не исключено и несколько иное решение вопроса о его происхождении, который в целом еще недостаточно изучен»³⁷.

Терминология северных китайцев, относящаяся к домостроительству, отражает культурные контакты северных китайцев с соседями, в основном с представителями тунгусо-маньчжурской языковой группы. Термин *во* у китайцев употребляется для обозначения жилища, *во лу* или *во пэн* — «выселок». У нивхов *во* — «селение», термин *во* встречается в современной топонимике пров. Хейлунцзян (соседней с Амурской областью)³⁸.

В современном китайском языке слово *чжу* означает «проживать, квартировать, останавливаться на ночлег»; в *чжурчжэньском* *чжуаэ-лин* — «жилище»; в *эвенкийском* *дю* — «юрта, чум, дом»; в *негидальском* их эквиваленты *дю*, *дэ*; в *орочском*, *орокском*, *ульчском* — *дюгды*, *удэх*, *дэ*; в *нанайском*, *маньчжурском* — *дювари*³⁹. Китайский термин *чуанху* указывает на то, что один из видов китайского жилища развился из землянки. Первоначальная форма иероглифа *чуан* имеет значение «дымоход, отверстие над очагом» и читается иногда как *цун*. Ближайшие аналогии этому термину можно найти в *ульчском* (*чонгко* — два небольших отверстия в боковой стене близ конька)⁴⁰, в *нанайском* (*чонгко* — подобные отверстия, «глаза дома»)⁴¹, в *нивхском* (*чонгко* — отверстие в зимнем жилище) языках⁴².

Амурское жилище прошло очень долгий путь эволюционного развития. Тип жилища отражает образ жизни и обычаи народов, живших в разное время и в разных областях. Подземные и полуподземные дома распространены повсеместно, и возникли они конвергентно. У них много общего и много различного. Сходство могло быть результатом их генетического родства или культурной диффузии, а возможно, действия общих закономерностей развития исторических процессов.

ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ

Мы уже говорили о трудностях в связи с реконструкцией древнего жилища. Понятно, что воспроизвести духовную жизнь исчезнувших племен еще сложнее. Если у письменных народов есть важнейший источник — летописи, записки, то племена, жившие на территории Приамурья, письменных источников не оставили. Однако интересующие нас сведения можно собрать, опираясь на немногочисленные археологические, этнографические данные, письменные источники соседей, в первую очередь китайские летописи. Сходство и преемственность архитектурных традиций у древних племен Дальневосточного региона дает нам право обратиться к обрядам других народностей.

В Приамурье, где зимы долгие, часто суровые и ветреные, как справедливо отмечал С. А. Токарев, «жилище играет более материально жизненную роль», даже при неразвитых формах хозяйства оно служит необходимым фокусом семейной жизни¹. Количество времени, проводимого в доме, в странах с жарким и холодным климатом различно. В первых человек только спит в помещении, да и то не всегда, почти вся его жизнь протекает вне жилища, даже очаг строится вне жилья. Поэтому, например, у австралийцев практически нет обычаев, поверий, запретов, касающихся жилья; нет верований, обрядов, связанных с домашним очагом, нет семейного или родового «культа огня»². На севере же жилье, очаг, жирник-лампа служат предметами различных поверий, запретов, обычаев. В. Г. Тан-Богораз рассказывает, что все части чукотской яранги — священное целое. Когда начинают строить новое жилье, приносят жертву опорным шестам — их смазывают жертвенной

оленей кровью; потом ежегодно повторяют этот обряд. Все связанное с домашним очагом считается священным. Сходные обычаи есть у коряков, эскимосов и других народов³.

Но наряду с географическим фактором действуют другие, связанные с традицией, религией. Для подавляющего большинства народов оппозиция «дом — вне дома» в той или иной мере сохраняет свое значение, и это проявляется в разнообразных обычаях, правовых нормах, верованиях, обрядах⁴.

Относительный порядок в узком мирке первобытного человека был очень неустойчив и носил не столько природный, сколько социальный характер — лишь соблюдение определенных правил и запретов могло обеспечить, по его мнению, сохранение порядка⁵. Дом был промежуточным звеном, связующим разные уровни в общей картине мира. С одной стороны, он принадлежал человеку, олицетворяя его целостный вещный мир. С другой стороны, он связывал человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека⁶.

Во внешнем мире много опасностей для человека, не меньше их и в доме. Жителей дома необходимо было защищать от реальных или воображаемых опасностей. Для этого строились заборы, глухие стены, сооружались обереги. Многие народы верили в то, что копыта, стрелы, луки, развешанные внутри и снаружи дома, отведут от него все опасности⁷. А дальневосточные нивхи подвешивали над дверью с наружной стороны черепа собак, обвязанные ставрой сеткой. В срубных бревенчатых домах русского типа их помещали на чердаке, у переднего фронтона. Собачьи черепа привязывали и над входом в летние жилища, так как считали, что они охраняют дом от проникновения в него злых духов⁸. Чукчи при рождении мальчика ставили около дверей юрты копыта. Через несколько дней после рождения ребенка стойбище перекочевывало на другое место. Там, где находился полог роженицы, помещался куст из жердей, который давал всем знать, что юрту ставить нельзя — грешно⁹. Эту же защитную роль играли и многие домашние духи-покровители.

Мангуны при сушилнях часто сажали на шести больших орлов; впрочем, этим птицам они поклонялись всегда и держали их в селениях. Орлиные крылья развешивали и внутри жилищ. Медведи у мангунов играли важную роль во время празднеств. Их морды, черепа и уши украшали внутренность дома¹⁰.

С самых древних времен человек выбирал для жилья места, удобные с точки зрения климатических, географических и хозяйственных условий. Если у реки, то сухой высокий берег, недоступный наводнению, продуваемый ветрами, изгоняющими полчища гнуса; если на взморье, то небольшую бухту или излучину, тоже защищенную мысом от штормовых ветров. При выборе места существовало много запретов: нельзя строить новый дом там, где было кладбище, где раньше находилась чья-либо постройка, где проходила когда-то дорога, был перекресток¹¹. Жилище нельзя строить на месте, где случилось несчастье, кто-то заболел или умер¹².

Выбор места жительства в значительной мере определялся представлениями древнего человека об окружающем мире. У нивхов существовал культ земли и тайги. Переселяясь на новое место, уходя на охоту, нужно было «накормить» хозяина дома, придя на новое место, «накормить» хозяев местности, а потом уже сооружать жилье. За соблюдением всех обрядов следили старики. Лесу, земле приносили жертву — черную лохматую собаку¹³.

«Жилище — это не только материальный объект. В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием “дом” в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился человек дома или вне его пределов. Жилище имело особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилье — квинтэссенция освоенного человеком мира»¹⁴.

Считалось, что лучше всего строить дом на месте прежнего. Видимо, поэтому на многих памятниках Приамурья жилища по многу раз перестраивались, к ним добавлялись новые помещения. На месте старых сгоревших домов возводились новые.

Изучение обрядности, связанной со строительством, позволяет полнее осветить этническую историю любого народа. Приведем полностью описание Л. П. Потаповым строительства нового жилья у алтайцев.

«Перебравшись в новые края, хозяин, прежде чем ставить юрту, определял для нее место, затем, выбрав центр (для устанавливаемой юрты, где должен быть очаг), клал на него сан, в который бросал можжевельник, соль, серу. Рядом с саном на деревянной тарелочке ставили молочную пищу: творог (арц), тос (осадок, образующийся при перетапливании масла в котле), ореме из большого котла, где всегда на кипяченом молоке отстаивается толстый слой сливок (настолько густой, что его можно резать ножом). Рядом с этой тарелочкой ставили еще пустую деревянную чашку. Сан, пищу в тарелочке и пустую чашку, обозначающие центр юрты (места очага), оставляли на выбранном месте и начинали ставить юрту. Прежде всего по кругу расставляли решетки-хана четырех уне, вставленных в гнезда дымового круга с четырех сторон (в соответствии со сторонами света — север, юг, восток, запад). Еще не покрывая юрту войлоком, сан, тарелочку с молочной пищей и пустую чашку сдвигали от центра в северную сторону юрты, а на их месте разводили костер и ставили варить первый чай. Когда чай вскипал, первую порцию его наливали в пустую деревянную чашку, стоящую рядом с саном. Затем хозяйка брала эту чашку с чаем, выходила на улицу, на северную сторону юрты и, обратившись лицом к северу, брызгала чаем, угощая хозяев гор (только с северной стороны!). Затем хозяин брал тарелочку с молочной пищей, также выходил из юрты на северную сторону и одним броском выбрасывал все содержимое на север, также угощая хозяев гор... После чая хозяйка брала чашку и тарелку, из которых

угощала горы, и бросала их огню в качестве подарка. Лишь после этой процедуры хозяева приступали к покрытию юрты войлоком. Когда юрта была целиком установлена, хозяин разрубал топором тарелочку собаки и выбрасывал ее в ту сторону, откуда они приехали, потом брал ружье и стрелял в ту же сторону, отпугивая беду»¹⁵.

При строительстве жилище выступает в качестве основного объекта ритуала. Ритуал ориентирован не на конкретные детали постройки, а на образ дома, где круг и квадрат являются основными формами структурирования пространства. «Противопоставление квадрата кругу принадлежит к числу наиболее значимых и повсеместно распространенных, причем оно определяет структуру различных уровней — от состава космоса (ср. в старокитайском трактате «Ли цзи» утверждение о том, что небо круглое, а земля квадратная) до основного принципа членения человеческого коллектива (с квадратом соотносится мужское, а с кругом — женское)»¹⁶.

Ориентируя жилище, человек тем самым связывает его со своими представлениями об организации мира, соотносит его с основными параметрами картины мира. Четыре стены в доме, несомненно, имеют связь с четырьмя странами света. Если постройки ориентированы по-другому, значит, были учтены другие факторы (например, направление ветра). Когда в доме еще не делали окон, вход всегда существовал на южной или восточной стороне, ведь он был единственным источником света. С древнейших времен «ориентация по странам света основана на образном символизме пути солнца и мифах, согласно которым различными сторонами света управляли разные божества. В сознании людей восток ассоциировался со светом и теплом, жизнью, счастьем и славой, запад — с темнотой и холодом, смертью и закатом. Согласно индийской мифологии, юг — страна Ямы, бога смерти, поэтому эта сторона света считалась неблагоприятной. На этих верованиях основаны предписания о местоположении человека во время совершения обряда. При всех благоприятных обрядах ведущий обращался лицом к востоку, что означало готовность обрести свет и жизнь. Круговой обход во время праздника следовал пути солнца, при неблагоприятных санскарах направление было противоположным. Во время похорон покойника клали головой на юг, когда он лежал на погребальном костре и душа его была на пути в обитель Ямы»¹⁷.

Древние хакасские юрты ориентированы строго по странам света. Двери делали в восточной стене¹⁸. А вот на стойбище долган чумы располагались в строго определенном порядке, растянувшись в одну линию, пересекавшую путь предполагаемого кочевания. Если в кочевой группе находился шаман, чум его устанавливали на солнечной стороне. Между «солнцем» и чумом шамана женщинам проходить не разрешалось. Двери чумов были направлены в сторону пути кочевания¹⁹.

Основным строительным материалом служило дерево. Интегральный образ дерева («мировое дерево», «шаманское дерево») как бы воплощал концепцию строения вселенной²⁰. Для обрядов строи-

ли специальные чумы, юрты и т. д. Они были выше обыкновенных и дверью обращены на восток²¹.

У эвенков шаманское дерево *туру* являлось неперенным атрибутом в любом из шаманских камланий, независимо от того, совершалось ли камлание в обычном чуме или в особом, шаманском. Туру представляло собой молодую высокую лиственницу. Ее ставили в центре шаманского чума, выводя вершину через дымовое отверстие, или клали поверх чума, прикрывая вершиной дымовое отверстие. Согласно представлениям, она, с одной стороны, выполняла роль духа-охранителя чума, с другой — служила шаману деревом-лестницей для путешествия в верхний мир. В перерывах между шаманскими действиями на ее ветвях отдыхали, набираясь сил, шаманские духи-помощники. Лиственница туру символизировала шаманское мировое дерево. Нижний конец туру ставился у очага. Это говорит о генетической связи тотемических представлений с культом позднейших родовых духов-владельцев (родового огня, родовой земли)²².

Мотив мирового дерева был широко распространен у древних тюркоязычных народов Южной Сибири, Китая, Японии. В центре дома либо в переднем углу ставили или молодое деревце, или зеленую ветку. Считалось, что дерево в доме служит местопребыванием духа дома. С живым деревцем в жилье вносили тотем, который приносил дому удачу во всем. С развитием анимизма и с разложением тотемизма деревце в доме превратилось в оберег. Древнейшими оберегами были растения с колючими иглами. Подобные представления зарегистрированы у многих народов²³.

У индусов смоковница и орхидея — священные растения, при помощи которых Хамо — бог, излучающий свет, — спускается с небес. Поэтому около смоковницы совершаются важнейшие обряды и совещания²⁴. Ульчи, «чтобы сохранить символическую связь дома с небом, стали связывать ниткой шест, стоящий снаружи, с шестом, стоящим внутри дома. Нитка представляет путь, по которому полетит Эзэхэ на небо. Некоторые роды, принося жертву, отрывают нитку, чтобы жертве не было возврата»²⁵.

Тщательно выбирался строительный материал. Считалось, что деревья больные или с какими-то повреждениями нельзя использовать, так как обитатели будущего дома тоже будут болеть. Запретами для строительства были деревья с наростами²⁶. Существовало много поверий и запретов. Считалось очень плохой приметой, если бревна издадут какие-то звуки (скрип)²⁷.

У русских на Алтае отмечено старое правило при рубке леса на постройку избы: «Если три леса не понравились с прихода лес, не руби совсем в тот день»²⁸. «Священные» деревья нельзя было использовать для строительства дома. Это относилось к тем, что росли на могилах²⁹. К священным деревьям относились очень старые и высокие или же с какими-то аномалиями (множество вершин, уродливый ствол, необыкновенное сплетение корней, наличие дупла и др.)³⁰. Запрещено было рубить сухие деревья. Наиболее благоприятными для заготовки леса для строительства считались март и апрель, так как сок в это время укрепляет древесину³¹.

Время строительства дома соотносилось с календарным циклом (обладающим религиозным и хозяйственно-экономическим содержанием) и с системой представлений о жизненном цикле. На Тайване к постройке дома приступали во время сухого сезона. Началу строительства предшествовало гадание по снам, а также жертвоприношение. Благополучный исход гадания сопровождался молениями и приношением в жертву животного — свиньи³². Такая жертва существовала почти у всех народов³³. Характер обряда, семантика ритуала, по-видимому, везде похожи, несмотря на большое разнообразие жертвенных предметов. Строительной жертвой могли быть рогатый скот, конь, свинья, овца, коза, кошка, собака, заяц, петух, курица, другие птицы, лягушки и змеи³⁴.

Перед вселением в новый дом китайцы режут курицу и петуха и кропят кровью все комнаты жилища³⁵. В. Г. Тан-Богораз сообщает, что под тремя основными шестами, перенесенными на новое место, производили убой оленя, кровью которого хозяйки обводили по земле круг радиусом, равным длине лежащих на земле шестов. Перед входом в строящееся жилище разводили огонь при помощи лучкового деревянного прибора и бросали в него жертву — костный мозг³⁶.

Обычай жертвоприношения связан с выбором места, закладкой первого венца, настилом пола, установлением матицы — бревна, служащего основанием для потолка. Матица является основой всей конструкции верха жилища. Она как бы дублирует образ мирового дерева. Крыша, принадлежащая одновременно внутреннему и внешнему миру, служит защитой дома сверху. К ней совершенно особое отношение.

Таким образом, «в архаичных традициях эволюция жертвоприношения реконструируется на основании огромного количества данных обычно в следующем порядке (в направлении к прошлому): бескровная жертва → жертва некрупного, относительно недорогого (часто именно трехгодовалого) домашнего животного (→ жертва трех таких животных) → жертва трех животных разных видов (например, конь — корова — овца, или коза — овца — коза, или коза — свинья — петух) → сосуществование трех возможных жертв (нередко сменяющих друг друга в эволюции): человек, домашнее животное, дикое животное → жертва отмеченного числа (в частности, трех) юношей, девушек и т. д.»³⁷

Жертву шерсть — зерно — монеты А. К. Байбури́н трактует как метонимию трех миров: животного, растительного, человеческого³⁸. «Первоначально строительная жертва могла возникнуть там, где возводили жилища из дерева. К деревьям же у людей тогда были особые, тотемические отношения: деревья считались тотемами и в качестве тотемов были неприкосновенными. За нарушение строения здания этой неприкосновенности деревья-тотемы мстили людям, лишая жизни строителя или первого обитателя дома. Чтобы предупредить эту неприятную перспективу, строители заранее представляли мстящим деревьям человеческую жертву — ребенка, пленника, а после — раба, животное, и этим обманывали тотема,

который удовлетворялся жизнью человека или животного и прекращал свою месть»³⁹. Жертвы были компенсацией древесным духам за срубленные для постройки дерева. Позже целью строительной жертвы становится умилоствление духа места, чтобы обеспечить благополучие дома, благосостояние его обитателей. У некоторых народов плотникам, кузнецам приписывали связи с божеством, каждая гильдия строителей домов, лодок имела своего покровителя, которого тоже надо было умилоствить⁴⁰. Так, «возведение андроновского дома начиналось с торжественного акта: в жертву приносились два-три сосуда, наполненных молоком, а чаще бык или баран. Их мясо участники церемонии съедали, а голову и ноги со шкурой, символизирующие убитое животное, и горшки закапывали в ритуально важных местах будущего жилища — под опорным угловым столбом, под порогом входа или у очага. Такой же обряд совершали еще недавно ираноязычные таджики на Памире и осетины на Кавказе»⁴¹.

Моменту подъема верхней балки в строящемся доме придавалось большое значение. Это событие сопровождалось определенным обрядом.

«После возведения каркаса жилища под серединой самой верхней центральной продольной балки цзи линь привязывается связка старинных китайских монет с квадратными отверстиями посередине, известных в нашей литературе под названием «чохов». Делают это плотники. Связка составляется из восьми монет, расположенных по вертикали одна под другой и наглухо скрепленных красным шнуром. К концу связки привязывается длинный лоскуток бумажной ткани красного цвета.

Красный цвет шнура и лоскутка ткани, согласно старой китайской традиции, является символом «страны юга», радости и счастья»⁴².

Переселение в готовый дом тоже сопровождалось определенным ритуалом. У В. В. Леонтьева читаем, что кереки при переселении в зимнее жилище справляли праздник. Когда землянка была уже обложена дерном, сделана засыпка стен и пола песком и галькой, начинался праздник помазания основных четырех стоек толокушей миймий, приготовленной из ягод шикши, корешков клайтонии палкумйакку и перемешанной с жиром. Толокушу в специальных маленьких ритуальных подносах выносили на улицу и разбрасывали в разные стороны. После этого приступали к обильной трапезе»⁴³.

Новоселье, с одной стороны, является мероприятием, направленным на то, чтобы отблагодарить людей, помогавших при строительстве дома, а с другой — обрядом или церемонией очищения нового жилища от злых духов. Дом очищают огнем или травой. Над дверью вешают мешочки с землей, взятой со священного места, или ветки шиповника. Все это обереги от злых духов.

У нанайцев вскоре после окончания обмазки совершалось освящение дома. По представлениям нанайцев, дом — живое существо. Крыша — его голова, столбы — ноги, а два небольших окна у са-

мой крыши — глаза. Каждую часть дома охраняют свои духи. Главными опорами духов являются столбы, особенно два центральных, расположенных друг против друга, по обеим сторонам большого помоста-стола, укрепленного в центре строения. Они называются *гуси*. Дом в целом имеет одну общую душу, душу счастья — *зо-комо* (*зо* — «дом», *комо* — «счастье»). При еде и питье бросают немного пищи и несколько капель питья в жертву своему *комо*, который живет в одном из двух средних столбов, именно в том, который находится напротив правой поперечной стены. У этого *комо* есть два помощника. Один из них — *сулин* — букв. «хозяин дома». Ставят сулин на нары у среднего столба поперечной стенки, которая расположена справа от входа. Другой помощник — кукушка *бахса*, дающая богатство и дар красноречия. Два деревянных изображения этой птицы имеются в каждом доме. На правом *гуси* помещается изображение, перенесенное из старого дома, а под левым — новое. *Комо* и *сулин* приносят жертвенную пищу, перед ними совершают молитву не менее двух раз в год — зимой перед охотой, летом перед рыбной ловлей. Для этого режут свинью и петуха⁴⁴.

Под два центральных столба и под угловые кладут корень табака и разбитую чашку, чтобы в доме не было голода. К поперечной балке подвешивают орлиное перо, красную ленточку и мешочек с просом. Все это должно приносить дому благосостояние и здоровье.

На освящении дома присутствуют все сородичи. Проходит оно очень быстро, чтобы добрые духи вселились в дом быстрее злых. Перед столбом *гуси* на нарах устанавливают фигурку сулин, а перед ним — 10 свечей, по числу столбов в доме, чашки с пищей и водкой. У столба со старой кукушкой напротив сулин ставят свечи и две чашки. На нарах, справа от входа, восседает старый шаман. Один из жильцов дома набирает в руку рисовой каши и густо смазывает ею рот сулина, а затем бросает на нары к его ногам пищу из каждого блюда. После этого он подходит к каждому столбу с кукушкой и, став на колени, говорит: «О столбы, держите крепко этот дом, сделайте так, чтобы мы жили хорошо, чтобы голоду не было, чтобы мы больны не были, чтобы амба не забирался»⁴⁵.

С древнейших времен в Сибири человек был связан с огнем. В холодном поясе огонь стал главным божеством, постоянным помощником хозяйки дома. Семейный очаг был святыней святынь. Огонь, поддерживаемый в каждом доме, стал вечным символом сил, которые связывали людей с семьей и обществом, центром всех домашних обрядов и церемоний. Огонь воспринимался как могучий защитник людей от болезней, враждебных духов. Кроме того, он был посредником между людьми и высшими божествами.

У энцев женщина во время родов должна была лежать лицом к огню, руками держаться за поперечные жерди очага⁴⁶. В доме, где находилась роженица, на третий день после родов якуты устраивали «проводы» богини плодородия Аисыт, дарующей душу

ребенку и в этот день якобы покидающей роженицу. Неподалеку от роженицы вырывали в земле ямку глубиной 30—35 см, на дно клали белый волос из конской гривы, затем небольшой берестяной турсучок с последом, накрытый кусочком бересты. Ямку засыпали землей, но не доверху. Потом вокруг нее втыкали жердочки для остова урасы длиной 30—35 см. Вход делали с восточной стороны. С юга от урасы втыкали шест с привязанным к нему берестяным кружком, изображавшим солнце, с севера — шест с изображением луны. В центре урасы ставили вырезанные из бумаги изображения: для мальчика — лося, собаки, для девочки — коня. Затем все это сжигали, бросая в огонь остатки пищи для богини Аисыт⁴⁷.

У оленных чукчей, как и у многих других народов, женщина является хранителем семейного очага и всех домашних святынь, в том числе и бубна. Она следит за порядком во время празднеств и жертвоприношений, хранит домашних идолов и связки амулетов⁴⁸. Женское олицетворение семейно-родовых святынь имеет очень древние корни⁴⁹. Доброе отношение хозяйки огня и значение последнего в жизни охотника заставило эвенка соединить представление о хозяине зверей и промысла с представлениями о хозяйке огня. Через огонь кормят души умерших. Хозяин дома живет в *малу* — место против входа за костром. Переходить через малу чужим (из другого рода) женщинам запрещено.

Из Прибайкалья шло движение отдельных групп предков эвенков на запад, а позже — на север и еще позже — на восток. На запад шло движение вниз по Ангаре и Енисею, на север — по Лене, а на восток — по Амуру⁵⁰.

У кетов огонь был главной семейной святыней и считался женским существом⁵¹. Ему приписывались человеческие черты: он чувствовал боль, голод, мог быть сердитым и довольным. Поэтому его кормили. Ему бросали пищу перед перекочевкой, во время строительства жилища⁵². «Сразу после установки основных шестов каркаса жилища, не дожидаясь его полного оборудования, устраивали кострище, отгороженное поленьями. Поленья в кострище укладывали непременно наискосок, так как считалось, что огню от поперечно положенных поленьев будет так же плохо, как человеку от застрявшей в горле кости. Запрещалось бросать в огонь мусор, сжигать "нечистые" предметы (например, берестяные подстилки жилища, по которым ходили женщины, считавшиеся "нечистыми" с момента появления менструаций и до их прекращения). Не разрешалось прикасаться к огню ножом, палкой или каким-либо другим острым предметом, чтобы не сделать ему больно»⁵³.

Сами кеты не гасили огонь никогда. Уходя со стоянки, оставляли тлеющий огонь, а с собой увозили в берестяном туеске, обложенном сырым мхом, тлеющий березовый нарост. Ночью в домашнем очаге тлело толстое бревно, чтобы утром можно было раздуть огонь. Огонь был символом единства семьи, когда-то символом единства рода. Чужеродцам передавать огонь не разрешалось, это угрожало благополучию всего рода⁵⁴.

У бурят и монголов оставление юрты надолго без огня считается ненормальным, нежелательным явлением, а поставить юрту с огнем подле своей юрты, т. е. женить сына и видеть дым его юрты (ута харха), составляет заветную мечту и стремление каждого⁵⁵.

В новый дом переносили огонь из старого жилища⁵⁶. Культ духа-хозяина домашнего очага был широко распространен у сибирских народов. Культ очага был, видимо, воплощен в женском образе матери-огня⁵⁷. Обряд переноса очага совершался всякий раз, когда семья перебиралась на новое место. Хозяйка входила в старое жилище, брала щепоть золы и просила бабушку-огонь переехать на новое стойбище. На новом месте ставили чум. Низ устилали хвойной подстилкой. В центре оставляли место для костра. Входила хозяйка, вытряхивала в новый очаг золу из старого очага, приглашая бабушку-огонь устраиваться на новом месте. Затем разводили огонь⁵⁸.

Таким образом, человек издавна поклонялся огню и это поклонение донес до наших дней в чрезвычайно чистом виде. Огню менее, чем другим явлениям природы, требовалось антропоморфное изображение. Он сам являлся богом.

Нельзя не отметить связь дома с социальной организацией. Структура семьи нашла отражение в назначении отдельных частей жилища. Дом издавна разделялся на две половины (мужскую и женскую). Археологические раскопки — яркое свидетельство того. На одной половине обнаруживают орудия труда мужчин, на другой — женщин. Подобное разделение условно, но оно сочеталось с принципами организации сакрального пространства⁵⁹. Левая сторона считалась счастливой⁶⁰. В доме было почетное место для хозяина дома, для почетных гостей. «В кочевых юртах это место по диаметру против входа и чуть левее; в якутской юрте — “билирик”, отбелорусской и украинской хате в “святом” (“красном”) углу, по диагонали от печи. У многих народов — например, в кочевых жилищах Средней Азии и Сибири — степень почетности места измерялась удалением от входа: самое почетное место — против входа, а слуги, бедняки размещались у самого порога. У некоторых народов Кавказа самым почетным местом считалось кресло против пристенного очага. В домах сложного плана (в европейских странах), с делением на комнаты, распределение их тоже отвечает социальной иерархии обитателей: комната хозяина, хозяйки, молодых супругов, работников, прислуги и т. д.»⁶¹.

Когда речь заходит об описании внутреннего пространства жилищ тунгусов, исследователи сталкиваются с термином *малу* или его фонетическими вариациями у разных дальневосточных народов: у нанайцев — *мало*, ульчей — *мали*, эвенков — *мал*, негидальцев, ороков, удэгейцев, эвенков — *малу*. У обских угров, манси, хантов существует термин *мули*⁶².

Что же означает термин *малу* у разных народов? По описаниям С. М. Широкогорова, у северных тунгусов словом *малу* называют нары — сиденья для почетных гостей, расположенные напротив входа за очагом. Размеры конического чума позволяют жить в нем

не более 8 чел. Малу члены семьи обычно не занимают, здесь во время визитов могут сидеть только почетные гости-мужчины. Женщинам во время менструаций запрещено проходить мимо малу даже за чумом. Справа от входа, рядом с малу, место самого старшего в доме, ближе к входу — его жены. Правая половина у входа — женская и детская. Когда дети достигают совершеннолетия, они переходят на левую половину. Место рядом с очагом обычно свободно, здесь женщины готовят пищу, хранится кухонная утварь. Члены другого рода не могут размещаться на малу и на правой центральной половине⁶³.

Почти так же распределялось внутреннее пространство у эвенков, живших в районе Яблонового и Станового хребтов⁶⁴. По этой же схеме распределялись места в жилище орочен Маньчжурии. Место напротив входа — сакральное, это покрытые мехом и берестой нары. Они предназначены только для высоких гостей, члены семьи не пользуются ими. Приближение женщин к этому месту запрещено. Позади бурхан, домашнее божество. Место справа от входа занимают молодые супруги и их дети, место слева — старые родители. Закрытое пространство слева от входа используется как хранилище кухонной утвари⁶⁵.

Дома нивхов, ульчей, нанайцев, орочен, орочей, негидальцев, удэгейцев на Амуре, в Приамурье и на Сахалине более вместительные, чем конические чумы, описанные выше. Они похожи по форме, размерам, конструкции крыши, отопительной системы. В таких домах живет, как правило, несколько семей, выступающих отдельными экономическими единицами. Это отражается в организации домашнего пространства, где члены семьи одного пола занимают близкие места.

В Корее сакральное место, соответствующее тунгусскому *малу*, эволюционировало в отдельную комнату⁶⁶. Корейское *малу* семантически связано со значением «верх, вершина, небесное пространство». По-видимому, происхождение слова *малу* восходит к сакральному «наверху». В архитектуре это понятие символизирует конек крыши и все более распространяется на всю ритуальную площадь жилища. Промежуточная ступень между божественным коньком и церемониальной частью мирской земли есть королевский столб в Корее, гуси — в нанайских и ульчских домах. У тунгусов в коническом чуме нет ни конька, ни столба. Вместо этого сакральный шест находится внутри чума на малу — стороне непосредственно позади очага. Очевидно, понятия сакрального столба, шеста и королевского столба — локальные различия общей концепции центрального столба, который является домашним воплощением древней идеи мирового дерева, связывает мирское с сакральным (человеческий род с божеством).

В целом понятие *малу* оформилось окончательно в окружении таких значений, как «божественное», «конек» и «церемониальная площадь или сиденья для почетных гостей дома». В Корее это развитие пошло еще дальше. Малу превратилось в отдельную комнату с дощатым неотапливаемым полом. Покрытый пол здесь — не случайное обстоятельство. Раньше всего покрывали досками церемо-

ниальное пространство или сиденья для почетных гостей в глубине жилища.

Между малу и кухней в корейском жилище находится отапливаемая ондолем основная комната, которую занимает самый старший мужчина со своей женой. Она ближе всего к печи, самое теплое место в доме. В этой комнате правая половина предназначена для мужчин. Сиденья для женщин расположены близко к выходу в кухню. Близкое расположение от малу трубы (в одном из углов, который называется угол страха), через которую выходят злые духи вместе с дымом, свидетельствует о позднем проникновении ондоля в Корею.

У амурских народов угол, где дымоходы, идущие от двух очагов, сходились и выходили на улицу через трубу, был самым плохим. Через него в дом могли проникнуть злые духи. И только во время топки они сгорали.

«У амурских нивхов угол, находившийся направо от входа в зимник и соответствовавший ульческому аскӯ зокони, считался нижним; угол, расположенный налево от него, — верхним. Угол, соответствовавший ульческому пāку зокони, считался табуированным и предназначался для медвежьей головы. Таким же табуированным был угол, расположенный прямо против входа»⁶⁷. В каждом нивхском доме хранились многочисленные идолы. Среди них особое место занимал *тыв ыз* — хозяин дома (*тыв* — «дом», *ыз* — «хозяин»).

Л. И. Шренк отмечает, что у ульчей на балках над задними нарами стояли три большие человеческие фигуры из дерева⁶⁸. Как правило, покровителей дома вырезал самый старший мужчина. Идолы могли ставиться парами (мужчина и женщина). В полуземлянках их помещали у задней стенки на нарах, над очагом, под дымовым отверстием, т. е. в специальных жертвенных местах. В срубных домах их хранили у задней стены между двумя окнами. Во время праздников, после хорошей охоты, во время болезней обитателей дома идолов кормили. Считалось, что «кормление» позволяет хозяину дома быть всегда в силе, чтобы изгонять злых духов⁶⁹.

Духи хозяев дома одновременно считались и хозяевами неба. Назывались они *маси*. Маси стояли обычно в углу у задней стены дома. Изредка их «кормили» сырым мясом, головами рыб. Когда уходили на мольбище, маси брали с собой⁷⁰.

Снаружи у западной стены маньчжурского жилища находилось священное место. Над окном был прибит небольшой наклонный навес, на нем лежали принесенные в жертву богам вещицы, пища. Напротив навеса возвышался шест с деревянной птицей на конце, по обеим сторонам шеста стояли деревянные идолы⁷¹. Вдоль стен амбара, по его нижним наружным бревнам, тянулась широкая полка. На ней были сложены вышедшие из употребления фигурки сэонов, деревянные изображения священных животных (медведя, тигра, барса). Их новые заместители — свежевystруганные хвостатые чурбачки — помещались в темных уголках фанзы под подушками и в других потаенных местах⁷².

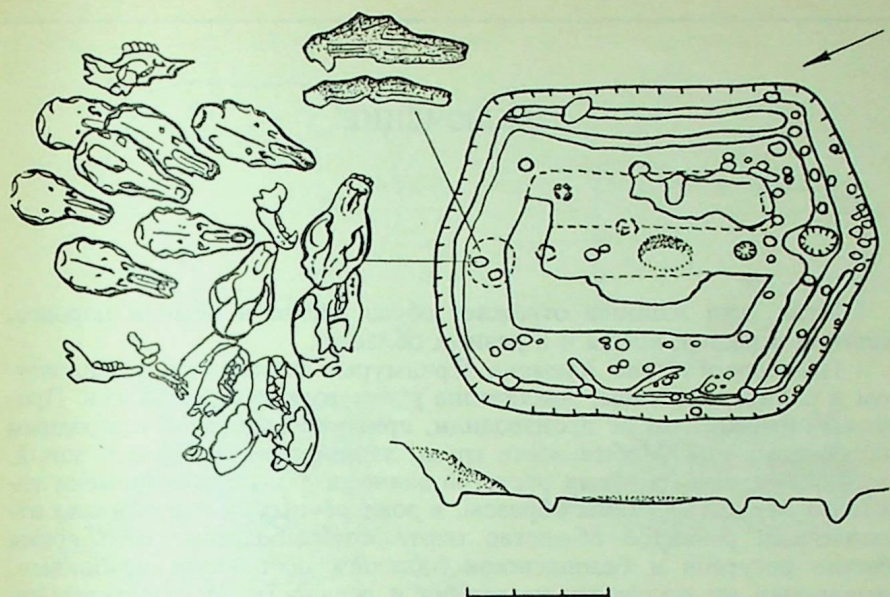

Рис. 50. План жилища и скопления медвежьих черепов (по Р. С. Васильевскому).

При раскопках мохэских жилищ были найдены лошадиные бабки, орнаментированные и без орнамента. Украшенные поясками из вертикальных насечек, эти бабки напоминают фигурки человека. Возможно, они олицетворяли добрых духов, хозяев дома, которых кормили, задабривали.

На стоянке Хаманака исследованы дома площадью около 75 м². В центре их находился очаг, вдоль стен — нары. Место у дальней от входа стены было связано, видимо, с ритуальными церемониями людей охотской культуры. На полу зачищено скопление медвежьих костей и черепов медведей (более 10 шт.). Черепа медведей находили в каждом раскопанном жилище стоянки Хаманака (рис. 50)⁷³.

Позднее у дальневосточных народов этнографы наблюдали различных деревянных идолов. У нивхов это был *тывыз* — фигурка человека в пояс или в рост, вырезанная из дерева⁷⁴, у энцев и ненцев — покровитель чума *мядхэхэ*⁷⁵. У якутов идолов делали из бересты⁷⁶, у эвенков — из меди⁷⁷, у монголов — из войлока⁷⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, тип жилища отражает образ жизни и обычаи народов, живших в разное время и в разных областях.

Палеолитические племена Приамурья занимались рыболовством и собирательством, земледелие у них только зарождалось. Продукты питания они не производили, приспосабливаясь к природным обстоятельствам. Мобильность групп людей ограничивалась зоной, где наличие питательных ресурсов зависело больше от времени года, чем от места. Таким образом, в зоне речных долин обитало относительно развитое общество охотников-рыболовов. В то время обилие ресурсов и безопасность являлись основными условиями, влиявшими на плотность населения и оседлость. Не удивительно, что оседлость как характерная черта проявилась только у неолитических насельников Приамурья.

У оседлых или полуседлых речных групп не было необходимости ограничивать численный состав поселка с целью уменьшения скорости истощения пищевых ресурсов в районе, где велась добыча рыбы. Вследствие этого частота смены стоянок была очень малой. Оседлый образ жизни способствовал изготовлению крупных орудий труда и технологически специализированного оборудования, возведению помещений для хранения пищевых запасов. В свою очередь, хранилища помогали людям пережить трудности с добытием продуктов питания, не перенося стоянку на другое место. Зависимость от речных ресурсов предполагала существование определенной технологии. Необходимы были сети, лодки, гарпуны, остроги, рыболовные крючки и т. п.

Мобильность общества служила ограничением для увеличения размеров групп, препятствовала появлению новых форм специализированной технологии и накоплению продуктов. Для охотников-собирателей, чьи передвижения малопредсказуемы, хранение продуктов почти лишено смысла. При отсутствии средств транспортировки изготовление крупных предметов специализированного назначения тоже непрактично, так как они сдерживают передвижение. Более подходят простые орудия с широким спектром применения, которые можно быстро изготовить на месте и бросить при переходе на другое место.

Уравнительность была характерной чертой большинства групп охотников-собирателей. Отсутствие собственности и прав на природные ресурсы, а также отсутствие накоплений уничтожали любое различие как между отдельными людьми, так и между их местными группами. В то же время та легкость, с которой группа или ее

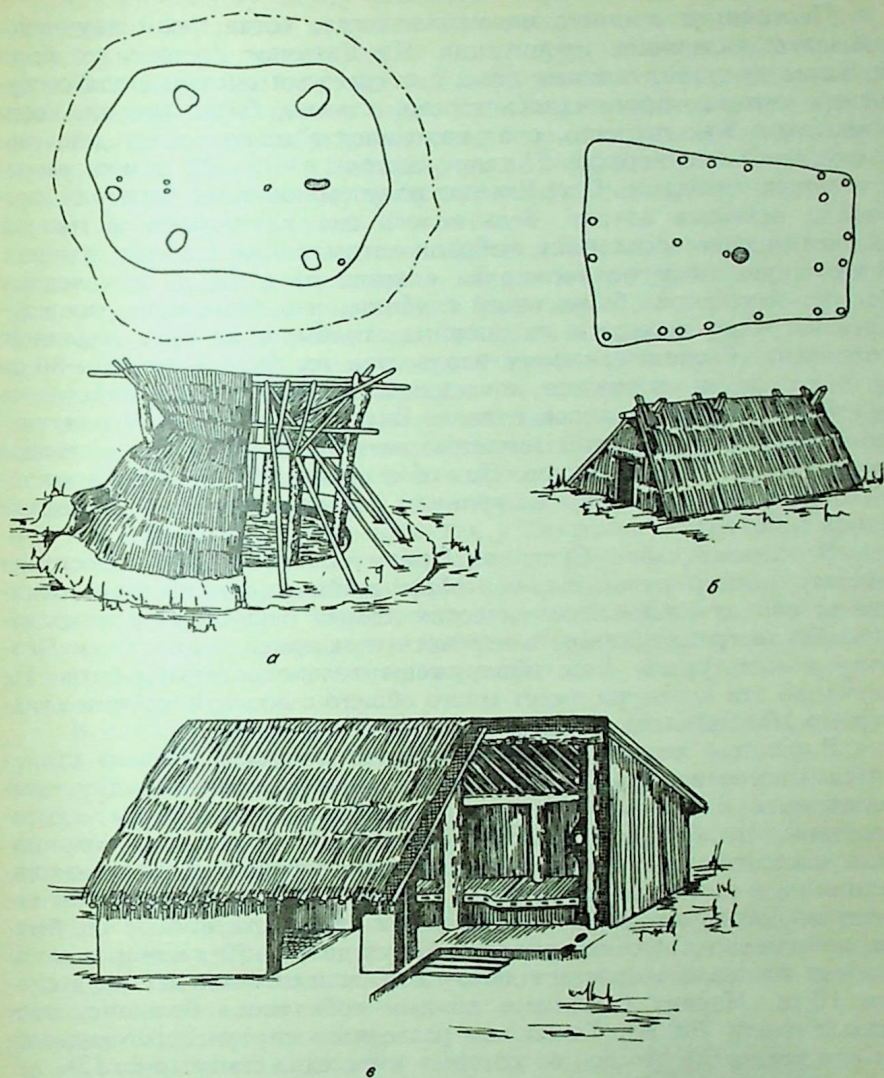

Рис. 51. Реконструкция жилищ.
а — дзёмэна; б — яйй; в — яншао (по Чен Текюну).

часть могли перебраться на другое место, приводила к тому, что конфликт мог быть разрешен простым средством — уходом группы. Таким образом, не было необходимости в органе власти для разрешения споров, распределения ресурсов или управления крупной оседлой популяцией.

Доступность речных ресурсов, наличие растительных источников пищи приводили к увеличению плотности населения речных долин в сравнении с лесной и даже земледельческой зоной. Земледельческие поселки состояли из 10—15 больших домов, ограды для скота. Но земля истощалась через 10—15 лет, и люди переходили на новый участок.

Постоянное жилище появилось тогда, когда люди научились добывать постоянное пропитание. На Дальнем Востоке это были большие полуземляночные дома с открытым очагами, для сооружения которых применялись дерево, камень, битая посуда, кости животных. Как правило, очаг находился в центре дома, над ним было дымовое отверстие. Поселок состоял из 15—20 домов, расположенных гнездами. Сооружение полуземляночных строений требовало немалых затрат, ведь велось оно каменными мотыгами. Неолитические насельники выбрали оптимальный вариант жилища. В холодную зиму полуземлянка спасала от метелей и холодных ветров. Котлованы были такой глубины, что позволяли распределять нагрузку кровли и на опорные столбы, и на края земляного котлована. Расположение ям вдоль стен на расстоянии 40—80 см друг от друга позволяет предположить, что стены оплетались прутьями и обмазывались глиной. Внутри нескольких неолитических жилищ обнаружены земляные возвышения и ямки от столбов на расстоянии 1,5 м от стен. Пол обмазывали глиной. Глина постоянно была нужна в быту. Ее хранили в хозяйственных ямах внутри домов (рис. 51).

В таежной зоне Среднего Приамурья расселялись носители громатухинской культуры, чей образ жизни принципиально отличен от образа жизни неолитических племен равнинных речных долин. Жили громатухинцы в переносных жилищах типа чума. Поэтому в культурном слое обнаружены только остатки очагов. Не случайно эта культура имеет много общего с неолитическими культурами Прибайкалья, Забайкалья, Якутии.

В раннем железном веке хозяйство амурских племен становится многоотраслевым. Древние насельники края наряду с рыболовством и охотой начинают заниматься земледелием, скотоводством. На Амуре в это время существует культура, получившая свое название по самому богатому находками местонахождению на о-ве Урильском в устье р. Урил. Люди этой культуры являются, бесспорно, преемниками своих предшественников на Амуре, но теперь их поселки увеличиваются до 40—50 жилищ, а занимаемая площадь возрастает до 2—3 га, в некоторых местах достигая 10 га. Наряду с малыми домами появляются большие, площадью около 200 м². Такой дом разделялся внутри перегородками на ряд комнат, в каждой из которых жила одна семья (рис. 52).

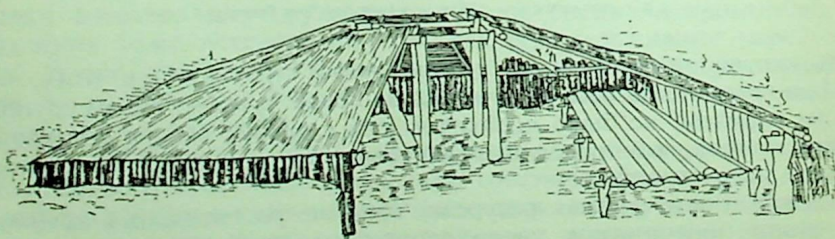

Рис. 52. Реконструкция урильского жилища (по А. П. Деревянко).

К следующему этапу относится польцевская культура, представленная большими и малыми поселениями, состоявшими, как и прежде, из тесно примыкавших друг к другу обширных домов каркасной конструкции со стенами из вертикально поставленных жердей, оплетенных, вероятно, прутьями. Внутри домов можно проследить иногда остатки обугленных нар, т. е. мест, где люди работали, ели и спали (рис. 53). Польцевская культура имела влияние и за пределами долины Амура, ее представители поддерживали широкие связи с культурами других областей.

Об оседлом укладе жизни обитателей таких поселений свидетельствуют следы земледелия — обугленные зерна проса, найденные в значительном количестве в ряде жилищ поселения Польце. Очевидно, что земледелие служило здесь основным источником существования. Оно дополнялось разведением свиней, кости которых уцелели в ряде жилищ. Не потеряли своего значения охота и рыболовство. Раскопки временных промысловых лагерей с легкими каркасными постройками наземного типа (шалаша или чума) — свидетельство дальнейшей специализации хозяйства племен раннего железного века. В железном веке начинается процесс имущественной и социальной дифференциации у амурских племен. Складываются торговые отношения с Китаем, которые ведут к углублению процесса имущественной дифференциации. Быстрее всего это происходит в районах, благоприятных для земледелия. В северных таежных зонах Приамурья, где охота и рыболовство занимают еще некоторое время главенствующую роль, этот процесс задерживается.

В начале нашей эры достигло своего апогея переселение народов, начавшееся в последние века до нашей эры в степях Центральной Азии и Южной Сибири. В результате миграции в Приамурье произошло смешение культур пришлых и автохтонных. Древние тунгусские племена из Забайкалья и Прибайкалья пришли на восток, а затем двинулись на юг — в Маньчжурию. Таежные охотники принесли с собой на новые места многие черты своей древней культуры, которые потом впитали аборигены Приамурья и Маньчжурии. В результате образовался качественно новый сплав культур. Таежные пришельцы усвоили земледелие, сами же принесли новые для Приамурья отрасли хозяйства — коневодство и оленеводство. Постепенно хозяйственные направления стабилизировались. Мохэсцы занимались и земледелием (равнинные зоны), и скотоводством (горные и таежные районы), и рыболовством (речные долины).

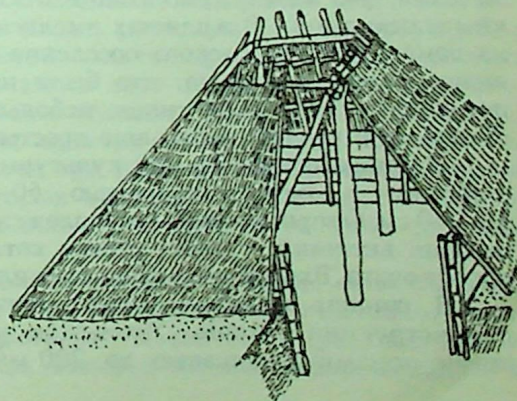

Рис. 53. Реконструкция польцевского жилища (по А. П. Деревянко).

Если поселения раннего железного века были обширными и имели бессистемную застройку, то в I тыс. н. э. появились укрепленные городища, чаще всего возводившиеся на высоких мысах и надпойменных террасах. Площадь городищ небольшая, с мощными валами и рвами.

В середине VII в. н. э. мохэские племена приходят в упадок. Одни из них присоединяются к когурёсцам, другие — к киданям. И только на севере мохэские племена сохраняют свою самостоятельность. А в 698 г. образуется государство Чжэнь, переименованное потом в Бохай. Его составляют мохэсцы. Но и могущество Бохая было поколеблено и уничтожено киданями. Тем не менее именно на землях Бохая возродилась тунгусская государственность в лице государства Цзинь.

Что же было главной особенностью амурского жилища, как изменилось оно на протяжении тысячелетий?

На протяжении всех эпох жилища Приамурья объединяют основные конструктивные признаки: углубленный в землю котлован, четырехугольный в плане; опорные угловые столбы и столбы вдоль стен; каркасные стены; открытый очаг; дымовое отверстие в крыше, служившее и входом. Но это вовсе не означает, что амурское жилище на протяжении тысячелетий не претерпело никаких изменений, в то время как материальная культура амурских племен существенно прогрессировала.

Котлованы неолитических жилищ были неглубокими (0,4—0,7 м). Опорные столбы располагались двумя концентрическими кругами: внешним (у самых стен котлована) и внутренним (в центре жилища). Все строения подпрямоугольных очертаний с закругленными углами. Внешний круг столбов поддерживал стены дома и кровельное перекрытие. При очень мелком котловане вся нагрузка земляной крыши лежала на деревянных стенах. В поселках новопетровцев котлованы землянок стали уже поглубже и нагрузка несения кровли распределялась на деревянные столбы и края земляного котлована. Ямки у стен располагались на расстоянии 40—80 см друг от друга. Столбы составляли каркас стен, которые могли оплетаться прутьями и обмазываться глиной. Крыша была двухскатной и четырехскатной, в ней имелось отверстие для выхода дыма, оно же служило входом в жилище. Пол обмазывался тонким слоем глины. В жилищах имелись хозяйственные ямы. В одном из домов Новопетровского поселения обнаружено земляное возвышение-уступ. Возможно, это были нары. Очаги в неолитических поселениях были двух типов: небольшие с деревянной обкладкой, обмазанной глиной, и большие простые очажные ямы.

Жилища осиноозерской культуры, сменившей новопетровскую, округлые в плане, площадью 60—65 м². Глубина котлована 30—40 см. Опорные столбы расположены так же, как и ранее, двумя рядами: внешний у самых стенок котлована, внутренний в центре вокруг очага. Входом и выходом служило дымовое отверстие в крыше.

В раннем железном веке произошли некоторые изменения в конструкции жилищ. Урильская культура представлена большими домами (площадью до 200 м²) и малыми. Отличительной

чертой их является наличие коридорной системы. Глубина котлованов до полуметра. Ямки от столбиков располагались у стен котлована и вдоль длинной оси дома. Поперек помещения было еще два ряда ямок. Таким образом, жилое пространство разделялось на шесть частей — комнат, каждая со своим кострищем и хозяйственной ямой. В таком доме жило несколько малых семей. Следует отметить и еще одну особенность жилищных конструкций в этот период. Ямки от столбов находились не только внутри дома, но и за его пределами, на небольшом расстоянии от него, и составляли единое целое с ямками внутри жилищ. На этих столбах лежала горизонтальная внешняя обвязка. Внутри дома большинство столбов относилось к разделительным перегородкам. Видимо, крыша была четырехскатной, стены двойными, а поляя их часть засыпалась землей или другими материалами. На поселении у с. Максим Горький в доме обнаружены земляные возвышения шириной от 1 до 1,5 м. Можно предположить, что это были нары.

В польцевских поселках котлованы жилищ были глубокими (1—1,5 м). К стенкам их вплотную примыкали деревянные стенки, сооруженные из горизонтальных плах или брусьев внизу и вверху, к ним крепились тонкие жерди. Основу конструкции составляли две обвязки: внутренняя и внешняя, которые соединялись перекрытием. Если в неолите столбы вкапывались в землю на глубину от 20 до 100 см, то в раннем железном веке в домах присутствовали глиняные платформы округлой формы диаметром до 1 м, высотой 10—15 см. Древние строители, столкнувшись с песчаными почвами, усовершенствовали способы крепления опорных столбов. Имелись и другие нововведения. Появились деревянный сруб из нескольких венцов, выход в виде траншеи, уходящей за предел жилища.

В мохэское время планировка жилищ приобретает единообразие и четкую конструктивную форму. Все жилища квадратные в плане (площадь их от 16 до 30 м²), строго ориентированы по странам света. Глубина котлована 60—70 см (рис. 54). В четырех углах дома вкопаны деревянные столбы на глубину 20—30 см. На расстоянии 1,5 м от стен — еще четыре столба. На угловых столбах крепилась внешняя рама-обвязка, на центральных — внутренняя. Третий четырехугольник из маленьких столбиков был у очага. Очаг, квадратный в плане, располагался в центре, он был обложен плашками и каменной плиткой (рис. 55). Жилища мохэ были двух типов. Они отличаются друг от друга только наличием или отсутствием ниш-кладовок в боковых стенах (рис. 56, 57). Глубина распространения таких ниш за стену — 1 м, ширина 1 м 50 см — 1 м 60 см. Вдоль стен при раскопках расчищены деревянные нары и полки. В некоторых жилищах у опорных столбов лежали черепа свиньи, выполнявшие в древности явно ритуальную роль.

В следующую, чжурчжэньскую, эпоху жилище остается однокамерным, полуподземным, но существенно отличается от предшествующих способ его обогрева. Повсеместно распространяется отопительная система, так называемый кан. Каны имели П- и

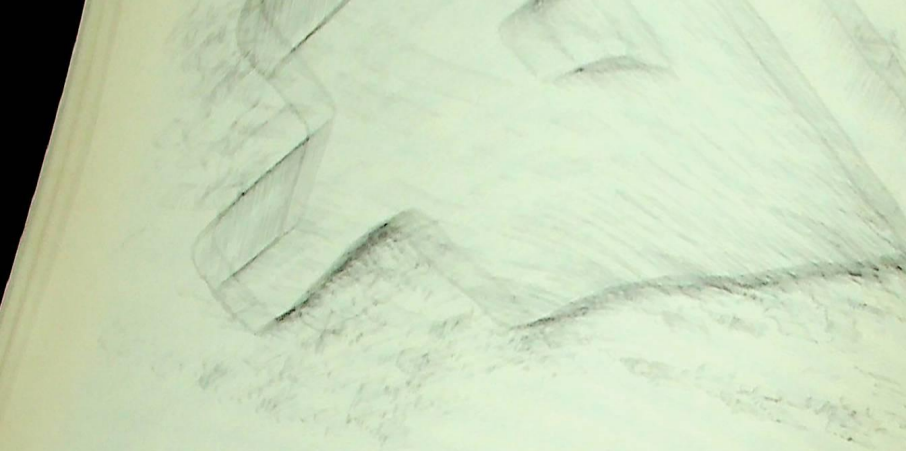

Рис. 54.

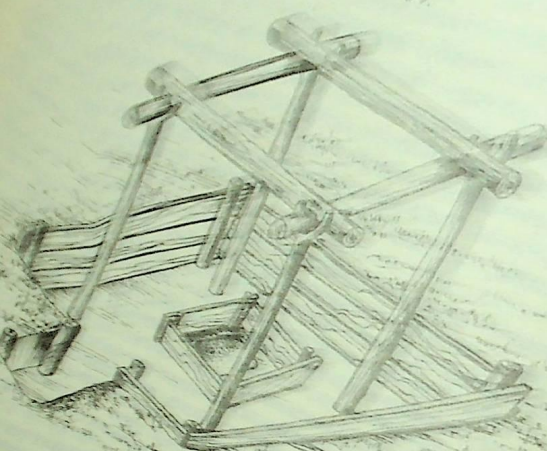

Рис. 55.

Рис. 54—57. Реконструкция мохоского жилища
 (первые имели три секции и были расположены
 восточной, северной, восточной). На южной сторо-
 ной, как дверь, как правило вращавшаяся на под-

автор — архитектор А. Ю.
 в пятом камне. Каны им
 восточной секций на из-
 топки. В северо-восточной

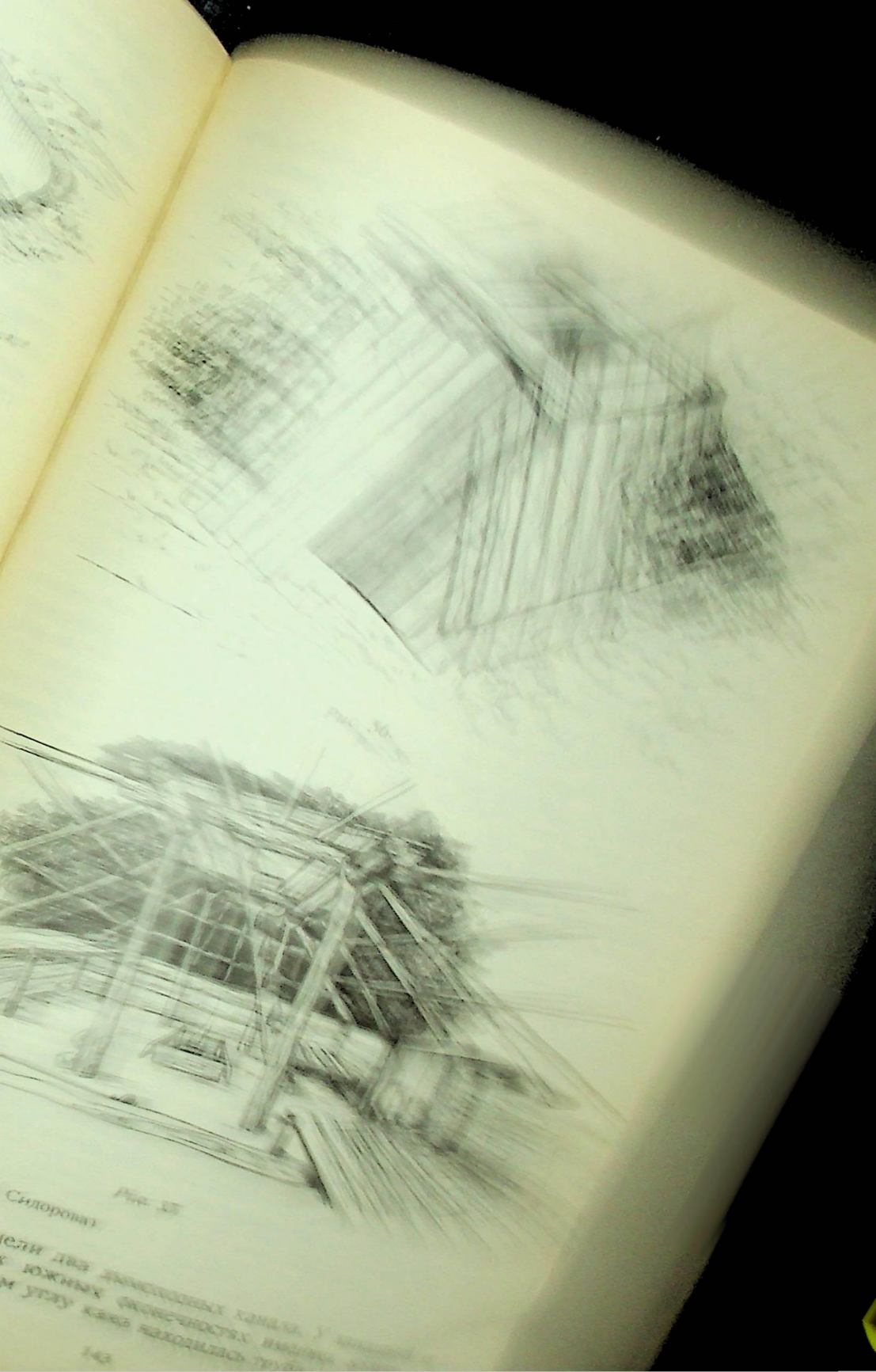

Рис. 30

Рис. 31

Сидорова

Если для дальнейшего изучения...
с южных окон...
м углу как и входилась...

тоже из каменных плит, обмазанных глиной. На месте трубы при раскопках обнаруживался развал камней, нарушавших строгий порядок в двухканальных дымовых рядах. В жилищах кроме дымоходов в устьях канов было еще по одному дополнительному очагу, расположенному у южной стороны дома неподалеку от входной двери. Этот открытый очаг имел округлую форму и был обложен каменными плитками, поставленными на ребро. Жилища имели подквадратную форму, площадь их от 30 до 70 м². Итак, если в Приморье жилища с каном появились очень рано, то на Среднем Амуре они стали известны только в чжурчжэньскую эпоху с приходом сюда бохайцев.

Жилища с канами имелись у всех современных народов Амура: нанайцев, ульчей, удэгейцев, эвенков. Постепенное поднятие жилищ привело к тому, что вместо землянок появились полуземлянки, а затем и наземные дома. Вход стал осуществляться через дверь, в стенах были пробиты окна. И даже с приходом на Амур русских переход к рубленому дому происходил не сразу и не равномерно. В первую очередь изменились стены, окна, крыша, а вот система отопления долгое время оставалась прежней. В больших старых домах было два очага. Они представляли собой топку для кана. Очаги сооружались из каменных плит, обмазанных глиной. Второй очаг считался священным. У нанайцев, ульчей, маньчжуров в отличие от чжурчжэней труба уже ставилась не внутри дома, а снаружи, в 1—1,5 м от стен, хотя продолжали строить жилье и с трубой внутри. Нары тоже претерпели изменения. Когда-то они располагались по четырем стенам, затем по трем, двум. Появились и сени перед входом в жилище.

В тасжной зоне, у эвенков, был широко распространен тип жилища, носивший название *угдан*. Способ устройства его остава — древнейший, распространенный среди народов севера Евразии. Г. М. Василевич справедливо считает, что *угдан* является наследием местного аборигенного населения — тунгусоязычных племен, которые уже сами усовершенствовали его.

Итак, мы видим, что на развитие жилища влияют в первую очередь климатический и географический факторы. В различных географических зонах время, проводимое в доме его обитателями, различно. Играет роль также форма хозяйственного уклада, образ жизни, различные социальные факторы. На типе постройки, на соотношении ее частей, распределении обстановки в доме, функционировании отдельных помещений, комнат, углов отражается структура семейного коллектива. Приамурское жилище прошло длительный путь развития: от простого к сложному, впитывая прогрессивные черты домостроительной техники своих соседей, совершенствуя и свои многовековые традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Раппопорт П. А. Картографирование типов древнерусских жилищ // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. — Л., 1974. — С. 221.
- ² От гнезд и пещер к дворцовым покоем (заметки о строительстве жилищ в первобытном обществе) // Вэньу тяньди. — 1984. — № 2. — С. 38 (на кит. яз.).
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. — С. 39.
- ⁵ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. — М., 1988. — С. 91—92.
- ⁶ Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. — Л., 1934. — С. 74.
- ⁷ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое... — С. 28.
- ⁸ Грязнов М. П. О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии. — М., 1965. — С. 99—102.
- ⁹ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое... — С. 29—30.
- ¹⁰ Томсинский С. В. Жилище населения верхнего Поволжья в I тыс. н. э. // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1985. — С. 58.
- ¹¹ Хлобыстин Л. П. Жилище и его экономическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. — Л., 1974. — С. 22.
- ¹² Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI—XIII вв. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М., 1975. — С. 155.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 16.
- ¹⁴ Бутин Н. А. Проблема «природа и культура» в этнографической науке // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. — Л., 1984. — С. 102.
- ¹⁵ Shirokogoroff S. M. Social Organisation of the Manchus. — Shanghai, 1924. — P. 105, 133; Inner Asian Frontiers of China. — N. Y., 1951. — P. 110. (American Geographical Society; research series N 21).
- ¹⁶ Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — Ч. 1. — С. 3.
- ¹⁷ Гладили В. Н. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Первобытный человек и природная среда. — М., 1974. — С. 72.
- ¹⁸ Лукашенко Н. П. Изменения в климате Благовещенска // Зап. Амурского областного музея краеведения. — Благовещенск, 1970. — Т. 6, вып. 1. — С. 3—4.
- ¹⁹ Головин В. В. Континентальность климата Амурской области // Там же. — С. 19.
- ²⁰ Тильба А. П. Опыт ботанического районирования Амурской области // Зап. Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. — Благовещенск, 1958. — Т. 4. — С. 148.
- ²¹ Григорьев Г. П. Проблематика палеолитических поселений как археологического источника // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. — Л., 1974. — С. 12.
- ²² Деревяко А. П. Нововетровская культура Среднего Амура. — Новосибирск, 1970. — С. 16—124; Он же. Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск, 1973. — С. 129; Он же. Приамурье (I тыс. до н. э.). — Новосибирск, 1976. — С. 130—143; Окладников А. П., Деревяко А. П. Далекое прошлое Приамурья и Приморья. — Владивосток, 1973. — С. 264; Деревяко А. П., Окладников А. П. Громатухинская культура. — Новосибирск, 1977. — С. 32, 99; Деревяко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. — Новосибирск, 1975. — С. 50—87; Она же. Племена Приамурья I тысячелетия нашей эры. — Новосибирск, 1981. — С. 75—110; Медведев В. Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. — Новосибирск, 1986. — С. 6—16; Окладников А. П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом

1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935—1936 гг.).— Новосибирск, 1980.— С. 37—53; Он же. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре // СА.— 1951.— Т. 15.— С. 299—301; Окладников А. П. Археологические раскопки в районе Хабаровска // Вопросы географии Дальнего Востока.— Хабаровск, 1963.— Сб. 6.— С. 278; Окладников А. П., Медведев В. Е. Чжурчженское поселение в устье Тунгуски // Археологический поиск.— Новосибирск, 1980.— С. 127—132.

²³ Leakey L. Very early East African hominidae and their ecological setting // African and human origin viking fund publications in anthropology.— 1963.— 36, № 4.

²⁴ Смирнов И. Н. Чум // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.— 1903.— Т. 39.— С. 59—60.

²⁵ От гнезд и пещер к дворцовым покоем... — С. 38—40.

ЖИЛИЩА КАМЕННОГО ВЕКА

¹ Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА.— 1958.— № 1.— С. 4.

² Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети // КСИИМК.— 1941.— Т. X.— С. 24.

³ Там же.

⁴ Там же.— С. 27.

⁵ История Сибири.— Л., 1968.— Т. 1.— С. 44—59; Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Изв. ГАИМК.— М.; Л., 1935.— Вып. 118.— С. 78.

⁶ Ливеровский Ю. А., Колесников Б. П. Природа южной половины советского Дальнего Востока.— М., 1949.— С. 383; Криштофович А. Н. Основные пути развития флоры в Азии // Учен. зап. Ленинград. ун-та. Сер. геол.-почв. наук.— 1936.— № 9, вып. 2.— С. 95—113; Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран.— 4-е изд., испр. и доп.— М.; Л., 1949.— Ч. II.— С. 457; Никольская В. В., Чичагов В. П. О четвертичном оледенении в бассейне Амура // Вопросы стратиграфии и палеогеографии четвертичного периода (антропогена).— М., 1962.— Т. 19.— С. 200—267.

⁷ Окладников А. П. О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на реке Зее // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.— М., 1964.— С. 1—10.

⁸ Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии.— М., 1979.— С. 243—246.

⁹ Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи.— Новосибирск, 1983.— С. 33, 39.

¹⁰ История Сибири.— Т. 1.— С. 43.

¹¹ Pei W. C. Report on the excavation of the Locality 13 in Choukoutien // BGSC.— 1934.— Vol. 9.— P. 359—367; Movius H. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // Trans. Amer. Philos. Soc.— 1945.— N 38.— P. 391—399.

¹² Breuil H. Le feu et l'industrie lithique et osseuse de Choukoutien // BGSC.— 1931.— Vol. 11, N 2.— P. 147—154; Chang K. C. The archaeology of Ancient China.— L., 1968.— P. 39—54; Cheng T. K. Archaeology in China. Prehistoric China.— Cambridge, 1959.— P. 56.

¹³ Окладников А. П., Деревянко А. П. Палеолит Амура // Изв. СО АН СССР.— Сер. обществ. наук.— 1969.— № 1, вып. 1.— С. 111—115; Он же. Далекое прошлое Приморья и Приамурья.— Владивосток, 1973.— С. 72—74; Деревянко А. П. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии.— Новосибирск, 1975.— С. 135—137, 232; Он же. Палеолит Дальнего Востока... — С. 59—63.

¹⁴ Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока... — С. 63—64, 72—73, 85—87.

¹⁵ Окладников А. П., Верещагин Н. К., Оводов Н. Д. Открытие пещерного палеолита и плейстоценовой фауны в Приморье (пещера Географического общества) // Вестн. АН СССР.— 1968.— № 10.— С. 54—62; Верещагин Н. К., Оводов Н. Д. История фауны Приморья // Природа.— 1968.— № 9.— С. 42—49.

¹⁶ Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности).— М., 1977.— С. 52—56; Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки // История и культура народов севера Дальнего Востока.— М., 1967.— С. 32—41.

¹⁷ Деревянко А. П. Новопетровская культура Среднего Амура.— Новосибирск, 1970.— С. 31.

¹⁸ Окладников А. П. Древнее поселение Кондон.— Новосибирск, 1983.— С. 5.

¹⁹ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья.— Владивосток, 1959.— С. 48; Он же. Древнейшие культуры Приморья // Сборник статей по истории Дальнего Востока.— М., 1958.— С. 43.

- 20 Окладников А. П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура // СА.— 1966.— № 2.— С. 33.
- 21 Окладников А. П. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока // Тезисы докладов и сообщений Третьей дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии.— Комсомольск-на-Амуре, 1962.— С. 3—11; Он же. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура // СА.— 1966.— № 2.— С. 33; Окладников А. П., Деревянко А. П. Громатухинская культура.— Новосибирск, 1977; Он же. Древнее поселение на р. Громатухе // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции.— Новосибирск, 1971.— Вып. II.— С. 285—322; Деревянко А. П. Неолит Среднего Амура // Материалы по древней истории Сибири.— Улан-Удэ, 1964.— С. 649—660; Он же. Громатухинская культура // Сибирь и ее соседи в древности.— Новосибирск, 1970.— С. 195—209.
- 22 Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— М.; Л., 1950.— Ч. I, II М.; Л., 1955.— Ч. III; Он же. История Якутии.— М.; Л., 1955.— Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству; Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии.— М., 1969; Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя.— М., 1968; Мочанов Ю. А. Белькачинская неолитическая культура на Алдане // СА.— 1967.— № 4.— С. 179; Кириллов И. И. Каменный век Забайкалья. Автореф. дис... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1969; Васильевский Р. С., Кириллов И. И. Археологические исследования в долине р. Онон // Археологические открытия 1966 г.— М., 1967.— С. 171; Чубарова Р. В., Рижский М. И. Отчет о полевых исследованиях Верхнеамурского отряда ДВАЭ ИИМК АН СССР летом 1956 г. // Учен. зап. Чит. пед. ин-та.— 1958.— Вып. 3; Ларичев В. Е., Рижский М. И. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья // Сибирский археологический сборник.— Новосибирск, 1966.— С. 94—128; Гришин Ю. С. Стоянка Будулан в Восточном Забайкалье // Новое в советской археологии.— М., 1965; Кириллов И. И., Конохова А. Е. Памятники неолита и ранней бронзы в долине р. Ингоды (по материалам коллекции А. К. Кузнецова и А. И. Махалова) // Учен. зап. Чит. пед. ин-та.— 1967.— Вып. 18.
- 23 Татарников В. А. Неолитическая стоянка в пещере Чертовых Ворота (Северо-Восточное Приморье) // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки.— Новосибирск, 1983.— С. 110—113.
- 24 Бродянский Л. Л. Археологические источники по истории жилищ народов Приамурья и Приморья // Вопросы источниковедения и историографии.— Владивосток, 1975.— Вып. 4.— С. 67.
- 25 Бродянский Л. Л. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье // Археологические открытия 1971 года.— М., 1972.— С. 270—271.
- 26 Окладников А. П. Отчет об археологических раскопках Дальневосточной археологической экспедиции на Дальнем Востоке в 1958 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1808.— С. 18.
- 27 Окладников А. П., Дьяков В. И. Поселение эпохи бронзы в пади Харинской // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1979.— С. 117.
- 28 Окладников А. П. Отчет о полевых работах Дальневосточной археологической экспедиции ИА АН СССР в 1959 году // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2029.— С. 43—72.
- 29 Окладников А. П., Дьяков В. И. Поселение эпохи бронзы... — С. 117.
- 30 Шубина О. А. Жилища аборигенов Северного Сахалина по археологическим и этнографическим источникам // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области.— Южно-Сахалинск, 1986.— С. 6; Она же. Стационарные раскопки неолитического поселения Имчин XII на Северном Сахалине в 1981—1984 гг. // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области.— Южно-Сахалинск, 1986.— С. 23—24.— (Препринт).
- 31 Шубина О. А. Жилища аборигенов... — С. 8.
- 32 Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон уезда Хверен // Хверен Одон вонси Юджок палгуль пого.— Пхеньян, 1960.— С. 21 (на кор. яз.).
- 33 Пак И. Н. Очерки ранней истории Кореи.— М., 1979.— С. 30.
- 34 Ци Интао. Особенности ранних китайских деревянных сооружений // Вэньу.— 1983.— № 4.— С. 60—74 (на кит. яз.).
- 35 Сиань Баньпо.— Пекин, 1963.— С. 7.
- 36 Доклад о первых раскопках на стоянке Хэмэду // Каогу сюэбао.— 1978.— № 1; От гнезд и пещер к дворцовым покоем. (Рассуждения о строительстве жилищ в первобытном обществе).— Вэньу тяньди.— 1984.— № 2.— С. 21—29, 38 (на кит. яз.).
- 37 Кашина Т. И. Типы жилищ культуры Яншао // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР.— Владивосток, 1978.— С. 47.
- 38 Танге К. Исе — прототип японской архитектуры // К. Танге. Архитектура Японии.— М., 1975.— С. 27.
- 39 Стоянки с раковинными кучами на островах Гуанлудао, Дачаншаньдао в уезде Чанхай: Отчет Музея провинции Ляонин, Музея города Люйшунь (Порт-Ар-

тур) и Дома культуры уезда Чанхай // Каогу сюэбао. — 1981. — № 1. — С. 63—110 (на кит. яз.).

⁴⁰ Краткий доклад о первом периоде раскопок остатков жилища на Шанской стоянке Шиэрцяо возле города Чэнду // Вэнью. — 1987. — № 12. — С. 1—23 (на кит. яз.).

⁴¹ Там же.

⁴² Краткий доклад о раскопках раннешанского дворца в Эрлитоу уезда Яньши пров. Хэнань // Каогу. — 1974. — № 4 (на кит. яз.).

⁴³ Краткие сведения о полевых археологических работах 1974 года на городище Паньлунчэн // Вэнью. — 1976. — № 2 (на кит. яз.).

⁴⁴ Воробьев М. В. Древняя Япония: Историко-археологический очерк. — М., 1958. — С. 45.

⁴⁵ Окладников А. П., Бродянский Д. Л., Чан Су Бу. Тихоокеанская археология. — Владивосток, 1980. — С. 80.

⁴⁶ Явата И. Культура позднего дзёмона. Доисторическая культура // Курс лекций по археологии. — Токио, 1973. — Т. 3. — С. 178 (на яп. яз.).

⁴⁷ Кодاما С., Оба Т. О раскопках памятника Сумиёситэ в городе Хакодатэ // Хоппо-бунка кэнкю-хококу. — 1953. — № 8 (на яп. яз.).

⁴⁸ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. — Хабаровск, 1933. — С. 593—594.

⁴⁹ Хасимото С. Строительные остатки домов с крупными деревянными опорами // Тезисы докладов на Международном симпозиуме стран бассейна Японского моря. — Каназава, 1984. — С. 16—18 (на яп. яз.).

⁵⁰ Глухарева О. Н. Архитектура стран Дальнего Востока // Всеобщая история архитектуры. — М., 1970. — Т. 1: Архитектура древнего мира. — С. 447.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

¹ Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск, 1973. — С. 129.

² Гребенников А. В., Кононенко Н. А., Нестеров С. П. Сухие протоки-2 — новый тип памятников эпохи раннего железа в бассейне Среднего Амура. — Новосибирск, 1988. — С. 3—57. — (Препринт).

³ Гребенников А. В., Нестеров С. П. Предварительные итоги изучения двух памятников в долине р. Буреи // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. — Новосибирск, 1987. — С. 82—83.

⁴ Копытько В. Н. Памятники раннего железного века Нижнего Амура. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1988. — С. 6; Окладников А. П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935—1976 гг.). — Новосибирск, 1980. — С. 3—52.

⁵ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. — Владивосток, 1959. — С. 158—178; Андреева Ж. В. Древнее Приморье: Железный век. — М., 1970. — С. 21; Она же. Приморье в эпоху первобытно-общинного строя: Железный век (I тысячелетие до н. э. — VIII в. н. э.). — М., 1977; Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е. Раскопки древнего поселения Булочка у г. Находка в Сучанской долине // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1972. — № 6, вып. 2. — С. 66—72; Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток, 1973. — С. 177—180; Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Рудановское городище // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 260—261; Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. — Владивосток, 1987. — С. 180—194.

⁶ Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Древние поселения на острове Петрова // Археология Южной Сибири. — Кемерово, 1979. — С. 3—13.

⁷ Там же.

⁸ Вострецов Ю. В. Некоторые демократические аспекты развития кроуновской культуры // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1987. — С. 36.

⁹ Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. Каменный инвентарь поселения кроуновской культуры // Там же. — С. 4.

¹⁰ Шубин В. О. Раскопки многослойного поселения Озерск I // Археология Амуро-Сахалинского региона. — Владивосток, 1979. — С. 5—29; Герус Т. А. Археологические памятники залива Терпения // Там же. — С. 30—37.

¹¹ Танге К. Исе — прототип японской архитектуры / Архитектура Японии: Традиции и современность. — М., 1976. — С. 27.

¹² Там же. — С. 41—44.

¹³ Исино Х. Древние японские жилища с точки зрения археологии. — Осака, 1979. — С. 80 (на яп. яз.).

¹⁴ Там же. — С. 83.

¹⁵ Там же. — С. 86.

- ¹⁶ Там же. — С. 418.
¹⁷ Шоков А. Ф. Археология Кореи. — Воронеж, 1962. — С. 36. См. также: *Отчет о раскопках первобытного памятника Одон возле Хверёна.* — Пхеньян, 1959. — С. 7—71 (на кор. яз.); *То Ю Хо, Хван Ги Док.* Предварительный отчет о раскопках первобытных памятников в селе Читхап // Культурное наследие. — 1957. — № 5, 6 (на кор. яз.); *Отчет о раскопках первобытных стоянок на о. Чходо близ г. Начжина.* — Пхеньян, 1956. — С. 3—51 (на кор. яз.).
¹⁸ Ци Интао. Особенности ранних китайских деревянных сооружений // Вэньбу. — 1983. — № 4. — С. 60—74 (на кит. яз.).
¹⁹ Краткий доклад о раскопках остатков дворца № 1 в циньской столице Сяньян // Там же. — 1976. — № 11. — С. 12 (на кит. яз.).

ЖИЛИЩА МОХЭ

- ¹ Новиков-Дурацкий Г. С. Археологические разведки в окрестностях сел Игнатьевка, Марково и Екатериновка Амуро-Зейского р-на Амурского округа и гор. Благовещенска // Зап. Амурского окр. музея. — Благовещенск, 1930. — Вып. 1. — С. 27.
² Исино Х. Древние японские жилища с точки зрения археологии. — Осака, 1979 (на яп. яз.).
³ См.: Хотинский А. Н. Следы прошлого ведут в будущее. — М., 1981. — С. 25.
⁴ Исино Х. Древние японские жилища с точки зрения археологии. — Осака, 1979. — С. 78; Деревянко А. П. Приамурье (I тыс. до н. э.). — Новосибирск, 1976. — С. 81.
⁵ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. — М., 1981. — С. 232; Танабэ Ясури. Нихон Дзютану Си. (История японского жилища). — Токио, 1955. — С. 18 (на яп. яз.).
⁶ Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. — Л., 1934. — С. 137.
⁷ Деревянко Е. И. Городище на р. Завитой // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1972. — Ч. 1. — С. 207—317.
⁸ Дьякова О. В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1987. — С. 51—66.
⁹ Там же. — С. 56.
¹⁰ Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. — Новосибирск, 1975. — С. 57, рис. 29.
¹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1953. — Т. II. — С. 92.
¹² Культурна Мозурё. — Пхеньян, 1974. — С. 253—261 (на кор. яз.); Shin Chang-ju. A reconstruction of a vin Building // Annals of Academia Sinica. — Taipei, 1954. — N 1. — P. 267—280.
¹³ Tsuyoshi Fujimoto. The Satsumon and Okhotsk cultures searching for Ainu origins // Newsletter of Japanese Prehistory. — 1986. — N 4. — P. 2.
¹⁴ Васильевский Р. С. По следам древних культур Хоккайдо. — Новосибирск, 1981. — С. 62—65.
¹⁵ Исино Х. Древние японские жилища... — С. 148—160.
¹⁶ Чан Су Бу. Период Кофун в Японии // Очерки тихоокеанской археологии. — Владивосток, 1988. — С. 128, 138.
¹⁷ Кривауля Ю. В. Мохэские памятники Приханкайской низменности // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). — Уссурийск, 1989. — С. 26—27.
¹⁸ Семин П. Л. Мохэский комплекс памятника Усть-Зеркальная IV // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. — М., 1986. — Ч. 2. — С. 219—221.
¹⁹ Массон В. М. Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. — Л., 1974. — С. 7.
²⁰ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. — 1956. — № 52. — С. 22.
²¹ Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. — Л., 1968. — С. 96.
²² Relation de L'etat de L'iles, Formose, ecrite par George, Candidius, Ministre du S. Evangile envoyé dans cette Ille pour la propagation de la Foi Chretienne // Le cueil des voyages. — Rouen, 1725. — Т. 9. — P. 238—239.
²³ Шавкунов Э. В. Государство Бохай... — С. 3 — 128.
²⁴ Семенченко Л. Е., Болдин В. И. Новые данные о сельском хозяйстве бохайцев Приморья (по материалам археологических исследований) // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1981. — С. 69.
²⁵ Е. Лунли. История государства киданей (Цидань Го чжи) // Пер. с кит., введ. коммент. и прилож. В. С. Таскина. — М., 1979. — С. 303—304, 321. — (Памят-

ники письменности Востока; Т. 35). См. также: *Ивлиев А. Л.* Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов) // *Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века.* — Владивосток, 1988. — С. 9.

²⁶ Цит. по: *Воробьев М. В.* Культура чжурчженей и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). — М., 1983. — С. 225.

²⁷ *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). — Новосибирск, 1974. *Он же.* Роль черной металлургии в хозяйстве чжурчженей // *Археология и этнография народов Дальнего Востока.* — Владивосток, 1984. — С. 43—48.

ЖИЛИЩА ЧЖУРЧЖЕНЕЙ

¹ *Шавкунов Э. В.* Отчеты об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 году // *Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2581; ... в 1964 году // Там же, Р-1, № 2848. ... в 1965 году // Там же, Р-1, № 3050; ... в 1966 году // Там же, Р-1, № 3243; Шавкунов Э. В., Леньков В. Д.* Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1967 г. // *Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3444; ... в 1968 году // Там же, Р-1, № 3652; Шавкунов Э. В., Леньков В. Д., Галактионов О. С.* Археологические исследования на территории Приморского и Хабаровского краев в 1969 году // *Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3950.*

² *Материалы симпозиума «Районы Кюсю и Кинки в эпоху яйё».* — Осака, 1982. — Рис. 17 (на яп. яз.).

³ *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. // *Материалы по истории Дальнего Востока.* — Владивосток, 1973. — С. 73.

⁴ Там же. — С. 74.

⁵ *Воробьев М. В.* Хозяйство и быт чжурчженей до образования династии Цзинь // *Доклады по этнографии.* — 1965. — Вып. 1 (4). — С. 20; *Кычанов Е. И.* Чжурчжени в XI в. // *Сибирский археологический сборник. Материалы по истории Сибири.* — Вып. 2: *Древняя Сибирь.* — Новосибирск, 1966. — С. 273; *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. // *Тр. Вост. отд. имп. археол. о-ва.* — Спб., 1859. — Ч. 4. — С. 199—200.

⁶ *Окладников А. П.* Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре // *СА.* — 1951. — № 15. — С. 299—301; *Он же.* К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // *СА.* — 1935. — № 1. — С. 275—278; *Он же.* О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // *Источники по археологии Северной Азии (1935—1976 гг.).* — Новосибирск, 1980. — С. 24—26.

⁷ *Окладников А. П.* О работах археологического отряда... — С. 24—25; *Он же.* Археологические раскопки в районе Хабаровска. // *Вопросы географии Дальнего Востока.* — Хабаровск, 1963. — Вып. 6. — С. 278—282.

⁸ *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* — Л., 1968. — Т. 1: *Древняя Сибирь.* — С. 130.

⁹ Удивительно похожи жилища кроуновского типа и жилища среднедзёмонского периода Японии. Однако позднее их развитие пошло разными путями. См.: *Оба Тосио.* Дзёмон тюки бунка Хоккайдо. (Среднедзёмонская культура Хоккайдо) // *Кокогаку кодза.* (Курс лекций по археологии). — Токио, 1973. — Т. 3. — С. 113—118; *Ёсидзаки Масакадзу.* Дзёмон-бунка-но-хаттэн то тиикисэй. (Развитие культуры дзёмон и ее районирование) // *Дзёмон-дзидай.* (Эпоха дзёмон). — Токио, 1965. — Т. 2: *Нихон-но кокогаку.* (Археология Японии). — С. 47—48; *Такахаси Масакадзу.* Хино-хамагата дзю-кёси. (Жилища типа Хинохама) // *Хоккайдо кокогаку.* — 1974. — № 10. — С. 77—78.

¹⁰ *Бродянский Д. Л.* Археологические источники по истории жилищ народов Приамурья и Приморья // *Вопросы источниковедения и историографии.* — Владивосток, 1975. — Вып. 4. — С. 75.

¹¹ *Бродянский Д. Л.* Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV—I тыс. до н. э. // *Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.* — Новосибирск, 1975. — С. 184.

¹² *Дьякова О. В., Шавкунов Э. В.* Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Сикачи-Алян // *СА.* — 1975. — № 3. — С. 159; *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. // *Материалы по истории Дальнего Востока.* — Владивосток, 1973. — С. 72.

¹³ *Андреева Ж. В.* Основные итоги изучения жилых комплексов поселения «Синие Скалы» (по материалам раскопок 1958—1965 гг.) // *История, археология и этнография Дальнего Востока.* — Владивосток, 1967. — С. 18—22; *Она же.* Древнее Приморье. — М., 1970. — С. 96—98.

¹⁴ *Андреева Ж. В.* Приморье в эпоху первобытно-общинного строя (железный век). — М., 1977. — С. 147—149.

- 15 Болдин В. И., Семенченко Л. Е. Стратиграфия городища Николаевка II и периодизация бохайской культуры в Приморье // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР.— Владивосток, 1978.— С. 62; Семенченко Л. Е. К вопросу о датировке слоев городища на Круглой сопке и Марьяновского городища Приморья // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока.— Владивосток, 1974.— Вып. 2.— С. 113—115.
- 16 Шавкунов Э. В. К характеристике жилищ чжурчжэней... — С. 82.
- 17 Воробьев М. В. Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь // Доклады по этнографии.— Л., 1965.— Вып. 1/4.— С. 20.
- 18 Стариков В. С. Материальная культура китайцев.— М., 1967.— С. 65.
- 19 Излиев А. Л. Жилища киданей // Дальний Восток и Центральная Азия.— М., 1985.— С. 97—98. См. также: Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры.— М., 1980.— С. 246.
- 20 Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские.— Владивосток, 1922.— С. 72—80; Бооль В. Б. Гольды с реки Тунгуски // Книжное дело.— Хабаровск, 1930.— С. 7—15; Сэм Ю. А. Нанайцы. I: Материальная культура.— Владивосток, 1973.— С. 40.
- 21 Иванов С. В. Старинное зимнее жилище ульчей // Сб. МАЭ.— М.; Л., 1951.— Т. XIII.— С. 72; Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина.— М., 1975.— С. 213; Она же. Ульчи.— М., 1966.— С. 70—73; Она же. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза // СЭ.— 1957.— № 1.— С. 91; Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей.— Хабаровск, 1939.— С. 96.
- 22 Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края.— Спб., 1883.— Т. I; Спб., 1899.— Т. II; Спб., 1903.— Т. III; Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и Амурского лимана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1959.— С. 7—13; Он же. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и Западного побережья о. Сахалина // Сб. МАЭ.— М.; Л., 1961.— Т. 14.— С. 127; Иванов С. В. Архитектурный орнамент народов Нижнего Амура // Сб. МАЭ.— 1953.— Т. XV.— С. 234.
- 23 Василевич Г. М. Эвенки.— Л., 1969.— С. 115.
- 24 Стариков В. С. Материальная культура китайцев.— С. 64—67.
- 25 Браиловский С. Н. Тазы или удихэ // Живая старина.— Спб., 1901.— Вып. III/IV.— С. 336—341.
- 26 Давыдова А. В. Иволгинское городище // СА.— 1956.— Т. XXV.— С. 265.
- 27 Кызласов Л. Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города.— М., 1965.— С. 67, рис. 29; С. 78, рис. 41; Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума // Древнемонгольские города.— М., 1965.— С. 175, рис. 100.
- 28 Арзютюв Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развали золотоордынского города Сарайчика // Изв. АН КазССР. Сер. археол.— Алма-Ата 1949.— № 67, вып. 2.— С. 131; Баллод Ф. В. Старый и Новый Сарай, столицы 3 лотой Орды.— Казань, 1923.— Табл. 23.
- 29 Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследования 1959—1965 гг.) // Поволжье в средние века.— М., 1970.— С. 187.
- 30 Баллод Ф. В. Старый и Новый Сарай... — Табл. 27.
- 31 Горюхов В. А. Результаты археологических исследований на местонахождении г. Маджар в 1907 г. // Труды XIV археологического съезда.— М., 1911.— Т. 3.— С. 185, рис. 119.
- 32 Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА.— 1950.— № 14.— С. 39, 49; Воронина В. Л. Архитектура древнего Пянджикента // МИА.— 1964.— № 124.— С. 52, рис. 1; Гудкова А. В. Ток-кала.— Ташкент, 1964.— С. 51.
- 33 Воробьев М. В. Городища чжурчжэней как фортификационное сооружение // Докл. отделений и комиссий Географического общества СССР.— Л., 1968.— С. 70.

ЖИЛИЩА СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ АМУРА

- 1 Описание Маньчжурии.— Спб., 1897.— Т. 1.— С. 228.
- 2 Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению отдела РГО в 1855 году.— Спб., 1859.— С. 70.
- 3 Там же.— С. 82.
- 4 Описание Маньчжурии... — С. 229.
- 5 Стариков В. С. Материальная культура китайцев.— М., 1967.— С. 21—34.
- 6 Журнал Министерства Внутренних дел.— 1860.— Т. XLV, отд. VI.— С. 11.
- 7 Там же.
- 8 Широкогоры С. М. Социальная организация северных тунгусов // Архив ЛО ИЭ АН СССР, К-II, оп. 1, № 164, л. 386.

- 9 Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. — Хабаровск, 1933. — С. 458.
- 10 Там же. — С. 459.
- 11 Бооль В. Б. Гольды с реки Тунгуски // Книжное дело. — Хабаровск, 1930. — С. 6.
- 12 Там же — С. 7, 15.
- 13 Народы мира: Этнографические очерки // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 820.
- 14 Иванов С. В. Старинное зимнее жилище ульчей // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1951. — Т. XIII. — С. 72.
- 15 Смоляк А. В. Материальная культура ульчей и вопросы их этногенеза // СЭ. — 1957. — № 1. — С. 92.
- 16 Иванов С. В. Старинное зимнее жилище... — С. 72, 97, 101.
- 17 Смоляк А. В. Ульчи. — М., 1966. — С. 72.
- 18 Смоляк А. В. Западные (центрально-азиатские) элементы в культуре народов Нижнего Амура // Рефераты докладов и сообщений дальневосточной конференции. — Владивосток, 1973. — Вып. 1. — С. 8.
- 19 Назаров А. Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Приложение к «Известиям Восточно-Сибирского отдела РГО». — 1898. — Т. XIV, № 1/2. — С. 13.
- 20 Маак Р. Путешествие на Амур... — С. 191.
- 21 Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. — СПб. 1903. — Т. 3. — С. 64.
- 22 Смоляк А. В. Состав, происхождение и расселение ульчских родов // Сибирский этногр. сборник. — М., 1963. — Т. V. — С. 151—152. — (Труды Ин-та этнографии АН СССР; Т. 83).
- 23 Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры (II в. до н. э. — IV в. н. э.) в свете сибирской этнографии // Краеведческий сборник. — Абакан, 1956. — № 1. — С. 11; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 393, 401, 411; Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 338, 386, 393 — 394, 508; Доржсурен Ц. Могилы хунну по р. Хуин-гол в горах Ноин-ула // Монгольский археологический сборник. — М., 1962. — С. 43; Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962. — С. 6, 8, 10, 13.
- 24 Шубин В. О., Косухина Г. И., Прокофьев М. М. Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея на Северном Сахалине (1978, 1980—1981). — Южно-Сахалинск, 1984. — С. 7. — Препринт.
- 25 Иванов С. В. Старинное зимнее жилище... — С. 105.
- 26 Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. — С. 143.
- 27 Алябьев. Далекая Россия. Уссурийский край. — СПб., 1872. — С. 113.
- 28 Ларькин В. Г. Орочи. — М., 1964. — С. 46—47.
- 29 Лопатин И. А. Орочи — сородичи маньчжур // ВМ. — 1925. — № 8. — С. 26.
- 30 Василевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969. — С. 107.
- 31 Пекарский Э. К., Цветков В. П. Очерки быта приамурских тунгусов. — СПб., 1913. — С. 73, 80.
- 32 Василевич Г. М. Эвенки. — С. 111—112.
- 33 Там же. — С. 113.
- 34 Маак Р. Путешествие на Амур... — С. 133.
- 35 Пржевальский Н. И. Путешествие в Уссурийском крае в 1867—1869 гг. — М., 1946. — С. 80—81; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны... — С. 474, 531.
- 36 Назаров А. Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы... — С. 9.
- 37 Стариков В. С. Материальная культура китайцев... — С. 62.
- 38 Стариков В. С. Материальная культура китайцев. — С. 62; Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина // Сибирский этнографический сборник. — М.; Л., 1961. — Т. III. — С. 100.
- 39 Стариков В. С. Материальная культура китайцев. — С. 63; Василевич Г. М. Эвенкиско-русский словарь. — М., 1958; Цинциус В. И. О названиях, связанных с понятием «народ» в тунгусо-маньчжурских языках // Acta Orientalia. — 1962. — Т. XV, vol. 1—3. — С. 44.
- 40 Иванов С. В. Старинное зимнее жилище... — С. 103—104.
- 41 Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны... — С. 50.
- 42 Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки... — С. 124.

ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ

- 1 Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. — 1970. — № 4. — С. 12.
- 2 Там же.
- 3 Тан-Богораз В. Г. Чукчи. — Л., 1939. — Т. II: Религия. — С. 54—55, 62—63.

- 4 Токарев С. А. К методике этнографического изучения... — С. 13.
- 5 Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. — М., 1982. — С. 49.
- 6 Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок) // Семиотика культуры. — Тарту, 1978. — С. 65. — (Труды по знаковым системам; Вып. 463).
- 7 Kroeber A. L. Peoples of the Philippines: Hand Book. — N. Y., 1943. — Ser. N 8. — P. 102; Стариков В. С. Материальная культура китайцев. — М., 1967. — С. 58.
- 8 Таксами Ч. М. Первобытно-родовые отношения и религиозные верования у нивхов // СХВ. — М., 1969. — Вып. 8. — С. 62.
- 9 Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке // Зап. Владивостокского отдела Гос. геогр. о-ва. — Владивосток, 1929. — Т. IV (XXI). — С. 8.
- 10 Журнал Министерства внутренних дел. — 1860. — Т. XLV, отд. VI. — С. 12.
- 11 Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: История, структура, социальные функции. — Новосибирск, 1987. — С. 141.
- 12 Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легенды, сказания... в Витебской Белоруссии. — Витебск, 1897. — С. 134.
- 13 Таксами Ч. М. Первобытно-родовые отношения... — С. 59.
- 14 Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л., 1983. — С. 3.
- 15 Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. — М., 1969. — С. 162.
- 16 Топоров В. Н. Квадрат // Мифы народов мира. — М., 1980. — Т. 1. — С. 631.
- 17 Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). — М., 1982. — С. 61.
- 18 Шибаева Ю. А. Из истории хакасского жилища // КСИЭ. — 1950. — Т. X. — С. 43.
- 19 Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // Тр. ИЭ АН СССР. — Т. XVIII. — С. 153.
- 20 Латынин Б. А. Мировое дерево — древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы: К вопросу о пережитках // Изв. ГАИМК. — Л., 1933. — Вып. 69; Зеленин Д. К. Топемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. — М.; Л., 1937; Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. — М., 1980; Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции // Проблема истории языков и культуры народов Индии. — М., 1974; Он же. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Тр. по знаковым системам. — Тарту, 1971.
- 21 Вербицкий В. И. Алтайские инородцы // Сб. этнографических статей и исследований. — М., 1893. — С. 46; Ксенофонов Г. Ф. Легенды и рассказы о шаманах якутов, бурят и тунгусов. — М., 1930. — С. 114; Новик Е. С. Камлания шаманов как драматизированное описание Вселенной // Сб. статей по вторичным моделям, относящимся к системам. — Тарту, 1973. — С. 20—26.
- 22 Анисимов А. Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Тр. ИЭ АН СССР. Новая сер. — М.; Л., 1952. — Т. XVIII. — С. 202—203.
- 23 Зеленин Д. К. Топемы-деревья... — С. 50; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточно-славянский этнографический сборник. — М., 1956. — С. 132; Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. Сиб. отд. РГО. — Омск, 1903. — Т. XXX. — С. 40.
- 24 Ferrell R. Taiwan aboriginal groups: Problems in cultural and linguistic classification. — Nankai, Taipei, Taiwan, 1969. — P. 36—37. — (Institute of Ethnology Academia Sinica; Monograph. N 17).
- 25 Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. — Хабаровск, 1939. — С. 91.
- 26 Теребихин Н. М. Строительная обрядность мордвы (по материалам полевых исследований) // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1985. — С. 148.
- 27 Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм... — С. 142.
- 28 Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии // Этнографический сб. — 1864. — Т. VI. — С. 138.
- 29 Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонечкой губернии // ИОЛЕАЭ. — М., 1899. — Кн. IX. — С. 145. — (Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России; вып. 1).
- 30 Дерунов С. Я. Из русской народной космогонии // Там же. — С. 18; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестьянская сила. — СПб., 1903. — С. 282.
- 31 Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы... — С. 134—135.
- 32 Чигринский М. Ф. Из истории религии аборигенов Тайваня // СХВ. — М., 1979. — Вып. 20. — С. 211.
- 33 Зеленин Д. К. Топемы-деревья... — С. 72; Hartland E. S. Foundation for rites // Encyclopedia of Religion and Ethics. — Edinburgh, 1913. — Vol. VI. — P. 109—115.

- 34 Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИ-ИМК. — 1957. — Вып. 68. — С. 20—29; Миронова В. Г. Языческие жертвоприношения в Новгороде // СА. — 1967. — № 1. — С. 215; Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы... — С. 136.
- 35 Стариков В. С. Материальная культура китайцев... — С. 58.
- 36 Тан-Богораз В. Г. Чукчи. — Т. II. — С. 77—78.
- 37 Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. * Trizna и др.) // Этимология. 1977. — М., 1979. — С. 12.
- 38 Байбурин А. К. Жилище... — С. 35.
- 39 Зеленин Д. К. Тотемы-деревья... — С. 4.
- 40 Бутин Н. А. Разделение труда в первобытном обществе // ТИЭ. Новая сер. — 1960. — Т. IV. — С. 146; Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в общинах индейцев северо-западного побережья Северной Америки // — ТИЭ. Новая сер. — 1961. — Т. XX. — С. 29.
- 41 Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе, 1986. — С. 53.
- 42 Стариков В. С. Материальная культура китайцев. — С. 57.
- 43 Леонтьев В. В. Поселения и жилища кереков // Экономические и исторические исследования на северо-востоке СССР. — Магадан, 1976. — С. 161.
- 44 Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны... — Хабаровск, 1933. — С. 474—475.
- 45 Там же. — С. 477.
- 46 Прокофьева Е. Д. Материалы по религиозным представлениям энцев // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1953. — Т. XIV. — С. 214.
- 47 Иванов С. В. Старинный якутский обряд // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. — Л., 1971. — С. 144—146.
- 48 Богораз В. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии. — М., 1910. — С. 9.
- 49 Токарев С. А. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // СА. — 1961. — № 2; Абрамова З. А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. — М.; Л., 1966.
- 50 Василевич Г. М. Материалы по религиозным представлениям эвенков // Архив ЛОИЭ, ф. 22, оп. 1, л. 37.
- 51 Крейнович Е. А. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке // Вопросы языкознания. — 1961. — № 2. — С. 116.
- 52 Алексеев Е. А. Домашние покровители у кетов // Сб. МАЭ. — Т. XXVII: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. — Л., 1971. — С. 263; Финдейзен Х. Из поездки к кэто (енисейским остякам) в 1927—1928 гг. // Сев. Азия. — 1928. — № 2. — С. 128.
- 53 Алексеев Е. А. Домашние покровители... — С. 264.
- 54 Там же.
- 55 Цыбиков Г. П. Культ огня у восточных бурят-монголов // Бурятоведческий сборник. — Иркутск, 1927. — Вып. 3/4. — С. 64.
- 56 Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. — СПб. 1902. — Т. 3. — С. 323.
- 57 Харузина В. К вопросу о почитании огня // Этногр. обозрение. — М., 1897. — № 1. — С. 69; Ионова О. В. Добудийские верования Таиланда // Доклады по этнографии ГО СССР. — Л., 1966. — Вып. 4. — С. 85; Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеутов // СМАЭ. — М.; Л., 1927. — Т. VI. — С. 68—71.
- 58 Анисимов А. Ф. Семейные «охранители» у эвенков // СЭ. — 1950. — № 3. — С. 33.
- 59 Labat P. L'habitation et la famille dans diverses civilisations // Famille et habitation. — Paris, 1959. — P. 37—41; Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозаи и знаковых систем. — М., 1978. — С. 85.
- 60 Кудрявский Д. Исследование в области древнеиндийских домашних обрядов. — Юрьев, 1904. — С. 103.
- 61 Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. — 1970. — № 4. — С. 16.
- 62 Zgusta R. Some aspects of the organization of domestic space in Southwestern Korea and their parallels in North Asia // Bunkyo-ku. — Tokyo, 1988. — P. 3—4; Иванов С. В. Старинное зимнее жилище ульчей // СМАЭ. — М.; Л., 1951. — Т. XIII. — С. 113.
- 63 Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. — Шанхай, 1929. — С. 255—256.
- 64 Василевич Г. М. Угдан — жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1960. — Т. XX. — С. 35.
- 65 Идзуми С. Ороконы на юго-востоке Большого Хинганского хребта // Минзокугаку кэнкю. — 1937. — Т. 3, № 1. — С. 54—55 (на яп. яз.).
- 66 Zgusta R. Some aspects... — P. 10.

- 67 Иванов С. В. Старинное зимнее жилище ульчей // Сб. МАЭ.— М.: Л., 1951.— Т. XIII.— С. 114; см. также Штернберг Л. Я. Гольды, орочи, гиляки, негидальцы, айны.— Хабаровск, 1937.— С. 315—317.
- 68 Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края.— Спб., 1899.— Т. II.— С. 112.
- 69 Таксами Ч. М. К вопросу о культе предков и культе природы у нивхов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века.— Л., 1971.— С. 201—202.
- 70 Цинциус В. И. Воззрения негидальцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века.— Л., 1971.— С. 181.
- 71 Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела РГО в 1855 году.— Спб., 1859.— С. 134.
- 72 Бооль В. Б. Гольды с реки Тунгуски // Книжное дело.— 1930.— С. 16.
- 73 Васильевский Р. С. По следам древних культур Хоккайдо // Новосибирск, 1981.— С. 119.
- 74 Таксами Ч. М. Первобытно-родовые отношения... — С. 66; Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора.— Спб., 1908.— С. 127; Шренк Л. Я. Об инородцах Амурского края.— Спб., 1903.— Т. 3.— С. 112.
- 75 Прокофьева Е. Д. Материалы по религиозным представлениям энцев // Сб. МАЭ.— М.: Л., 1953.— Т. 14.— С. 228.
- 76 Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Тр. ИЭ АН СССР.— 1952.— Т. 18.— С. 245.
- 77 Кучинский А. Описание Сибири XVIII в. (Материалы Л. Сеницкого о сибирских аборигенах и их культуре) // СЭ.— 1972.— № 1.— С. 33.
- 78 Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны.— М., 1967.— С. 198.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологическая служба.
 ВМ — Вестник Мамонтово.
 ГАИМК — Государственный институт истории материальной культуры АН СССР.
 ГО — Государственное общество.
 ДВАЭ ИИМК — Далекоисточная археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР.
 ИА — Институт археологии АН СССР.
 ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
 ИЭ — Институт этнографии АН СССР.
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
 ЛО ИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.
 МИА — Материалы к исследованию по археологии.
 РГО — Русское географическое общество.
 СА — журн. «Советская археология».
 Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии (Ленинград).
 СНВ — Страна и народы Востока.
 СЭ — Журн. «Советская этнография».
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Жилища каменного века	18
Домостроительство в раннем железном веке	54
Жилища мохэ	73
Жилища чжурчжэней	94
Жилища современных народов Амура	114
Обряды и праздники, связанные с жилищем	123
Заключение	136
Примечания	145
Список сокращений	156

Научное издание

Дервянко Евгения Ивановна

ДРЕВНИЕ ЖИЛИЩА
ПРИАМУРЬЯ

Редактор издательства Т. Б. Мелкозерова

Художник А. И. Смирнов

Художественный редактор В. А. Реймхе

Технический редактор Г. Я. Герасимчук

Корректор Н. И. Глазырина

ИБ № 42556

Сдано в набор 11.01.91. Подписано в печать 18.09.91. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10.

Усл. кр.-отт. 10,3. Уч.-изд. л. 11. Тираж 900 экз.

Заказ № 616. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ

Книги можно предварительно заказать в магазинах Всесоюзной фирмы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Всесоюзной фирмы «Академкнига»; 252208 Киев, проспект Правды, 80а, магазин «Книга — почтой»; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 *Алма-Ата*, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»)

370001 *Баку*, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»)

720001 *Бишкек*, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»)

232600 *Вильнюс*, ул. Университето, 4 («Книга — почтой»)

690088 *Владивосток*, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)

320093 *Днепропетровск*, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»)

734001 *Душанбе*, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»)

375002 *Ереван*, ул. Туманяна, 31

664033 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)

420043 *Казань*, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»)

252030 *Киев*, ул. Ленина, 42

252142 *Киев*, проспект Вернадского, 79

252025 *Киев*, ул. Осипенко, 17

277012 *Кишинев*, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»)

343900 *Краматорск* Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»)

660049 *Красноярск*, проспект Мира, 84

191104 *Санкт-Петербург*, Литейный проспект, 57

199164 *Санкт-Петербург*, Таможенный пер., 2

- 714416 Ленинград, Тихомиров пр-кт, 4
 714417 Ленинград, Тихомиров пр-кт, 72 («Книга — почтой»)
 714418 Ленинград, ул. Тургенева, 10а
 714419 Ленинград, ул. Вильямса, 55/17
 714420 Ленинград, Вязовый пр-кт, 51
 714421 Ленинград, Морской пр-кт, 22 («Книга — почтой»)
 717216 Мурманск, Мухоморова ул., ул. Победы, 8
 717217 Мурманск, Мухоморова ул., МР. «В», 1 («Книга — почтой»)
 717218 Самара, пр-кт Ленина, 2 («Книга — почтой»)
 720151 Свердловск, ул. Мамин-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
 760010 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1
 760026 Ташкент, ул. Ленина, 73
 760070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
 760085 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»)
 634030 Томск, наб. реки Катуны, 18
 450039 Уфа, ул. Р. Заря, 10 («Книга — почтой»)
 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
 310074 Хабаровск, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО АН СССР Евгения Ивановна Деревянко успешно занимается проблемами истории и археологии средневековья Восточной Азии. Ее перу принад-

лежат пять монографий и большое количество научных статей. Труды Евгении Ивановны знают не только в нашей стране, но и за рубежом. Многие из них переведены на английский, японский, китайский и корейский языки, монография "Племена Приамурья I тысячелетия нашей эры" переиздана в Китайской Народной Республике.

Е.И. Деревянко — автор крупных разделов в ряде коллективных монографий — в "Истории Сибири", "Древней истории Дальнего Востока", "Истории Центральной Азии" и др.

Ежегодные экспедиции в Приамурье и Приморье позволили Евгении Ивановне исследовать десятки замечательных памятников древности.

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ